

А.О.Стернин

***Диалектика
прошлого***

**Воронеж
2009**

В этой книге представлены воспоминания А.О. Стернина (1909 – 2001) – журналиста, учителя, преподавателя, философа, публициста, отражающие события с 20-х годов прошлого века до начала века нынешнего. В книгу включены также воспоминания об А.О. Стернине его коллег, друзей и детей.

Издание осуществлено к 100-летию со дня рождения А.О. Стернина его детьми – И.А.Стерниным и М.А. Стерниной.

Для всех интересующихся историей России новейшего периода.

© Стернин И.А., Стернина М.А., 2009

А.О. Стернин. Диалектика прошлого. – Воронеж: «Истоки», 2009.
Тираж 150 экз. – 158 с.

От составителей

Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы - как истории планет,
У каждой есть особое, свое,
И нет судеб, похожих на нее...

Е.Евтушенко

Эта книга подготовлена нами к столетию со дня рождения нашего любимого отца – Абрама Осиповича Стернина.

Абрам Осипович родился 13 июля 1909 года. За свою долгую жизнь он работал вожатым, журналистом, учителем, преподавателем вуза. Был кандидатом философских наук, до ухода на пенсию работал доцентом кафедры философии Воронежского лесотехнического института. Автор более сотни научных работ по логике, философии, методике их преподавания, многих публицистических статей. Его воспоминания не раз публиковались в прессе, он выступал с ними на различных вечерах и встречах.

В этой книге мы представляем читателю воспоминания Абрама Осиповича, посвященные различным периодам его жизни. Думается, что они будут интересны как свидетельства эпохи самым разным людям - журналистам и литераторам, историкам и политологам, философам и всем людям, которые интересуются противоречивым и интересным периодом в жизни нашей страны - от 20-х годов XX века до изменений последних лет. Это время пронизано диалектикой – борьбой старого и нового, борьбой прекрасного и возвышенного с подлым и низменным, борьбой одной общественно-экономической формации с другой. Отсюда и название этой книги – «Диалектика прошлого». Так назвал в 1997 г. свои воспоминания наш отец, когда вышла в свет их первая часть.

Одним читателям в этой книге будут более интересны исторические факты и конкретные наблюдения, другим, возможно, те оценки, которые высказывает философ А.О. Стернин, кого-то заинтересуют его общественно-политические взгляды и суждения. В любом случае, как нам думается, эта книжка представит интерес для разных категорий читателей.

Эта книга – дань нашей памяти и бесконечной благодарности нашим родителям за то, что они сделали для нас. Мы сохранили название книги, которое дал своим воспоминаниям наш отец, и дополнили его воспоминания своими воспоминаниями о нем и воспоминаниями друзей и знакомых нашей семьи.

Иосиф Стернин
Марина Стернина

Диалектика прошлого

1997 г.

ГОРОДА МОЕГО ДЕТСТВА

Эти заметки я начинаю с рассказа о городе Витебске, городе моего детства, из которого судьба увела меня более 70 лет назад. Я жил в Москве, на Украине, в Башкирии, в Ярославле, в Воронеже. Меняется опыт, квалификация, место жительства, трудовой стаж - одно не меняется: место твоего рождения. Оно навсегда остается в памяти и сердце человека. Для меня это город Витебск, милый, тихий, спокойный город, каким я его помню много лет.

Жили мы на бывшей Петровской улице, ныне Первой Краснобригадной. Это на границе старого центра и района бедноты, Песковатика, который презирали в городе все зажиточные обыватели. К нашей улице от бывшей Смоленской площади (ныне площадь Ленина) вела улица, которая называлась Грязная, по соседству была Грязно-Петровская улица - сами названия красноречиво говорили о степени их благоустройства.

На Смоленской площади был рынок, куда мы нередко бегали просто так, для развлечения. «Королем» рынка был городской по фамилии Семенов - среднего роста, но очень толстый, важный, с шашкой – «селедкой» на боку, с кучей медалей за верную службу на груди. Он медленно ходил по рынку, надменно-снисходительно поглядывая на свое хозяйство. И мы, дети, и торговцы его очень боялись.

Хорошо помнятся мне мои школьные годы. Учиться я начал в 1918 году в старшем приготовительном классе бывшей гимназии на Гоголевской улице. Добираться до этой школы с нашей улицы приходилось двумя трамваями. Но старшим очень хотелось, чтобы я учился в бывшей гимназии, куда до революции доступ детям небогатых людей, к тому же неправославным, был практически закрыт. Школа эта уже была в то время обычной единой трудовой школой 1 и 2 ступеней, как тогда ее называли, но слава недоступной в прошлом гимназии привлекала к ней.

В этой школе нас было уже довольно много, «новобранцев», одетых весьма пестро, в отличие от старшекласников, еще щеголявших в своих гимназических мундирчиках. Учили нас по новым советским программам, в советском духе, царские портреты со стен были уже удалены, хотя от них на стенах оставались заметные темные пятна. Но в декабре месяце, накануне отпуска на традиционные рождественские каникулы, нас всех собрали в школе на вечер, на котором старшекласники в гимназической форме с воодушевлением и каким-то даже, казалось, упоением докладывали нам о рождении и спасительной миссии Иисуса Христа.

В классах было холодно, школа почти не отапливалась, сидели мы на

занятиях в пальто, писали карандашами - чернил не было. Руки у всех были в варежках. Трудно было школе в то время, но учили нас хорошо.

Помню своего первого учителя - высокий, седоусый мужчина Василий Иванович. Он представлялся нам богом: строгий, справедливый, необыкновенно спокойный. Сейчас я понимаю, что он был великолепным методистом: при нехватке учебников, тетрадей, в суровых «климатических» условиях он учил нас грамотному письму и чтению. Он также вел у нас еще и уроки пения, которые проходили под аккомпанемент скрипки, на которой играл сам учитель. Только на уроках музыки спокойствие ему иногда изменяло, и он угощал нас щелчками, а иногда и смычком - если кто-нибудь выбивался из такта или из тона разучиваемой песни: его музыкальная душа не могла терпеть такого святотатства.

В пятом классе литературе и русскому языку учил нас другой учитель - Петр Иванович Тихомиров. Он впервые научил нас вникать в суть литературного произведения, в смысл, идею. Из его уст мы впервые слышали имена Короленко, Чехова. Он обладал незаурядным даром чтеца, вдохновенно читал нам стихи Лермонтова. И хотя за рыжие усы ученики дали ему кличку «таракан», все мы его очень любили, чувствовали, что он приобщает нас к чему-то очень умному и благородному, возвышающему нас.

Нас, 11-12-летних малышей, он учил пробовать свои силы в творчестве. Он давал нам сюжеты сказок, коротеньких рассказов, и мы с увлечением дома сочиняли сказки и рассказы, которые затем зачитывали и обсуждали в классе. За шалунов наш милый Петр Иванович заступался, если видел в них «огонек» души, стремление учиться. Я знаю, что однажды он заступался на педсовете и за меня и говорил коллегам: «Не трожьте его, это будущий адвокат!» Уверен, что у всех моих соклассников запечатлелся в душе витебский учитель Тихомиров. Мне уже за восемьдесят, но я как сейчас вижу его высокую фигуру, слышу его немного глуховатый голос, вижу его добрую, теплую улыбку, когда он слышал хороший ответ ученика, его огорченное лицо, если ответ был бестолковый или не было выполнено домашнее задание, вижу весь класс, замерший при рассказе самого учителя... Воистину - слава таким учителям!

Попадались и странные учителя. Был, например, у нас учитель географии по фамилии, кажется, Крачковский. Во-первых, он требовал от нас абсолютной неподвижности на уроке. Во-вторых, он совершенно не принимал новые порядки, что было ясно даже для нас, малышей, поскольку он часто на уроках отпускал шпильки в адрес новой власти, новых порядков, в адрес происходящих изменений в различных областях жизни. Рассказывая нам о Китае, он очень хвалил китайцев за преданность традициям — «Не то, что мы, все переворостили». Критиковал он и принятые только что новые правила орфографии. Помню, как он говорил нам: «Вот, отбросили букву Ё, так теперь не разберешь, что написано. «Петров осел в Витебске» - это что: Петров проживает в Витебске или он

является ослом?» Он, как и некоторые другие консервативно настроенные учителя, возмущались отменой букв ять, фита, ижица, отменой твердого знака в конце слова. Мы же, ученики, с восторгом приняли изменения в русской орфографии - ведь это облегчало нам доступ к грамотности, освобождало от бессмысленной зубрежки. В среде учащейся молодежи было по случаю реформы правописания настоящее ликование: помню первомайскую демонстрацию, на которой ученики одной из школ несли изображение гроба, в котором лежали ненавистные, а ныне отмененные фита, ять и другие буквы.

Надо сказать, что географ, о котором я рассказывал, был, пожалуй, исключением среди учителей - обычно от учителей мы слышали хорошие слова о новых порядках. Дети же все были стихийно за новое.

Мы были дети революции, и она отразилась на нашей жизни, наверное, так, как ни на каком другом поколении советских людей. Революция распахнула двери школ перед ребятами всех сословий, национальностей, уровней благосостояния. В школах закипела общественная жизнь (чего практически не было в старой школе), появились различные кружки для детей, маленькие художественные коллективы, стали проводиться многочисленные школьные вечера.

В культурной жизни Витебска в первые годы революции исключительно большую роль играл драматический театр. Его любили все - и взрослые жители города, и, конечно, мы, дети. При театре была создана детская театральная студия, которая ставила замечательные спектакли для ребят. В студию, разумеется, принимали лишь самых способных, но желающих играть на сцене было великое множество. И что интересно - тяга к театральному действу была так велика, что очень часто дети создавали самодеятельные театры на своей улице, во дворах, и играли там спектакли. Я знал много таких театров; был такой театр и во дворе нашего дома на Петровской улице. Здание театра было сооружено из драниц (тонких досок) нашими собственными силами, и мы, мальчишки и девчонки с нашей улицы, ставили там спектакли собственного сочинения - конечно же, на революционную тематику, о борьбе с белыми, о заговорах, герои наших пьес много стреляли друг в друга из самодельных пугачей. Настроение у нас всех было боевое и революционное.

Игры у нас часто бывали, если так можно сказать, милитаристские. Может показаться невероятным, но это так: мы сами делали порох, начиняли им патроны и стреляли. Порох изготавливался так: брали сухой, растертый древесный уголь (его было сколько угодно в наших домах с печным отоплением), затем с ним смешивали в определенной пропорции серу и порошок бертолетовой соли. Порох отлично взрывался. Палить во дворе дома нам, конечно, не разрешалось, и для этой цели мы уходили на окраину в так называемое «Мазурино», что, впрочем, было совсем недалеко. Сейчас это «Мазурино» - один из благоустроенных лесопарков Витебска. Там мы устанавливали мишени и палили из самодельных ружей и пистолетов. Надо только удивляться, что мы не переранили и не

перестреляли друг друга. Но изобретатель нашего детского оружия, мой друг Юрка Заремба вел всю работу умело и старательно.

Вспоминаю еще одну нашу детскую забаву, уже не милитаристскую, Мы строили небольшие гальванические батареи, которые давали электрический ток 10-15 ватт. Материалами для батарей служили обрезки бутылок (обмотаем бутылку в нужном месте ниткой, пропитанной керосином, подожжем, а потом в холодную воду), а также цинковые пластинки, грифель и раствор серной кислоты. Мне очень нравилось ночью, выключив настоящий электрический свет, читать книги при своем свете, хотя он и был значительно слабее настоящего.

Не миновало нас и увлечение футболом. Делали самодельные мячи - камеру покупали, а покрышку сами шили из чулок, тряпок или голенища от сапога (это был уже высший класс!). Играли таким мячом с удовольствием, я обычно выполнял функции защитника (бека, как тогда говорили).

Детство всегда помнится людям в светлых тонах. Но если быть объективным, мое витебское детство, как и детство моих друзей-сверстников, действительно было счастливым. О нас, детях, очень заботились взрослые, и в первую очередь - новая власть. В первые годы был еще холод в школах, была и нехватка продуктов, случались эпидемии, но люди делали все, что могли, чтобы наше детство было счастливым. Помню, как в школе нам выдали всем по пальто - бесплатно, независимо от того, нужно ли тебе пальто или нет (это ведь был период военного коммунизма), хотя, конечно, каждому пальто пригодились. В 1922 - 23 г.г. школа уже стала жить в более нормальных условиях - зимой стали отапливать классы, появились тетради, чернила.

Но время шло, приходил конец детским играм. В Витебске, как и в других городах, наступал отлив молодежи в крупные города - Москву, Ленинград, Минск, Киев. Мой старший брат уже ряд лет работал в Москве; в начале января 1924 года он забрал в Москву и меня.

«Кумиром» молодежи было все новое. Новый город был новой жизнью, к которой мы все стремились. Да здравствует новая жизнь! Да здравствуют новые места! Это с возрастом начинаешь понимать прелесть того, что называют малой родиной, прелесть беспечального детства. А тогда - ура! Да здравствует Москва!

Москва - это второй город моего детства.

Московские школы, конечно, были лучше оснащены, чем моя витебская гимназия, и учебный процесс шел уже на более высоком уровне. Но мои московские школьные годы запомнились мне, прежде всего, бурной общественной жизнью, которая кипела в то время в школе, и в которой мы, школьники, с удовольствием и даже с наслаждением участвовали.

С января месяца 1924 года я жил в Москве в семье моего брата в районе Малой Бронной, в Козихинском переулке. Я сразу же стал членом пионерского отряда при 16-ой типографии Мосполиграфа (тогда пионерские отряды создавались при предприятиях, а не в школах). Это был первый в стране пионерский отряд, он возник в феврале 1922 года и

мы гордились, что состоим в первом пионерском отряде, который называли с уважением «пионер пионеров».

Вожатыми нашими были комсомольцы - рабочие типографии. Это были увлеченные, искренние ребята, исключительно доброжелательные, работающие. До сих пор (сколько уже лет!) помню их имена; Ваня Серебряков, Миша Голынников, Миша Саушкин, Шура Гельфрих и помощник вожатого Белла Рутштейн. Вообще, для большинства возникавших в разных районах Москвы пионерских отрядов был характерен именно такой состав вожатых - люди с предприятий, и в основном мужчины.

Позже, когда пионерские отряды получили распространение в школах, связь с производством была потеряна, а в наше время она была очень сильна, и мы имели от этого много преимуществ. К примеру, наш отряд собирался на свои сборы в очень неплохо оборудованном подвальном помещении, сухом, чистом; а оборудовали его для нас комсомольцы типографии. Шефы из комсомольской и партийной организации типографии часто приходили к нам на сборы, выступали перед нами, отвечали на наши многочисленные дотошные вопросы. Меня очень радовало то, что мне и другим пикорам - так называли в то время пионерских корреспондентов - можно было печататься в многотиражной газете типографии, это было для нас большой честью и доверием. Именно в многотиражке типографии я впервые в жизни увидел написанную мною заметку набранной и напечатанной! Многие из моих друзей, как и я, начали свой журналистский путь с типографской многотиражки.

Жизнь в пионерском отряде была интересной и насыщенной. Мы все время были заняты делом - проводили сборы, отмечали праздники, организовывали ребят близлежащих районов. Огромное значение для нас имели барабан и горн, под которые мы много маршировали по улицам города, распевая пионерские песни - это действительно было воодушевляющее мероприятие. Мы маршировали тесными рядами, ощущая чувство локтя друг друга... Незабываемое время! А какие чувства вызывали у нас вечерние прогулки при луне - и опять под барабан!

С барабаном, кстати, у меня связано и еще одно воспоминание - в феврале 1924 года, когда наш отряд отмечал вторую годовщину своего создания, к нам на торжественный сбор пришел известный журналист, редактор журнала «Огонек» Михаил Кольцов. Мне было поручено от имени отряда принять от Кольцова подарок - новый пионерский барабан и комплект журнала «Огонек» за прошедший год. А потом была опубликована фотография, где я принимаю у Кольцова подарок. Отряд наш был известным (ведь он был, напомним, первым), поэтому к нам и приходили такие важные люди. Помню, на сбор к нам приходили члены Малого Совнаркома Богуславский и Дробнис, приходил старый большевик, известный всей стране, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания Николай Ильич Подвойский.

Конечно, мы не только занимались пионерской работой, но и еще

учились в школе. В школе, в соответствии с духом времени, было много интересного и нового. Школьное обучение перестраивалось, появлялись и исчезали новые предметы, новые типы учебных заведений. Учителя были как новые, так и из «бывших», многие учителя не были профессиональными педагогами. Так, русский язык и литературу в нашей школе преподавал бывший актер Мамонов, который сохранил артистизм на всю жизнь. Он совершенно покори нас всех тем, что на самом первом уроке начал с художественного чтения и прочитал нам рассказ Чехова «Письмо к ученому соседу». До сих пор помню колоссальное впечатление от его чтения - мы все хохотали до слез весь урок и, конечно, сразу полюбили и литературу, и ее преподавателя.

А такой любопытный предмет как «водоснабжение и канализация» преподавал у нас очень культурный инженер старой формации Николай Иванович Замараев. Потешались мы, конечно, над его фамилией, которая, по нашему мнению, как нельзя лучше подходила к преподаваемому им предмету. Но преподаватель он был прекрасный.

Почему у нас в школе преподавался такой странный на первый взгляд предмет? Дело в том, что двадцатые годы - годы сильной безработицы. Все мечтали о том, чтобы у них была хоть какая-нибудь работа, и особенно хотели работать мы, молодежь. А именно для нас работы-то и не было. И вот школы пытались помочь школьникам приобрести какие-нибудь специальности, чтобы можно было найти работу. Директор нашей школы Красов придумал для нас этот профиль - водоснабжение, канализация, отопление, вентиляция. Спасибо ему, конечно, за это, но у меня никаких способностей к техническим предметам не было. Меня мучило черчение, успевал я слабо, да и Замарев к тому же меня не любил. А не любил он меня за то, что как-то однажды, во время очередной кампании в школе по сбору средств на нужды бастующих рабочих Англии, я внес один рубль и, как тогда было принято у активистов, вызвал его и директора Красова внести в пятикратном размере. Замараев был очень недоволен, остановил меня в коридоре и стал громко распекать: «Вы меня провоцируете!», кричал он, «вы не имеете права!». «Я тоже социалист!»- добавил он (говорили, что он был меньшевиком), на что я с пионерским задором ответил: «Разные социалисты бывают...». Интересно, что я и мои друзья - активисты совершенно не боялись учителей, особенно - представителей «старого мира».

Промучился я год на специализации по коммунальному хозяйству и понял окончательно, что это дело не для меня. Ничего не получалось. Все это время и я, и мои товарищи по школе и по пионерскому отряду постоянно искали работу. Нам очень хотелось работать и совсем не хотелось учиться. Это было настроение большинства моих сверстников. Мы очень завидовали тем, кому удалось найти работу. Я искал работу на заводах, пытался устроиться в магазинах хотя бы помощником продавца - нигде ничего не получалось. Тогда я перешел в другую школу, где готовили по специальности «политпросветработа». Склонности у меня

были гуманитарные, это мне больше подходило, но и здесь я задержался только на полгода, поскольку уже было ясно, что по этой профессии работы тоже нет. И я сразу же бросил девятый класс, как только мне наконец повезло - меня взяли на 0,5 ставки вожатым в мою первую школу, к директору Красову. Затем я стал вожатым уже на целую ставку, и моя трудовая жизнь началась по-настоящему. Получив опыт работы в 43-ей школе, я перешел в 61-ую, которая была уже значительно крупнее (меня туда перевело районное бюро пионеров).

В школах пионерские отряды называли тогда форпостами, так что официально я сначала назывался вожатым форпоста. Отрядов и форпостов тогда в Москве было около сотни, и была организована система работы с вожатыми этих отрядов и форпостов. У нас в Краснопресненском районе существовало райбюро пионеров. Надо сказать, в то время в Москве было всего три или четыре района, и Краснопресненский район охватывал чуть ли не треть Москвы. Председателем этого райбюро был замечательный человек - Антон Высоцкий, Антон, Тоша, Тошка, как мы его звали.

Райбюро было своеобразным штабом для вожатых. Мы собирались там, делились опытом. Мы ходили туда охотно, это был для нас своего рода клуб передовой молодежи. Дело было новое, самому «старому» отряду, тому, в котором я состоял в 1924 году, было всего четыре года, и вопросов, проблем у нас было множество. Со всеми вопросами мы обращались к Антону, к нему всегда была очередь за советами. Он всегда мог дать дельный совет - умно, корректно. Был он добрый и вдумчивый, живой и веселый, требовательный, если кто-нибудь из нас ослаблял или запускать работу, поленивался. Нисколько не идеализируя Антона, скажу, что он был всеобщим любимцем и авторитетом для нас всех. «Антон сказал» - значит, вопрос решен, надо выполнять. Он был для нас непререкаемым авторитетом и образцом: рабочий парень с фабрики «Свобода», молодой, 22-23 лет, но уже член партии (в партию тогда очень строго отбирали), зрелый, находчивый. Он был всегда с книжкой, всегда сам чему-то учился, что-то читал.

Мы, кстати, грешные, учебе тогда уделяли мало внимания - считали, что это не так важно, важнее работа по строительству нового общества, но Антон здесь не только показывал нам пример, но и помогал. Многих ребят, у кого были педагогические задатки, Антон благословил учиться в АКВ ("Академии коммунистического воспитания", было тогда такое учебное заведение); некоторых ребят он ставил своеобразными инспекторами пионерского движения - поручал им курировать группы пионерских отрядов. У меня Антон заметил тягу к журналистике и поручил мне составлять «копилки опыта» - издавать листовки о лучшем опыте пионерской работы, а потом и вовсе назначил меня на высокий пост председателя комиссии Райбюро по детской печати. При Райбюро был создан семинар редакторов пионерских и школьных стенгазет. Когда в «Комсомолке» были напечатаны два моих небольших материала по вопросам пионерской работы, Антон одобрительно отозвался обо мне на

заседании президиума Райбюро.

И еще одна деталь. Однажды он организовал вечер отдыха для вожатых района. Весело, дружно прошел вечер. Угощались чаем и сладостями, читали стихи, немного танцевали (почему немного? потому что девчат было мало, основная масса вожатых была мужского пола). А на прощание Антон сказал: «Видите, ребята, можно без выпивки весело провести время». Он озабочен был случаями выпивки среди ребят и по-своему принимал меры. Позже Антон стал заместителем председателя Центрального бюро пионеров (председателем была Анна Северьянова), но он сыграл в моей жизни и еще в одном случае важную роль: когда к Центральному бюро пионеров обратился редактор «Учительской газеты» Александр Яковлевич Вигалок с просьбой помочь подобрать сотрудника для пионерского отдела, Антон вспомнил обо мне и рекомендовал меня.

В конце 1928 года с работы вожатого я перешел на работу в журнал «Вожатый», где официально числился техническим секретарем (так называлась моя должность), а фактически стал заведующим школьным отделом журнала. Из журнала «Вожатый» в июле 1929 года по рекомендации Антона я был приглашен в «Учительскую газету» уже на полноценную профессиональную работу. Так началась моя журналистская жизнь. Позднее я работал корреспондентом в «Красном воине», газете Московского военного округа, собкором «Пищевой индустрии» в Винницкой, а затем в Воронежской области, но «Учительская газета» была первой газетой в моей жизни, и началу своей журналистской судьбы я обязан пионерскому отряду и незабвенному Антону Высоцкому.

А жизнь уготовила ему страшную судьбу - увы, типичную для многих прекрасных людей 20-30-х годов: он был арестован и погиб в сталинских застенках вместе с другими вожаками советской молодежи, вместе с Косаревым. Похоронен он в одной из безымянных могил на территории Донского монастыря, о чем я случайно прочитал в небольшой заметке в «Комсомольской правде», в которой он работал в тридцатых годах вплоть до своей гибели.

Двадцатые годы, пионерская пора - это было время напряженной работы, работы серьезной, к которой мы относились ответственно и самостоятельно. А ведь нам было тогда по 16 - 17 лет! Но в то время люди быстро взрослели, к этому подталкивала их новая жизнь, в справедливость и важность которой мы все свято верили. И мы старались эту жизнь скорее приблизить, «завербовать» в нее как можно больше наших сверстников. Было традицией помогать в организации пионерской работы тем, кто еще только создает или хочет создать пионерский отряд. И для этого нам не требовалось подсказки, считалось как бы само собой разумеющимся, что это наш долг.

В 1925 году я, к примеру, участвовал в такой шефской помощи далеко от Москвы. В школе № 43, где я учился, был политрук (была в школах тогда такая должность) Коля Широков, родители которого жили в Симбирской губернии, в деревне. Вот к его родителям мы и поехали с

моим другом Костей Куликовым. Как сейчас помню точный адрес: деревня Каменка Апраксинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии. Это действительно была глухомань, но мы приехали туда, влекомые нашим просветительским долгом. Было нам с Костей по 16 лет.

Мы прожили в этой деревне месяц. Жили в избе родителей Коли Широкова. Приняли они нас очень радушно, кормили нас, а мы весь день проводили с сельскими ребятами - руководили их пионерским отрядом, передавали свой московский опыт. На нас смотрели как на умудренных опытом организаторов, слушались нас беспрекословно, советовались по всем вопросам. Мы проводили пионерские сборы, организовывали спортивные занятия, организовывали самодеятельность, а также оказывали помощь семьям красноармейцев.

Но вернемся в 1924 год. Январь был месяцем трагическим для нас всех - умер Ленин. В нашем пионерском отряде был настоящий, искренний траур. Когда в стране объявили о смерти Ленина, весь отряд был тут же собран «по цепочке», как мы всегда собирались на срочные мероприятия. Старшие объявили нам день и час, когда мы сможем принять участие в прощании с Лениным. Мы должны были организованно прийти в Колонный зал Дома Союзов, где предполагалось установить гроб с телом Ленина.

24 января (или 25-ого, я точно не помню), в 10 часов утра, мы всем отрядом собрались вместе и в полном составе двинулись к Колонному залу. Народу на улицах было мало, стоял очень сильный мороз. Запомнилось, что по улицам то и дело проносились машины скорой помощи, оказывавшие помощь пострадавшим от мороза. Где-то около двух часов дня мы вступили в Колонный зал. Детей, видимо, пропускали вне очереди, а то бы нам пришлось очень долго ждать, поскольку перед Колонным залом народу было очень и очень много.

Поразила величайшая организованность людей. В коридоре зала стояли вооруженные часовые, но в них никакой нужды не было - никто не нарушал порядок, в потоке идущих людей царила дисциплина и порядок. Все шло медленно, сосредоточенно, на лицах людей была искренняя скорбь. И вот мы входим в зал. Непрерывно звучит траурная мелодия, и шагах в десяти от нас стоит гроб с телом Ленина. Стоит почетный караул, люди для нас незнакомые, но бросается в глаза лицо Н.К.Крупской - она стоит и неотрывно смотрит на Ленина.

Мы как бы причастились к великой всенародной скорби по этому человеку, почувствовали мы и силу народа, пришедшего проститься с вождем. «Сильнее и чище нельзя причаститься великому чувству по имени класс» - так описывал эти минуты В.Маяковский, и должен признаться, что именно это чувство мы ощутили в эти минуты, поэт очень точно эти чувства выразил.

Мы расстались с Ильичем, рассчитывая через пару дней присутствовать на его похоронах. Мы собрались для этого 27 января, одетые тепло - кто как мог, почти все были в валенках, но нас на похороны не взяли: мороз

стоял жесточайший, взрослые о нас беспокоились. Для нас это был настоящий удар, мальчишки были ужасно расстроены, некоторые девочки плакали. Но запрет был категорический, теперь мы понимаем, что это было сделано правильно, но детская обида до сих пор помнится.

Конечно, мы с Лениным не расставались в своей работе. Сколько было сборов, утренников, собраний, посвященных памяти Ленина, освоению его идей! Массовый характер носило заучивание стихов о Ленине, причем все пионеры делали это охотно, от души. Особенно часто звучали стихи комсомольских поэтов Александра Жарова и Александра Безыменского. Среди нас шло какое-то поэтическое освоение Ленина, молодость и эмоциональный накал этого времени способствовали тому, что стихи о Ленине запоминались быстро, легко и на всю жизнь. Это все я пережил сам, вместе со своими друзьями. Стихотворение А.Жарова «На смерть Ильича», услышанное мною 72 года назад, я помню до сих пор полностью. Приведу его по памяти:

Не кипучий смерч землетрясений
 Мир дернул неудержимым шквалом:
 Это весть о том, что умер Ленин,
 Весть о том, что Ленина не стало.
 Солнце, стой! Эх, солнце, сделай милость -
 Подожди лучом в снегах звучать.
 Ты не знаешь, что остановилось
 Огненное сердце Ильича...
 И в полях, где голос в песне звонок,
 Где широк просторный, легкий зык,
 Видел я - заплакал, как ребенок,
 Никогда не плакавший мужик.
 Значит все, возвращенные годами,
 Глубоко вросли в октябрьский клич,
 Значит, крепкими, стальными проводами
 С простолюдьем был скреплен Ильич.
 Так зачем под гром землетрясений
 И под грохот Океании шквалов
 Мчится весть о том, что умер Ленин,
 Весть о том, что Ленина не стало...

Это было именно то, что мы все тогда чувствовали. Это стихотворение точно передает то отношение к Ленину, которое было в массе народа, которое было у нас, детей нового мира. Смерть Ленина искренне переживалась народом, а нами - вдвойне. Ленинские дни сохраняются в памяти как дни скорбные и возвышенные.

Была в мои пионерские годы у меня и встреча с другим вождем - со Сталиным. Произошло это так. В 1924 году мне удалось посетить Кремль, куда в то время просто так не пускали. Мне удалось туда попасть по случайности - дело в том, что мы жили в одной квартире (коммунальной, разумеется) с женщиной, которая имела доступ в Кремль. Это была

Евдокия Ивановна Галкина, жила она с мужем и сыном Борисом, моим ровесником и приятелем. Жили мы на Малой Бронной, Большой Козихинский переулок, дом 22, квартира 6. Работала она в Кремле, в столовой, а ее брат, кажется, работал в комендатуре Кремля.

Евдокия Ивановна выхлопотала для нас с Борькой пропуска в Кремль - чтобы мы посмотрели Кремль и подкормились в ее столовой. И вот в один прекрасный, теплый майский день мы с Борисом пошли в Кремль. Конечно, приоделись по такому случаю - надели белые рубахи, красные пионерские галстуки. Предъявили пропуск красноармейцу, он нас пропустил. Сначала нашли столовую, подошли к Евдокии Ивановне, доложились, что пришли, а потом пошли на экскурсию.

Как нам было все интересно! Идем по пустынному двору Кремля, выходим на широкий тротуар, который ведет через всю видимую часть двора. Идем медленно, осматриваемся, и вдруг видим Сталина! Он шел нам навстречу - один, без охраны, без спутников, причем шел, потупив глаза, глядя куда-то вниз. Мы растерялись, даже не нашли в себе сил поздороваться. Внешне Сталин не обратил на нас внимания, но мне показалось, что, не поднимая потупленного взгляда, он покосился на нас, отметил наше присутствие быстрым незаметным взглядом. Это длилось несколько секунд, и он миновал нас.

Мы вдруг задумались - а Сталин ли это? Портреты и фотографии Сталина тогда уже были, но на всех этих портретах его лицо было белым, гладким, а лицо этого человека было рябым от оспы, да и ростом он показался нам меньше, чем мы представляли. Шагов через двадцать нам навстречу попался красноармеец, и мы спросили его, Сталин ли это прошел. Красноармеец подтвердил, что это действительно был он. Мы оглянулись еще раз, но Сталина уже не было.

Тут мы подошли к зданию, на котором красивыми буквами было написано: «Совет Народных Комиссаров СССР». Мы поняли - именно здесь находится правительство нашей страны. Признаться, это взволновало нас гораздо больше, чем встреча со Сталиным. С детской непосредственностью мы обратились к часовому, стоявшему у входа: «Скажите, здесь работает Рыков?» Часовой ответил: «Да, здесь». Авторитет Рыкова (он был Председателем Совнаркома) в то время был необычайно велик, это был очень уважаемый человек в стране, и нас очень взволновало, что мы увидели место, где он сидит и руководит страной.

Побродив еще по Кремлю, мы вернулись к Евдокии Ивановне в столовую, она покормила нас и мы, полные впечатлений, покинули Кремль.

Так получилось, что мои школьные годы пришлись на годы ломки старой жизни в России, на период активного строительства новой жизни, поиска тех путей, которые привели бы людей к счастью, справедливости, процветанию. Могу сказать, что вся молодежь, все мои товарищи с радостью участвовали в процессе созидания нового, ломки всего того, что нам казалось устаревшим, не отвечающим потребностям нового общества,

и делали мы все это искренне, с искренним и живым энтузиазмом. Это действительно было время перемен к лучшему, время искренних надежд нашего поколения на лучшее, справедливое и светлое общество, в котором мы призваны были сыграть ведущую роль.

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

На тридцатые годы пришелся основной период моей работы журналистом.

Как я уже писал, тяга к журналистской работе проявилась у меня с детства. В пионерском отряде на Красной Пресне я увидел опубликованной свою первую заметку - ее напечатали в многотиражке 16-ой типографии Мосполиграфа, и посвящена она была работе нашего отряда. Как радостно было увидеть в настоящей газете свое произведение! Это воодушевило меня на дальнейшую журналистскую деятельность и я стал пикором - пионерским корреспондентом.

В 1925 г., вернувшись из деревни Каменка Симбирской губернии, где в течение месяца мы оказывали шефскую помощь местным пионерам, я решил написать об этой работе. Я написал большую статью о нашей работе в форме дневника. Дневника я на самом деле, конечно, не вел - там было не до этого, но это был тот литературный жанр, в котором мне захотелось рассказать о своей работе. Получился довольно содержательный материал, который понравился директору моей школы А.В. Красову. Он попросил у меня текст и включил его почти полностью в свою статью об общественно-полезной работе нашей школы, которую он опубликовал в журнале «Вестник просвещения» Московского отдела народного образования. За эту статью наш директор получил гонорар и половину его - двадцать рублей ! - отдал мне. Это был первый в моей жизни литературный заработок, и первый в жизни заработок вообще. На него я купил себе новый костюм.

Я много писал в различные издания, в основном, конечно, о нашей пионерской работе, сборах, шефской помощи, которую мы оказывали. В то время было довольно много изданий, в которых охотно печатали и пропагандировали «вести с мест» - журнал «Вожатый», «Пионерская правда», журнал «Барабан», «Комсомольская правда», «Учительская газета» . Я вошел во вкус журналистской работы, и даже настолько, что некоторые материалы, которые я уже тогда считал "проходными", стал подписывать псевдонимом – «пионер Оса» или «пикор Оса».

В 1929 году меня пригласили в «Учительскую газету» , и с этого времени я стал профессиональным журналистом. В «Учительской» я заведовал отделом пионерской жизни, но вскоре мне стали поручать и более серьезную работу.

В ноябре 1931 года меня призвали в Красную Армию. Служил я в Ленинграде, в 33-ьем полку стрелковой дивизии, которая была раскварти-

рована в самом центре Ленинграда - в бывших царских казармах на Охотском проспекте.

Служба в армии вспоминается мне как нелегкое физически, но тем не менее прекрасное время. Обстановка в армии была простой и здоровой. В начале службы нас всех осмотрел зубной врач и выявил у многих подпорченные зубы. Всех вызвали, построили в очередь и в порядке живой очереди всем подряд подпорченные зубы просто удалили, причем без всякого наркоза, вот так, попросту.

Отношения между солдатами были самые дружеские, не было ни национальной розни, ни дедовщины. Все красноармейцы дружили друг с другом, подтрунивали по-доброму над теми, кто чем-либо выделялся. В основном все были люди холостые, вроде меня, но мой сосед по койке Титов, парень из деревни, был женатый, что для нас было дико. Да он еще и крестился перед сном, мы все очень на него удивлялись. Мой друг Ковалев был местный, ленинградский, и иногда бывал дома. Помню, он вернулся из увольнения и говорит мне: "Стерн, я тебе сахару принес, возьми...". Вспоминаю, как я был тронут такой заботой.

Военная подготовка была интенсивная, много стреляли, ходили на лыжах. На лыжах мне было нелегко, часто отставал, поскольку в детстве фактически никогда на лыжах не катался, а стрелял нормально, зрение тогда было хорошее. Особенно хорошо стрелял из малокалиберной винтовки, из боевой получалось хуже.

В роте я был запевалой. Пели много, почти всегда маршировали с песней. Помню полковую песню:

Тридцать третий полк стрелковый
Комсостав лихой стране дает,
В бой идти всегда готовы
За трудящийся народ!

Другой песней была такая:

Коль японец нападет,
Крепкий штык у нас найдет!
Эх, сыпь, Семеновна, подсыпай, Семеновна....

Как-то на учениях командир нашего отделения Данилкин подстрелил воробья. Когда шли со стрельб в казарму, распевали сочиненную мною частушку.

Данилкин-снайпер подшутил,
Воробья он подстрелил!
Эх, сыпь, Семеновна, подсыпай, Семеновна...

Получили благодарность от командира роты - очень смеялся, когда

услышал нашу песню.

К сожалению, в мае 1932 года меня по болезни комиссовали из армии. Выдали бесплатный билет на проезд в Москву, оставили шинель, форму и буденовку, которые мне оченьгодились потом. Я вернулся в Москву, стал работать в газете московского военного округа «Красный воин». Так и ходил в военной форме, но без знаков различия, поскольку звания у меня никакого не было. Для работы в военной газете военная форма была как нельзя кстати.

В 1934 г. я перешел в другую газету, уже гражданскую – «Пищевую индустрию», и стал собкором по Винницкой области.

Тридцатые годы в моей жизни - это время активной журналистской работы, которой я занимался с огромным удовольствием и ответственностью, с комсомольским задором и напористостью. Я вспоминаю себя в эти годы - я был очень активный журналист, много печатавшийся, очень боевой по постановке вопросов и критике различных учреждений, организаций и лиц, невзирая на их должности и положение.

Журналистика тогда была очень боевой и занимались ею преимущественно молодые люди. Все мои товарищи по газетной работе в различных изданиях были моего возраста или немного старше меня. Образование было у очень немногих, что, впрочем, никак не снижало нашего наступательного духа и боевитости. Любопытно, что в то время не было каких-либо требований к образованию журналиста: можешь писать - так пиши, выполняй порученные тебе задания. Как только я пришел в «Учительскую газету», мне поручили заказать статью Зиновьеву, бывшему председателю Коминтерна, и я не испытывал никакого смущения по этому поводу: позвонил ему по телефону и заказал статью, а потом послал курьера эту статью у него забрать, и все.

Журналистская работа позволяла встречаться со многими людьми, она заставляла много ездить, много читать, и я очень благодарен журналистскому периоду моей жизни, который позволил мне приобрести бесценный жизненный опыт, позволил ощутить себя самостоятельным человеком, приобрести множество знакомых и друзей.

Работа журналиста мне очень нравилась, но я стал подумывать о том, что неплохо было бы приобрести высшее образование. Время уже было иное, постепенно образование среди моих сверстников стало больше цениться. А может и возраст уже подошел, когда начинаешь понимать, что не все знаешь, даже если ты работаешь в известной газете. У меня проявилась тяга к литературе. Как раз в это время, в 1936 г. меня перевели собственным корреспондентом «Пищевой индустрии» из Винницы в Воронеж.

В Воронеже был пединститут, и я принял решение: буду поступать на литфак пединститута. Но тут возникла маленькая проблема: выяснилось, что среднего образования-то у меня нет! Работая в газете, я этим совершенно не был озабочен, а вот для поступления в институт это оказалось существенным. Но эта проблема оказалась вполне преодолимой:

пединститут заботился о том, чтобы к нему могли поступить и люди - подумать только? - без среднего образования... Для этого в рамках обычных подготовительных курсов в пединституте было организовано специальное отделение для таких, как я - на этом отделении можно было пройти подготовку к сдаче экзаменов в институт и одновременно, «по ходу», сдать экзамены за курс средней школы. На эти курсы я и поступил, как только узнал об их существовании.

Трудно было совмещать работу корреспондентом с ее постоянными командировками и учебу на подготовительных курсах. Сейчас многие уже не помнят, а ведь тогда для поступления в институт на любой факультет нужно было сдавать не только экзамены по профилю будущей специальности, но полностью экзамены за весь курс средней школы - семь экзаменов! И физику, и математику, и географию, и биологию надо было сдавать, чтобы поступить.

Руководителем курсов был преподаватель А.Р.Мешков. Вспоминаю, что работа курсов была организована отлично: ни одного срыва занятий, четкая программа, очень ответственные преподаватели. За девять месяцев (сентябрь – май) фактически предстояло пройти школьную программу за пять последних лет школы. Многие курсанты имели, как и я, значительные перерывы в учебе, но всем очень хотелось получить образование и наверстать упущенное в молодые годы, поэтому обучение шло весьма и весьма успешно. Надо сказать, что все мои товарищи из этой «спецгруппы» успешно сдали экзамен за школу, и большинство из нас поступило в институт. Пожилой математик Сергей Николаевич, мастер своего дела, смог втолковать нам математику старших классов; осталась в памяти и Мария Николаевна, преподаватель русского языка и литературы, которая сразу выделила из нас тех, кто собирался на литфак, и давала нам отдельные задания. А студент - старшекурсник пединститута, который преподавал у нас ботанику, зоологию и эволюционное учение, вел свои занятия столь увлекательно, что я «заразился» этим предметом настолько, что решил; в случае, если я не поступлю на литфак, пойду на естествознание. Правда, воспользоваться этим запасным вариантом мне не пришлось - на литфак я поступил.

Каким же был пединститут середины тридцатых годов?

Пединститут остался у меня и моих сокурсников в памяти как самое светлое, радостное, счастливое время нашей жизни. И это время для нас действительно было таким! Пединститут тридцатых годов предстал перед нами, первокурсниками, действительно как храм науки и культуры, населенный светлыми людьми - нашими преподавателями. Как мы любили наших преподавателей - замечательных представителей вузовской интеллигенции того времени, истинных знатоков своего дела, любивших и литературу, и русский язык, и, главное - любивших всех нас и искренне старавшихся передать нам свои знания, свою увлеченность великой русской литературой и русским языком! Мои любимые преподаватели и сейчас стоят перед моими глазами, хотя с тех пор, как я расстался с

пединститутом, прошло не мало не много - уже почти шестьдесят лет...

Лицом факультета был его декан, профессор Василий Яковлевич Каплинский. Это был исключительно обаятельный, глубоко интеллигентный и культурный человек. Многому мы научились у него! Невысокий, немного полноватый, он излучал доброжелательность и внушал большое доверие. Мне очень быстро пришлось столкнуться с ним, так сказать, по административной линии - я пришел к нему с довольно сложным вопросом, который, однако, имел для меня большое значение.

Дело в том, что поступив в институт, продолжал оставаться собкором «Пищевой индустрии», и мне нужно было продолжать выполнять свои служебные обязанности. Мне нужно было уезжать в кратковременные командировки в районы области, и тогда пришлось бы пропускать занятия, за чем тогда очень строго следили. По правилам я должен был бы перевестись на обучение экстерном, но тогда я потерял бы возможность лекционного общения с преподавателями, а также потерял бы студенческий коллектив, который мне сразу очень понравился и в котором у меня сразу же появилось множество друзей. Словом, стояла дилемма, с которой я и пришел к Каплинскому. Он отнесся ко мне с исключительным пониманием: выслушал, сразу все понял и сказал: «Ну, что же, я могу как декан «своею властью» (так он выразился) отпускать вас на несколько дней, если вам необходимо. Правда, - добавил он извиняющимся тоном, - мы не сможем в таком случае платить вам стипендию...». А вот стипендия меня совсем не волновала! Ведь я работал и получал достаточно, чтобы обеспечить себя. Как я радовался, что мой вопрос так легко разрешился! Вообще, за время учебы я и мои товарищи имели не одну возможность убедиться, что Василий Яковлевич всегда старался пойти навстречу студенту, решить вопрос самым благоприятным для студента образом. Именно ему я обязан своей настоящей студенческой молодостью, настоящей студенческой жизнью и полноценной учебой.

Василий Яковлевич открыл для нас мир бессмертной античной литературы. Мы наслаждались его лекциями, старались все записать, ничего не пропустить. Вел он у нас и довольно трудный и скучный, традиционно нелюбимый студентами предмет - латынь. Но даже занятия латинским языком он превратил для нас в яркие и увлекательные. Он, например, сам переписал из какого-то редкого издания два десятка лирических, преимущественно любовных стихотворений римского поэта Катулла, договорился, чтобы их размножили на множительном аппарате, и раздал нам, студентам. Мы их с удовольствием учили и даже спустя десятилетия, кстати, довольно сносно помним.

Он понимал наш страх перед сложностью и объемностью материала по латыни и умел подбодрить нас, прибегая к иронии, шутке. Помню, как на одном из занятий, после того, как он исписал целую доску латинскими исключениями (речь шла о склонении местоимений), мы после занятия всей группой в ужасе окружили его и спрашиваем: «Василий Яковлевич, какой ужас - сколько их, этих исключений! Как же с ними быть!?» Он

улыбнулся нам всем и сказал: «Не волнуйтесь, мои дорогие, есть надежный способ - надо выучить их, проклятых!»

Два раза в месяц, по воскресеньям, Василий Яковлевич читал для всех желающих факультативный курс истории музыки - русской и зарубежной. Лекции сопровождалось вокальными номерами - пела его жена, а на рояле аккомпанировал сам профессор, причем играл он вдохновенно, артистически. Помню, как за исполнение «Баркаролы» Чайковского мы от души наградили его бурными аплодисментами, а он смущенно отмахивался от нас своими короткими ручками: «Что вы, что вы, не надо...». Он совсем не жалел своего свободного времени для работы с нами, студентами - он видел, как мы все тянемся к знаниям, к культуре, и как большинству из нас этих знаний и культуры не хватает. Он был истинным просветителем, наш любимец Василий Яковлевич Каплинский... Жаль, недолго пробыл он с нами - он умер в 1939 г., сравнительно молодым.

У всех нас, студентов литфака, глубоко в памяти остался профессор Павел Леонидович Загоровский, который читал у нас психологию. Он тоже был всеобщим любимцем - высокий, интеллигентный, глубоко культурный, исключительно эрудированный человек, с высочайшей культурой речи, с тонким юмором. Помню, как одна моя сокурсница задала ему вопрос о том, почему сбываются суеверия: «Ведь они действительно сбываются, я на себе проверяла! Вот если я в одном из моих платьев иду на экзамен, всегда хорошо сдаю!», - убеждала она профессора. «Ну, это понятно,- говорил ей Павел Леонидович, - видимо, оно вам очень к лицу, вот это и действует положительно на ваших экзаменаторов!» П.Л.Загоровского отличала способность говорить просто и понятно о сложном, большое уважение к студентам, их мнениям, проблемам, вопросам.

Среди молодых преподавателей нашим любимцем был Николай Владимирович Романовский. Он был бесконечно влюблен в свой предмет (он читал нам теорию литературы и советскую литературу). Как и Каплинский, он не жалел своего времени на работу с нами. У нас он вел студенческий литературоведческий кружок, где мы делали доклады и совместно обсуждали их. Руководил подготовкой докладов он сам. Под его руководством я сделал два доклада – «Маяковский об обществе будущего» и «Романтизм в поэзии Багрицкого». В Романовского были влюблены многие девчонки нашего курса, и мужская часть студенчества относилась к нему очень тепло. Когда началась война, Николай Владимирович пошел добровольцем на фронт, был военным корреспондентом. Погиб в боях с фашистами.

Добрым словом вспоминается профессор Сергей Васильевич Иванов, который вел у нас педагогику. Звали мы его за глаза «златоустом» за яркую, образную, красивую русскую речь. Не особенно конкретные положения теоретической педагогики он умел дополнить конкретными, живыми примерами из школьной практики. Он читал лекции так красиво и

убедительно, что нередко его лекции заканчивались аплодисментами студенческой аудитории - нечастое явление, особенно в наши дни!

С большим энтузиазмом вел лекционные и практические занятия по русскому фольклору и древнерусской литературе молодой тогда преподаватель Вячеслав Алексеевич Тонков, будущий профессор, завкафедрой литературы пединститута. С огромной влюбленностью излагал нам историю литературы средневековья Илья Дмитриевич Краснослободцев. Помню, как спустя лет десять после окончания института я встретил Илью Дмитриевича Краснослободцева в Москве, в Ленинской библиотеке, и он, прошедший войну, в качестве первой новости своей жизни с восторгом сообщил мне, что во время войны побывал в Виттенберге, где начиналась реформаторская деятельность Мартина Лютера – «помните, я вам о нем рассказывал в лекциях?» Вообще, именно увлеченность преподавателей своим делом, их преданность своей науке и своей преподавательской профессии - вот то, что оставило у нас самое яркое впечатление в наши студенческие годы.

В студенческие годы я познакомился и еще с одним замечательным человеком - Ольгой Капитоновной Кретовой, которую тоже считаю своим наставником. Ольгу Капитоновну я знал с 1938 года, когда она предложила мне, студенту второго курса литфака, сотрудничать в литературной консультации Воронежской областной организации Союза писателей. Это произошло очень забавно - после встречи студентов литфака с писателями Воронежа. Встречу организовал, конечно же, Николай Владимирович Романовский, на встрече выступали М.Подобедов и О.Кретова. Выступил там и я, покритиковав один из рассказов Ольги Капитоновны. А она, вместо того, чтобы обидеться или приструнить задиристого студента, предложила мне работать с ней, под ее руководством. Я растерялся, когда она мне это предложила, не знал, что ответить, как поступить. А Ольга Капитоновна, по-своему истолковав колебания студента, добавила: «Работа в литконсультации оплачивается, не сомневайтесь». В результате я получил и честь, и приработок.

Работа под руководством Ольги Капитоновны в литконсультации дала мне очень много. Я написал более десятка рецензий на произведения начинающих авторов. Все рецензии тщательно просматривались писательницей, и ее критика принесла мне большую пользу, научила лучше понимать литературу. В 1940 году я напечатал в альманахе «Литературный Воронеж» критическую статью о романе Виктора Петрова "Борьба". Это был роман о судьбе Ветрова, кажется, директора совхоза, который был оклеветан и незаконно репрессирован. Это был редкий по теме роман, и рецензия на него, можно сказать, выросла в недрах литконсультации под присмотром Ольги Капитоновны.

В 1963 году я вернулся в Воронеж и попал как раз на юбилей Ольги Капитоновны. Выглядела юбилярша очень молодо и подарок ей сделали молодой - лыжи, чтобы каталась, как выразился кто-то из присутствующих, со своей внучкой. Чествование проходило в журналистском клубе

газеты «Коммуна» на проспекте Революции. Через двадцать лет - вот какие интервалы! - я вновь присутствовал на юбилее писательницы в Союзе Писателей на улице Плехановской. Было очень много умных, теплых слов. Запомнилось, как сказал Г.Троепольский: «Я знаю вас уж много лет. Но я старик, а Вы нет». Я тоже сказал несколько слов на этом вечере. Горжусь, что у меня хранится книга О.К.Кретовой «Встречи сквозь годы», изданная в 1991 году, с надписью: «В память о наших «встречах сквозь годы».

Возвращаясь к своей студенческой жизни, скажу, что она не была безоблачной. Ведь наша студенческая молодость пришлась на тридцать седьмой, на тридцать восьмой, на тридцать девятый годы... Везде искали «врагов народа» - и находили, среди многих замечательных, ни в чем, естественно, неповинных людей. Не миновала чаша сия и пединститут тех лет.

Тяжелейший удар судьбы пришлось пережить нашему общему любимцу Николаю Владимировичу Романовскому. Как мы были потрясены все в ноябре 1938 года, когда узнали, что он арестован! И что интересно: люди в институте не говорили о его аресте, это молчание было формой стихийного протеста, неприятия этого ужасного события для всех нас. Правда, в стенгазете института (многотиражной газеты тогда не было) в одной из статей ее автор, человек с ученым званием, призвал-таки нас всех к повышению бдительности: вот, мол, у нас пока еще мало бдительности к врагам, в президиумах, избиравшихся на собраниях, у нас «часто красовалось свиное рыло Романовского» - это подлое выражение я помню дословно... А с Романовским случилось чудо - его выпустили на свободу, чего практически не бывало в те времена. Не нашлось даже в ту пору достаточных обвинений для этого исключительно чистого и светлого человека. Сыграла свою роль и стойкость, с которой он держался на допросах - не признавал себя виновным, не сказал плохого слова о своих коллегах, товарищах. Но такие счастливые концы бывали крайне редко. В сердцах многих моих товарищей по институту поселились скорбь и страх - у многих были репрессированы родственники. Один за другим в печати появлялись материалы разоблачительного характера, репортажи о процессах над врагами народа. В институте после каждого такого процесса проводились митинги преподавателей и студентов, на которых принимались резолюции, одобряющие судебные расправы.

Атмосфера подозрительности, «поиска врагов» ощущалась внутри института, хотя многое мы поняли по-настоящему лишь спустя годы. Но кое-что, конечно, бросалось в глаза и нам, опьяненным эйфорией учебы, познания. К примеру, под подозрением все время находились институтские поэты - а о том ли они пишут? Под подозрением находились любые шутки, шутить было опасно - могли «истолковать». Среди нас, студентов, тоже находились «истолкователи» в духе времени, которые спешили проявить бдительность в отношении поиска врага в наших рядах. Помню, как на каком-то собрании один из моих сокурсников вслух процитировал крамольную, с его точки зрения, частушку, которую привел

на занятии преподаватель как пример студенческого фольклора: *Нет ни сахара, ни чаю, Нет ни хлеба, ни вина, Вот теперь я понимаю, Что студента я жена!*

Студент гневно заклеил эту частушку, назвал ее клеветой на нашу жизнь, досталось и преподавателю - распространителю «клеветы». Но надо сказать честно - подобных выступлений в нашей среде было очень мало, моральной поддержки такие выступления в студенческой среде не получали.

В самом содержании того, что нам преподавалось, также проявлялась однобокость, односторонность, свойственная тогдашней классово ориентированной науке - многого нам, как мы теперь понимаем, просто не сообщали, не рассказывали, из рассмотрения исключались многие инакомыслящие писатели и поэты - о них просто молчали.

К примеру, именно во время нашей учебы в пединституте в Воронеже жил выдающийся поэт Осип Мандельштам. Он какое-то время сотрудничал с «Коммуной», поддерживал связи с Союзом писателей. О многих весьма второстепенных воронежских авторах нам довольно подробно рассказывали, а вот о Мандельштаме - ни слова! Как будто его и в природе не было... Позже мы узнали, что с ним поддерживал довольно тесные связи Павел Леонидович Загоровский, но и от Загоровского мы ни слова не слышали об опальном поэте. Теперь мы думаем, что нас просто щадили наши преподаватели, уберегали от возможных сложностей, в которых мы могли оказаться.

Как корреспондент, я много ездил по области и часто знал и видел больше, чем, мои товарищи по институту. По профилю своей газеты «Пищевая индустрия» я был особенно хорошо знаком с положением дел в сахарной промышленности области, знал многих специалистов, директоров сахзаводов и трестов, связанных с переработкой сахара и пищевой промышленностью. Больше всего я был связан с Воронежским сахсвеклотрестом, который возглавлял директор Михаил Иванович Колесников и главный инженер Юрий Дмитриевич Любченко. Трест, возглавляемый ими, был на хорошем счету в системе Наркомпищепрома.

В нашей газете не раз отмечались успехи сахарозаводов и свеклосовхозов области. Незадолго до событий, о которых я рассказываю сейчас, в «Пищевой индустрии» была напечатана статья «Сатуратор инженера Любченко» в которой рассказывалось об интересном изобретении инженера, позволявшем значительно улучшить процесс производства сахара. Разумеется, по долгу журналистской службы приходилось и критиковать трест а его отдельные предприятия, чем руководители треста не всегда были довольны. Это - обычные противоречия между ведомством и печатью, но честность и преданность руководства треста своему делу никогда не ставилась под сомнение. И вот вдруг летом 1937 года мы узнаем, что НКВД арестованы оба уважаемых в области руководителя - Колесников и Любченко. А осенью над ними состоялся открытый судебный процесс на Нижнекисляйском сахарном

заводе.

Колесникова и Любченко я увидел на скамье подсудимых под охраной на сцене клуба завода. С ним были еще двое подсудимых - главный инженер Нижнекисляйского сахарного завода Гартунг, немец по национальности, и Астахов, директор свеклосовхоза. Все четверо обвинялись во вредительстве. Зачитано было обвинительное заключение, из которого следовало, что обвиняемые сознательно затягивали ремонт сахарных заводов, портили оборудование, гноили свеклу в кагатах, организовывали падеж скота в совхозах. И при устном допросе в открытом заседании обвиняемые подтверждали свою виновность, говорили, что они сознательно стремились нанести урон народному хозяйству! Честнейший, добросовестнейший Юрий Дмитриевич Любченко - я же его прекрасно знал! - сказал: «Да, мы были подлыми агентами фашизма». Эта его фраза была воспроизведена в газете «Коммуна», и мои товарищи по институту, когда я вернулся с процесса, спрашивали меня: «Неужели он действительно так и сказал?» Да, именно так он и сказал... Человек был полностью сломлен сталинской репрессивной машиной... Да, он сам сказал, что он агент фашизма. Мне и моим товарищам не хотелось верить в это, но ведь он сам признался! Это действительно не укладывалось в голове, и возникали мысли о том, что, действительно, под маской обычного, и даже хорошего, а может быть и близкого тебе человека, живущего рядом, может таиться хитрый и коварный враг, фашист... Значит, правильно везде говорят и пишут - надо быть бдительнее, внимательнее, кругом враги... Никому нельзя доверять...

Клуб сахарного завода был заполнен рабочими и служащими завода и свеклосовхоза. Для большинства из них зачитанное обвинительное заключение, да еще и подкрепленное признанием, давало достаточные основания считать подсудимых отъявленными врагами, заслуживающими самой суровой кары. Однако от присутствующих был скрыт один из пунктов обвинительного заключения, открывающий действительную причину привлечения к суду Колесникова, а за ним и всех остальных. А в этом пункте было записано следующее: «Колесников показал, что его завербовал Рябинин (тогдашний первый секретарь Воронежского обкома ВКП(б), сказавший, что некоторые старые большевики недовольны Сталиным». Это место, вопреки закону, было опущено при чтении обвинительного заключения. А ведь в нем вся суть! Колесникова арестовали за то, что он не донес о беседе с ним старого большевика Рябинина, о беседе, которая на жаргоне следователей того времени называлась не иначе как вербовкой. А раз Колесников преступник, значит и работавший под его руководством Любченко преступник, и их подчиненные на заводах и в совхозах треста, разумеется, тоже. Такова была иезуитская логика НКВД.

Прокурор потребовал смертной казни для Колесникова, Любченко, Гартунга и 15 лет тюремного заключения для директора совхоза Астахова. Трагичными были последние слова подсудимых, приговоренных к

смертной казни. Колесников и другие просили помилования. «Я еще молод,- говорил Колесников,- и могу работать еще». Он напомнил свою биографию - из крестьянской семьи, рабочий, рабфаковец, окончил вуз. Гартунг рассказал о своей жизненной судьбе: в Германии, подданным которой он был до революции, к нему относились по-недоброму, и в России его тоже не считали своим. Он просил суд позволить его дочери носить фамилию матери - русской женщины. Суд проигнорировал эту просьбу, просто отмолчался. Дочь Гартунга, о которой он просил, была тут же, в зале, вся в слезах.

Но присутствовавшие верили в справедливость приговора! Страшно об этом вспоминать, но это было именно так. Это проявлялось и в отношении зала к показаниям привезенного на суд из Москвы арестованного заместителя начальника Главсахара Антонова, который отрицал, что давал руководителям заводов вредительские указания - затягивать ремонт, искусственно увеличивать потери сахара и т.д. «Почему же Любченко это подтверждает?»- спрашивает судья. «Спросите у Любченко!» - говорит Антонов и продолжает утверждать, что давал только целесообразные и полезные указания. И тут из публики раздаются возмущенные голоса: «Ишь ты, еще запирается!» А когда объявили приговор, по которому директор свеклосовхоза приговаривался к 10 годам тюремного заключения, в зале раздались выкрики: «Мало! Мало!» Судья даже прикрикнул: «Тут вам не собрание!».

Через неделю областная газета сообщила, что ЦИК СССР отклонил просьбу Колесникова, Любченко и Гартунга о помиловании. Приговор был приведен в исполнение... А более чем через полвека, в феврале 1989 года, в печати было объявлено о полной реабилитации Рябина, Колесникова и остальных, их честное имя было восстановлено. Но людей-то этих уже нет...

Никто не был в то время гарантирован от «контакта» со сталинской репрессивной машиной. Довелось соприкоснуться с ней и мне, и моей семье. В бытность мою студентом меня однажды неожиданно вызвали в Воронежское управление НКВД. Сотрудник, пригласивший меня, вел себя деловито и вежливым тоном предложил садиться. Таким же вежливым и деловитым тоном он сказал: «Если кому-нибудь скажете о вызове - посадим». Затем он немного рассказал мне о политической ситуации, происках врагов, начал расспрашивать об институтских делах. В душе у меня бушевал ужас - к чему он клонит, чем закончит разговор? А разговор закончился его фразой; которую я всю свою жизнь не могу забыть: «Если вы захотите, вы очень много можете сделать. А захотеть вы должны!» На том наша встреча и закончилась.

После этой встречи я был несколько дней в смятении. В 1936 г. по ложному доносу в Витебске был арестован муж моей старшей сестры Юрий Яковлевич Ханин, честнейший рабочий человек, член партии с 1927 года; в 1938 году в Москве был арестован мой старший брат, беспартийный инженер союзного главка «Союзцемент», исключительно

порядочный и преданный своему делу человек. А тут НКВД подбирается ко мне, пытается сделать из меня своего агента - осведомителя... Я не «захотел хотеть» стать стукачом. Это событие подтолкнуло меня к решению: надо уезжать из Воронежа... И я покинул Воронеж, город моей студенческой юности...

В ГОДЫ ВОЙНЫ

Война застала меня в Москве. В это время я уже снова учился и работал, но работал я уже учителем в школе. Вернувшись из Воронежа, я поехал в Московский городской педагогический институт им. В.П.Потемкина, пошел на прием к ректору с просьбой о переводе. Хотел я на дневное отделение, показал зачетку с отличными оценками. Директор института Ида Осиповна Вовси сказала, что готова зачислить меня на дневное, но стипендию платить мне не смогут. Меня это, конечно не устраивало, но Ида Осиповна сама подсказала мне выход: «А вы поступайте к нам на вечернее отделение и идите работать в школу». Мне и в голову тогда не приходило, что я уже могу работать учителем - ведь всего два курса позади. Но Ида Осиповна сказала: «Два курса вы уже закончили. педагогику и психологию сдали, имеете право работать как лицо с незаконченным высшим педагогическим образованием». Какое это было для меня облегчение!

Работу удалось найти довольно быстро. Помог мне в этом замечательный человек Александр Николаевич Багрецов, бывший мой наставник по «Учительской газете». В газете он учил меня писать, а теперь стал педагогическим наставником: он работал завучем школы № 496 Пролетарского района Москвы и взял меня в свою школу, поручив вести русский язык и литературу в пятых классах. С этого началась моя педагогическая деятельность. Работа мне нравилась, я быстро набирался опыта, работал с интересом и увлечением. И тут началась война...

Война перевернула все. Немцы катастрофически быстро продвигались вперед, приближаясь к Москве. Моральное состояние у нас всех было угнетенное, мы не могли понять, как же так - наша могучая и непобедимая армия, о которой мы пели песни, отступала и отступала, отдавая врагу новые города и села. Мое состояние было тяжелым - в армию меня не брали, и я все время находился под моральным прессом: все на фронте, а я здесь. Вины моей в этом не было - я был инвалидом по зрению, у меня совершенно не видел к тому времени правый глаз, но все равно состояние было очень тяжелое. В течение войны меня призывали не менее десяти раз, но всякий раз отпускали как негодного к службе — «до особого распоряжения».

Один раз я пошел и записался добровольцем в ополчение, но меня так и не вызвали. Второй раз в ополчение меня призвали. Было это в июле 1941 года, в ополчение призывали всех мужчин, которые до этого времени не были призваны в действующую армию.

13 июля, как раз в день моего рождения, с вокзала мы отправились в действующую армию. Две недели мы двигались в направлении к фронту. Началось формирование. В процессе формирования командованием ополчения был получен приказ направить на курсы лейтенантов имеющихся в составе ополченцев студентов. Был составлен список примерно из 30 человек, в который попал и я. Нас откомандировали в Москву и вновь я попал на медкомиссию. Женщина - глазной врач, осматривавшая меня, с огорчением, с каким-то чувством вины в голосе сказала председателю призывной комиссии: «Его нельзя, совсем не видит правый глаз». Но председатель успокоил врача, сказав: «Его все равно в лейтенанты нельзя». А эта фраза относилась уже к моей анкете - в ней стояло «Брат репрессирован». Эта социальная рогатка (вкуче с другим пунктом - "Отец до революции был торговцем") исключала для меня направление в лейтенанты. Снова я отпущен «до особого распоряжения». Замечу, что из группы ополченцев в 30 человек только 4-5 человек были признаны годными к строевой службе.

Москву в это время очень сильно бомбили. Возвращаюсь я в начале сентября в свою школу, а ее закрывают. В трудовой книжке у меня так и записано : «Освобожден в связи с ликвидацией школы».

С 1 октября работаю в Выхинской семилетней школе под Москвой. Настроение у всех тяжелое, немцы приближаются к Москве, непрерывные бомбежки. 15 октября нас мобилизуют на трудовой фронт - мы выезжаем на станцию Лосиная Падь под Серпуховом рыть окопы и устанавливать противотанковые заграждения. Приезжаем поздно ночью, спим в какой-то избе на полу. Под головой у меня был мешок с вещами и продуктами, крысы ночью разгрызли мешок и уничтожили заметную часть взятой с собой провизии. Рано утром встаем и идем на работу - но куда идти? Ни начальства, ни указаний - что где делать, где брать инструменты, на каком направлении и как строить заграждения... Ходим, бродим, советуемся друг с другом, думаем, что делать. Решаем ехать обратно в Москву, по месту работы.

Утром 16 октября приезжаем в Москву. Москва гудит, все грузятся, эвакуируются. Ходят слухи о том, что немцы прорвали фронт и вот-вот будут в Москве. Что делать? Решаю заехать в педагогический институт, чтобы попробовать получить диплом об окончании. Госэкзамен мы успели сдать только один - по литературе, да и то наспех: пришли на консультацию, а нам говорят - немедленно сдавать экзамен. Так и сдавали, без подготовки. Еду в институт. При себе все документы - зачетка, паспорт, военный билет (это уже привычка - а вдруг разбомбят дом, где ты живешь!) Институт был разбросан по городу, ректорат был у Кропоткинских ворот, еще одно здание - у Казанского вокзала. Решаю ехать на Казанский.

Встречаю там сокурсницу Семенову, вместе стали звонить в ректорат. Секретарь говорит - приезжайте завтра, 17-ого, будут выдавать дипломы. Я решил - поеду завтра, а сокурсница говорит: «Ты что? Поехали сегодня же!

Кто знает, что будет завтра! Останемся мы без дипломов!» Спасибо женской интуиции - она не подвела. Приезжаем в ректорат. Нас собралось 7-8 человек вечерников, стоим, думаем, как быть. На наше счастье на месте оказались декан вечернего отделения - ее фамилия, кажется, Пивоварова, и даже председатель ГЭК, известный впоследствии профессор-лингвист Александр Александрович Реформатский. Он вел себя исключительно спокойно и, я бы сказал, достойно. Он, не торопясь, подписал нам дипломы, сказал секретарю: «Я дома, в случае чего – звоните» и спокойно пошел домой. Он был из немногих, кто сохранил выдержку в эти трудные дни и помог нам получить диплом.

17 октября приезжаю в РОНО, а там - директор Выхинской семилетки, в которой я работаю. Школа закрыта, всем дали расчет. Он мне тут же подписывает приказ об увольнении, мне дают зарплату за две недели работы и двухнедельное пособие, и я опять без работы...

Все предприятия эвакуируются, работающие на них люди вывозятся в восточные районы страны вместе с членами их семей. Учителя же предоставлены сами себе - школы не эвакуируются, а закрываются. Надо решать, куда ехать. Решаем с родственниками ехать в Башкирию, куда эвакуирован завод, на котором работал муж моей племянницы, призванный в армию. Семья его была уже в Башкирии, их эвакуировали вместе с заводом.

Наняли небольшой грузовичок, на котором мы добрались из подмосковной Малаховки до Рязани, а оттуда уже на поезде - в Уфу. Из Уфы - в Стерлитамак. Вскоре нас поселили по квартирам местных жителей - в порядке уплотнения, никто из местных жителей не сопротивлялся уплотнению, ситуацию все прекрасно понимали.

Начал сразу искать работу. В Стерлитамаке был учительский институт, но места там не было, а в школах были вакансии только в начальные классы, куда я идти боялся сам - прежде всего из-за своего далеко не образцового почерка. И я поехал в Уфу, столицу - проситься на работу куда-нибудь в среднюю школу. В Уфе мне повезло, и меня направили в пос. Туймазу учителем литературы и одновременно завучем. Я, наконец, обрел работу, и на душе стало спокойнее.

Местные жители относились ко мне и к другим эвакуированным хорошо, помогали, чем могли. У многих эвакуированных были утрачены документы, люди остались без средств, с маленькими детьми, но местные власти старались все сделать, чтобы помочь людям устроиться. Помню молодую и очень талантливую учительницу математики, прибывшую в Туймазу - без диплома, без документов, без трудовой книжки. С ней поговорил умный и добрый человек, заведующий Туймазинским РОНО Иосиф Ксенофонтович Еремин, сходил к ней на урок и принял ее на работу в старшие классы, причем назначил ей зарплату по высшей ставке.

Школа наша жила трудной жизнью, и эта жизнь была тесно связана с фронтом. Мы постоянно собирали с учениками средства в фонд обороны, зарабатывали деньги для фронта. Учителя и ученики работали в совхозе,

на торфоразработках, и все заработанные средства перечисляли фронту. Помню, что наша школа перечислила в этот фонд около 10 000 рублей, сумма по тем временам немалая.

Я ведал пришкольным участком в три гектара, с которого мы собирали немало драгоценного в то время продукта - картошки. Наша школа была единственной из школ райцентра, которая ежедневно даже в голодное военное время кормила детей горячими завтраками. Детям фронтовиков мы даже платили время от времени небольшие стипендии. Всячески помогали семьям фронтовиков через тимуровское движение. Не все мои инициативы в тот период были, строго говоря, законными. Так, например, мы продавали на базаре отпускаемую школе соль и покупали на эти деньги масло для столовой. Устраивали в школе платные концерты, на что не имели права, а на вырученные деньги покупали муку и мясо для школьной столовой. В то время смотрели на это сквозь пальцы, иначе мне как завучу могли грозить крупные неприятности.

Учили мы детей неплохо, учителя работали с полной самоотдачей. В школе из 24 учителей было шестеро мужчин - двое вернувшихся с фронта с ранениями рук, остальные, как и я, непригодные к строевой. Директор Зинатуллия, лет 35, страдал тяжелой формой эпилепсии, а старик-завхоз белорус Никонович, беженец из Белоруссии, не подлежал призыву по возрасту. На нас, мужчинах, лежала самая тяжелая работа - мужчины возглавляли уборку урожая, работу на торфоразработках, работы по ремонту школы. Помню тяжелейшую проблему - нет гвоздей. Я тогда обратился к детям с просьбой, чтобы каждый принес из дома несколько гвоздей, даже старых или негодных. Завхоз сел и в течение нескольких дней выпрямил гнутые гвозди, сделав пригодными для использования в ремонте. Так же собирали повсюду куски стекол и фанеры для того, чтобы починить двери и окна школы.

Жалкий вид имела школьная библиотека - в ней практически не было книг. А так хотелось, чтобы дети имели возможность читать, и в первую очередь нашу, отечественную классику. Я провел ревизию того, что есть - в библиотеке не было и пятидесяти книг, все разрознено, порвано, в ужасающем состоянии. Тогда я предложил детям принести для школьной библиотеки книги из дома, которые семье не жалко передать в общее пользование. За короткое время удалось собрать около 400 книг, на каждой из которых мы писали: «Передана в дар школьной библиотеке от семьи такого-то». Ребята внимательно следили за тем, чтобы их семья была по возможности представлена в школьной библиотеке. Мы придумали еще и такое: в коридоре вывешивали бюллетень с указанием, кто сколько книг передал в дар школе. Помню, как смутился озорник из озорников Андрей Лылов, который принес аж 16 книг, когда прочитал об этом восторженную информацию в коридоре. «Зачем написали?», - смущенно спрашивал он меня.

Очень хотелось, чтобы в это трудное время наши дети, лишенные столь многого, получили бы хорошее образование. То, что мы продолжали учить

детей, было как бы вызовом врагу, отражало нашу веру в победу.

Большое место в моей жизни в Туймазе и в жизни старшекласников нашей школы играл литературный кружок, который я организовал, как только начал работать в школе. Работал кружок четыре года - с 1941 по 1945 год. С завидной регулярностью, два раза в месяц, по средам, в 18.00, в любую погоду, без опозданий кружок начинал свою работу. Кружок стал как бы центром культурной жизни школы, да и поселка в целом. На нем ставились доклады ребят по русской, советской, зарубежной литературе. Мы старались с ребятами, чтобы на занятиях кружка всем было как можно более интересно. Заседания кружка сопровождались чтением стихов, отрывков из прозаических произведений, иногда удавалось организовать и постановку отрывков из пьес. У нас были членские билеты кружка, которыми ребята гордились. Народу всегда было очень много, приходили ребята и из других школ. На каждом заседании выступали докладчики и их оппоненты, разгорались порою жаркие литературные дискуссии. А в мае мы всегда проводили большой литературный вечер, посвященный подведению итогов работы кружка. На двух таких вечерах у нас был А.Л.Кудлай, первый секретарь райкома партии - вот какое значение приобрел кружок в местном масштабе!

Каждый год мы выпускали литературный журнал. Журнал за 1945 год до сих пор хранится у меня. В нем напечатано, в частности, письмо матери Зои Космодемьянской, которой написали мои кружковцы - интересовались, что любила читать Зоя, какая она была в жизни. Получили очень теплый ответ и напечатали его в своем журнале. О работе кружка я написал статью в журнал «Литература в школе», в номере 5-6 за 1946 г. она была опубликована. Письмо матери Зои Космодемьянской туймазинским школьникам мы позже передали на хранение в московскую школу № 201 имени Александра и Зои Космодемьянской.

Работа кружка заинтересовала сектор методики преподавания литературы Академии педагогических наук, и в 1946 г., когда я был уже в Москве, меня пригласили сделать об этом доклад на заседании сектора. За несколько дней до доклада я встретил в метро Нину Никонович, дочку нашего завхоза из Туймазинской школы - она, как и многие другие мои ученики, поступила в московский вуз, уже была студенткой. Встретились мы с ней очень тепло, и я к слову сказал ей о докладе. Сказал; «Может ты придешь, тоже выступишь?» И что вы думаете - она действительно пришла, выступила после моего доклада, кое-что дополнила, ответила на вопросы. Словом, очень необычное получилось заседание академического сектора. А потом в «Методике преподавания литературы в школе» профессора Голубкова мы прочли полторастраничный рассказ о работе нашего кружка, который был подан как интересная методическая находка и рекомендован к распространению как полезный опыт. Не скрою, мне было это очень приятно - я очень много сил и желания вложил в этот кружок, и ребята отвечали тем же. Многие из них - те, что учились в московских вузах, - не раз навещали меня в Москве, приезжали группами и парами,

писали письма, надолго остались моими преданными друзьями.

... Война постепенно катилась к концу. Наши были уже возле Берлина. Ждали окончания войны с огромным нетерпением - казалось, стоит войне закончиться - сразу прекратятся все мучения и трудности, уйдет боль и наступит, наконец, долгожданная счастливая жизнь... Если бы все было так просто... Но в день Победы в это так верилось! Узнали мы, что война закончилась, ранним утром девятого мая. Сразу стали думать о том, как это отметить в школе. Провели митинг, пригласили и родителей детей. Что меня потрясло - женщины плакали... Казалось бы, это должен быть день радости, ликования - а они плакали. И те, кто потерял своих мужей и сыновей, и те, кто не потерял...

Для учителей сделали небольшое застолье, отметили Победу в своем коллективе. Выпили, закусили тем, что каждый принес с собой из дома и поставил на общий стол - так отмечались в то время все праздники. Потом был районный митинг, меня попросили выступить от учителей. Помню, что говорил о том, что учителя, интеллигенция в тылу тоже делали все, что могли, для страны. Аплодировали громко, с воодушевлением, настроение было приподнятое, но после митинга подошел ко мне районный агроном Зубков и сказал: «Что же вы не сказали о нашем ведомстве, мы ведь тоже труженики тыла и старались, работали!». Словом, недоволен остался. А мы, учителя русской школы, пошли в татарскую школу, которая была в поселке, отмечали День Победы со своими татарскими коллегами...

Через некоторое время мы узнали, что многие учителя награждены за свой труд в годы войны медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Наградили такой медалью и меня.

Вскоре я получил из Московского городского пединститута им. Потемкина вызов для поступления в аспирантуру, о которой я давно мечтал, и вернулся в Москву, где открылась новая, научная страница моей жизни. Я поступил в аспирантуру по философии к известному логическому профессору Валентину Фердинадовичу Асмусу, защитил диссертацию и стал преподавателем логики и философии, сначала в Ярославском пединституте, а затем в Воронежском лесотехническом институте. Но это уже другая, послевоенная история...

ЛИЦА

(Маленькие штрихи к портретам больших людей)

Моя юность и значительная часть зрелых лет прошли в Москве, в которой кипели общественные страсти послереволюционного периода, где работали вожди, где закладывались основы нового общества и начинались многие социальные эксперименты. Я писал уже, что был активным пионером и комсомольцем, долго работал журналистом центральных газет, был свидетелем многих событий как москвич и как корреспондент, освещавший эти события. Все это позволило мне видеть многих знаменитых людей того времени.

Конечно, многое стерлось уже в памяти, на многое я по молодости лет не обратил должного внимания, не запомнил подробностей. Одних людей я видел ближе и даже разговаривал с некоторыми из них, других видел лишь на трибунах или в толпе. Но мне кажется, что читателю будут небезынтересны мои наблюдения, поскольку даже небольшие штрихи - воспоминания современника, часто субъективные или чисто эмоциональные, позволят лучше, полнее представить портрет того или иного человека. Постараюсь в своих воспоминаниях о больших людях быть предельно объективным и попытаюсь передать ту обстановку и то отношение к ним людей, которое было свойственно тому времени.

«Штрихи» мои будут неравноценны по объему - об одних людях я могу рассказать больше, о других - лишь тот или иной эпизод, свидетелем которого я был. Но и те, о ком я могу рассказать лишь несколько слов, заслуживают упоминания - в силу той роли, которую они играли в жизни нашей страны, того следа, который они оставили в нашей истории. Пусть и к их портрету я добавлю маленькую черточку.

Ленин и Сталин

Живого Ленина я не видел. Я был на его похоронах, мы ходили прощаться с ним в Колонный зал - я об этом уже писал в воспоминаниях о Москве двадцатых годов. Добавлю только, что скорбь у людей в Москве была искренней, и это передавалось и нам, детям.

О встрече со Сталиным в Кремле я тоже уже писал. Но я видел Сталина еще несколько раз во время демонстраций на Красной площади, проходя в колонне демонстрантов. И здесь мне запомнился один эпизод, который произошел в начале тридцатых годов - в каком году точно, сейчас не вспомню, но было это на Первомайской демонстрации. На Мавзолее рядом со Сталиным стоял Бухарин, в своей кепочке и кожаной тужурке. Бухарин еще был членом Политбюро, его еще не сняли со всех постов, но уже вовсю прорабатывали в газетах. И вот мы идем мимо Мавзолея, а на Мавзолее стоит Сталин и, не обращая внимания на демонстрантов, за что-то резко отчитывает Бухарина, повернувшись к нему и резко взмахивая правой рукой. И все время, что мы шли мимо трибуны, этот демонстративный разнос не прекращался. Помню свои ощущения в это момент - было как-то неуютно, стыдно и я подумал: «Ну вот, не нашел другого места для разноса!»

«Любимец партии» Бухарин

Ленин, как известно, называл Бухарина «любимцем партии», но партия Сталина объявила Бухарина своим врагом. Я видел Бухарина в разные моменты его жизни, не только во время сталинского разноса на Мавзолее.

В бытность Бухарина редактором «Правды» я слушал его выступление на всесоюзном съезде рабселькоров. Принимали его очень тепло, с

любовью и симпатией. Он призывал развивать критику и самокритику - в этом заключался основной смысл его выступления. Он призывал при этом писать живо, разнообразно, вырабатывая свой стиль и почерк, избегая газетных штампов. «Служил Гаврила хлебопеком, Гаврила булки выпекал», «Служил Гаврила почтальоном, Гаврила письма разносил» - цитировал он знаменитые тогда строчки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, призывал всячески избегать подобных «гаврилиад». Он был великолепным оратором, любил юмор, говорил с аудиторией на понятном ей языке, выражал мысли аудитории и в то же время как бы приподнимал людей на более высокий уровень, на уровень государственных задач.

Запомнилось мне в его выступлении упоминание о развитии экономики в стране. Он выступил против чрезмерного огосударствления кооперативного движения, за сохранение самостоятельности кооперации. Он сказал: «Возьмите торговлю нашей потребительской кооперации. Она ведь ничем сейчас не отличается от государственной». Это ему потом и припомнили, обрушив на него грозные обвинения.

Слушал я Бухарина на одном из всесоюзных съездов комсомола. Он делал доклад о международном положении. Доклад был живой, динамичный. А в перерыве член Политбюро, редактор «Правды», улегся отдохнуть прямо на стульях в президиуме конференции.

Летом 1930 го года я присутствовал на докладе Бухарина о задачах научно-технической пропаганды. Бухарин выступал в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха, в одной из так называемых зеленых аудиторий, под открытым небом. Его уже сняли со всех постов, направили на работу начальником научно-технического управления ВСНХ (позднее – Наркомтяжпрома). Доклад был публичный, на него продавались билеты.

Даже такую узкую тему Бухарин смог расширить до общегосударственного уровня, превратив свой доклад в изложение задач технического поворота, который должна совершить страна. Запомнилось, как он говорил об отсталости нашей базы технической пропаганды - нет производственно-технических фильмов, только появляются звуковые фильмы, нет цветных и стереоскопических фильмов, которые уже есть на Западе. Как нечто фантастическое для нас прозвучал упрек в том, что у нас в стране не используется техника передачи изображения на расстояние - о телевидении никто из нас тогда не имел представления. Несмотря на удары судьбы, Бухарин сохранил живость своей натуры, способность к яркому изложению, неподдельный интерес к будущему страны, озабоченность ее развитием - сегодняшним и будущим. Аудитория была настроена доброжелательно, но большинство пришло не столько послушать доклад о научно-технической пропаганде, сколько увидеть и услышать опального Бухарина. После доклада толпа окружила его, веселого, оживленного, в неизменной кожаной тужурке и кепке. Помню его добродушную реплику: «Ну что глядите, человека не видели?» Нам с моими друзьями стало как-то неловко от этой реплики, и мы отошли от

Бухарина... А в тридцать восьмом году Сталин-таки расправился с «любимцем партии», Сталин не мог терпеть около себя таких людей.

Н.К. Крупская

В тридцатые годы, работая в редакции «Учительской газеты», я не раз видел Н.К.Крупскую - как на различных учительских конференциях и собраниях учительского актива, так и в редакции нашей газеты, членом редколлегии которой она являлась. Она довольно часто приходила в редакцию, а потом, после заседания редколлегии, нас всегда собирали и сообщали о предложениях и замечаниях Крупской, которые она высказывала на редколлегии. Помню случай, когда она сделала замечание, что в помещении редакции грязновато, плохо прибрано: «Редакция должна быть образцом во всем, в том числе и чистоте помещений, куда приходит наш читатель». В нашей редакционной стенгазете тут же появился рисунок - Надежда Константиновна в фартуке и с метлой в руках наводит порядок в редакционном помещении. Вообще, все замечания Крупской воспринимались в редакции как руководство к действию, авторитетом она пользовалась очень большим.

Однако жилось Надежде Константиновне в двадцатые - тридцатые годы вовсе нелегко. Об этом писала ее секретарь В.Дридзе («Коммунист», 1989, № 5, с. 106), а я могу подтвердить это эпизодом из ее жизни, которому я оказался свидетелем.

Осенью 1930 года (в сентябре или октябре) я по поручению газеты присутствовал на собрании учителей Москвы в Областном доме работников просвещения. Среди других выступавших на этом собрании была и Надежда Константиновна. Я почему-то попал на собрание уже после того, как она выступила, и сразу обратил внимание, что в зале стояло какое-то волнение, чувствовалась какая-то напряженность. Мне объяснили, что Крупская выступила в защиту видного тогда деятеля просвещения, старого члена партии профессора В.Н.Шульгина, которого резко критиковали в печати за то, что он, якобы, недооценивает значение школы, приклеивали ему разные обидные ярлыки. И вот на Крупскую за ее выступление яростно обрушился присутствовавший на собрании тогдашний председатель ЦК работников просвещения А.Я.Шумский.

Шумский был недавно переведен в Москву из Киева, где был снят с работы наркома просвещения Украины по обвинению в национализме. Сейчас, на новой работе, он всячески старался выслужиться. Разногласия о путях строительства новой школы Шуйский свел в своем выступлении к разногласиям в политической линии и обвинил Крупскую ни много, ни мало - в «беспринципности проводимой ею линии». Выступал громко, резко, очень уверенно. Это производило ужасное впечатление - Крупская возражала ему из президиума что-то своим тонким голосом, но в тогдашней обстановке верх явно взял Шумский, оперирующий хлесткими терминами и цитатами из решений ЦК ВКП(б) о школе.

Помню дословно некоторые его фразы: «Мы уважаем Вас как спутника Ленина. Вы лучше всех знаете биографию Ленина. Но в вопросах принципиальных мы, большевики, никаких уступок делать не можем». После окончания собрания вокруг Надежды Константиновны образовался как бы некий вакуум, ее не окружили учителя, как это было всегда после ее выступлений на различных собраниях. Кто-то возле меня суеверно прошептал: «Наверно, Шумский согласовал свое выступление против Крупской в ЦК! Ведь - Крупская!» Наша «Учительская газета» не присоединилась к нападкам на Крупскую, но и выступить против Шумского тогда не смогла. А Шумский позже был репрессирован. Ничего ему не помогло...

М.Н. Рютин

В 1926 году я, еще школьником, присутствовал на комсомольской конференции Краснопресненского района Москвы. На первом заседании конференции мы избрали почетный президиум, в числе членов которого был и Л.Д.Троцкий. Сделано это было без всякого умысла, по инерции, поскольку долгие годы до этого Троцкий неизменно фигурировал в подобных списках. Но Троцкий уже осуждался большинством членов ЦК, и его избрание в почетный президиум привлекло внимание М.Н.Рютина, который был первым секретарем Краснопресненского райкома партии.

Авторитет Рютина в Москве был чрезвычайно высок - он был членом партии с дореволюционным стажем, одним из героев гражданской войны, опытным партийным работником. На другой день после открытия конференции Рютин собрал сеньорен-конвент (так тогда называли совет старейшин) и дал очень резкую и, я бы даже сказал, злую оценку нашему поступку. Ребята из райкома комсомола пытались оправдаться, говорили, что на открытии конференции был Буденный – «почему же он нам не подсказал?» Рютин сказал, что товарищ Буденный не очень разбирается в таких вопросах - нам это было диковинно слышать. Буденный ходил у молодежи, да и у всего народа в богах. Он, кстати, выступал на конференции, и мы по традиции того времени подняли его на руки и вынесли из зала на руках под овацию всех собравшихся.

Рютин тогда был убежденным сталинистом. Оппозиция, учил он нас тогда, обвиняет аппарат партии в бюрократизации, говорит о перерождении партии. Комсомол, вслед за партией, должен решительно отвергать эти контрреволюционные вымыслы оппозиции. Он был готов отстаивать точку зрения Сталина везде и всегда. Помню еще одно его выступление в этом духе - на похоронах А.Иоффе, старого большевика, покончившего жизнь самоубийством. Рютин очень агрессивно осуждал оппозицию, которая заявляла, что в стране наступили «политические сумерки» - никаких сумерек нет, это контрреволюционные разговоры. Характерно, что среди присутствующих на похоронах были люди, которые поддерживали оппозицию - во время выступления Рютина слышались

крики «Долой!», но он продолжал отстаивать линию ЦК, не позволил себя сбить.

Это была искренняя речь подлинного сторонника линии большинства, возглавляемой Сталиным. Тем более весомым является последующий переход Рютина в антисталинский лагерь. В 1932 г. он писал: «Позорно и стыдно для пролетарских революционеров дольше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательства над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер» ("Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 109). Впоследствии Рютин был обвинен в контрреволюции и расстрелян в 1937 г.

Александр Косарев

Любимый вожак советской молодежи 20-30-ых гг. Александр Косарев тоже не избежал страшной участи. Саша Косарев, как называли его все мы - комсомольцы, был всеобщим любимцем. Это был благороднейший, честнейший человек, который прекрасно умел разговаривать с молодыми людьми, умел убеждать, говорить ясно, просто и понятно.

В 1927 г. я слушал его выступление на собрании комсомольской ячейки московского завода «Красная Пресня». Этот завод шефствовал над 61-й школой Краснопресненского района, где я тогда работал пионервожатым. В комсомольской ячейке завода была группа рабочих ребят, примкнувших к троцкистско-зиновьевской оппозиции. Косарев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, не посчитал для себя зазорным самому приехать на собрание первичной организации, чтобы поспорить с оппозицией. Помню, что ребята из оппозиции говорили в своем выступлении, что комсомол перерождается по классовому составу, он уже не рабочая организация - приводили данные, что на каком-то этапе число вступивших в комсомол служащих превысило число вступивших рабочих. Косарев же горячо объяснял, что это - частный факт, а по политике и составу комсомол есть и останется рабочей организацией. Говорил он очень красноречиво, убедительно, членам ячейки его доводы показались достаточными. В выступлении Косарева не обошлось и без призывов следовать за Сталиным: он настойчиво подчеркивал, что комсомол должен быть единым с партией Сталина, а низовые комсомольские организации должны полностью подчиняться Центральному комитету комсомола. Через несколько лет Косарева обвинили в поддержке врагов народа, и он был раздавлен машиной сталинского террора.

Л.Д. Троцкий

Троцкого я видел один раз, на трибуне мавзолея Ленина на Красной площади. Было это в мае 1924 года. На Красной площади проходил парад пионеров, посвященный переименованию пионерской организации в

Детскую коммунистическую организацию им. Ленина. Среди других на мавзолее был и Троцкий. Я стоял довольно далеко, обратил внимание на его, как мне кажется, серебристые волосы. Ему предоставили слово, в воздух полетели шапки, раздалось громкое «Ура!». Популярность Троцкого как соратника Ленина и руководителя Красной Армии тогда была очень велика. Но речь Троцкого, как, впрочем, и других выступавших, мы, стоявшие далеко от Мавзолея, не слышали - усилителей не было, и речи выступавших были слышны только тем, кто стоял рядом.

В стране руководителями революции в сознании народа тогда были Ленин и Троцкий - так все и говорили. Были популярны запомнившиеся мне с детства стихи Д.Бедного: « Ленин с Троцким - наша двойка, ну, попробуй-ка, покрой -ка! Где ж твоя, Деникин, прыть? Нашей двойки нечем крыть!»

Троцкий считался организатором Красной Армии, одним из организаторов победы в гражданской войне. Троцкий был прекрасным оратором, умел говорить ярко, убедительно, обладал большим даром убеждения. Ему принадлежали многочисленные популярные лозунги того времени, множество ярких и метких выражений и характеристик. Троцкому-оратору, Троцкому - публицисту принадлежат такие знаменитые выражения как: «С фонарем ленинизма в руках» (помню распространенный плакат того времени - рука держит фонарь и подпись - "Л.Д.Троцкий"), «Грызите молодыми зубами гранит науки» (из обращения к молодежи) и многие другие. «Опаснейшей из всех опасностей является внутрипартийный режим», предупреждал он партию, которая пошла по пути слепого подчинения Сталину - эту фразу часто резко критиковала сталинская, партийная печать, невольно, кстати, тем самым популяризируя ее.

Г. Е. Зиновьев

Первый раз я увидел Зиновьева в 1924 г., когда он пришел принимать парад пионеров. Я писал отчет об этом параде в журнале московских пионеров «Барабан» и написал так: «Вот Зиновьев с громадной копной волос». Так и напечатали - такие вольности в печати тогда допускались.

В июле 1929 года я разговаривал с ним по телефону от имени «Учительской газеты», в которой я тогда работал. Я заказал ему по поручению редакции статью к 1 августа - Антивоенному дню. Мы решили попросить бывшего председателя Коминтерна, который в это время уже работал на незначительной работе в Центросоюзе, написать статью о том, как немецкие социал-демократы проголосовали в 1914 г. за военные кредиты, чем поддержали немецкую буржуазию в ее военных приготовлениях, способствовали развертыванию империалистической войны и положили начало краху II Интернационала. В то время это называлось «предательство социал-демократов», и мы хотели, чтобы Зиновьев еще раз заклеил их как пособников войны. Об этом я и

попросил Зиновьева. Он несколько удивился объему задания – «Это очень много для одной статьи», - сказал он мне, но обещал поработать и попробовать. Статью он сделал, и я послал за ней к Зиновьеву в подмосковный поселок Ильинское, где он снимал дачу, курьера, который и привез статью в редакцию.. Почему я сам не съездил за статьей? Познакомился бы с Зиновьевым... Но тогда я, видимо, посчитал это ненужным - самому ездить к автору. Я ведь был завотделом...

Статья была большая, боевая, большевистская, проникнутая верой в неизбежную конечную победу социализма в нашей стране. Называлась она «Свиток преступлений». О ней узнали в газете «Труд» и вечером прислали за статьей гонца в типографию, где печаталась «Учительская газета». И я, без согласия автора, согласился дать им гранки статьи, и на следующий день, 1 августа 1929 года, статья Зиновьева вышла одновременно и в нашей газете, и в «Труде».

И.Э. Якир

Якира я видел в Винницкой области, когда работал там корреспондентом «Пищевой индустрии». Тогда приехал в Винницкую область Микоян, нарком пищевой промышленности страны, и я освещал его поездку по области. Якир был в то время командующим Киевским военным округом, членом политбюро компартии Украины, и сопровождал Микояна в поездке. Разговаривать с Якиром мне не пришлось, но я наблюдал за ним с большим интересом, как, впрочем, и все окружающие. Он был очень популярным человеком, известным в стране, и при этом всех поражала его молодость. Он был прославленным героем гражданской войны, но в 1935 году ему было всего 39 лет, а на вид - еще меньше. Всех поражала его демократичность, простота, скромность в поведении. Высокий красавец, он был любимцем и военных, и гражданских - подвижный, усмешливый, по-молодому веснушчатый. Но и ему не нашлось места в жизни сталинского государства, и он был вскоре объявлен врагом...

М.И. Калинин

Калинина я видел и слушал несколько раз на совещаниях рабселькоров. Такие совещания проводились тогда очень часто. Говорил он негромко, очень просто и понятно, и при этом всегда очень убежденно. Говорил он довольно образно, причем образность была у него особая, «народная». Помню, как он призывал рабселькоров к наблюдательности - говорил, что надо быть очень внимательным к росткам новой жизни, все подмечать и популяризировать все мало-мальские успехи в своих публикациях: «рабселькор должен слышать, как трава растет», - говорил он.

К.Е. Ворошилов

Ворошилова я слушал на партконференции МВО как корреспондент газеты МВО «Красный воин». Ворошилов был среднего роста, говорил негромко, но довольно резко, решительно. Он обладал в стране и армии большим авторитетом - герой гражданской войны, один из организаторов Красной Армии. Его любили, к его мнению прислушивались, на него надеялись. Мы в редакции, когда узнали, что Ворошилов будет на конференции, в вечернем выпуске газеты «Красный воин» дали крупный заголовок «Привет железному наркому Климу Ворошилову». Газету мы передали ему в президиум - прочитал, усмехнулся - мол, шустры...

Выступал на конференции Климент Ефремович очень критически, все время обращался к Августу Ивановичу Корку, командующему округом - давал ему указания в довольно резкой форме. Спросил, например; «На каком месте стоит в стране МВО?» «На 3-4»,- отвечает Корк. «Это еще по снисходительной оценке командующего, - комментирует Ворошилов, - а стоять должен МВО только на первом месте, учтите, товарищ Корк!»

А.И. Микоян

Осенью 1935 года Микоян приехал в Винницкую область. Как нарком пищевой промышленности, он инспектировал ход копки свеклы и работу сахарных заводов. Винницкая область в то время гордо именовала себя «сахарным Донбассом», на ее территории было 53 сахаропесочных и 3 сахарорафинадных завода.

Микоян и сопровождавшие его лица смотрели, как копают, чистят и возят свеклу, а попутно решали вопросы сахароварения и других отраслей пищевой промышленности - мясной, спирто-водочной, масло-жировой. Микоян выглядел весьма деловым, компетентным человеком, вопросы решал быстро, разумно.

Попутно он очень много беседовал с людьми – с колхозницами на полях, с рабочими в цехах пущенных сахарных заводов. Разговаривать он умел, беседовал, как опытный пропагандист, умел поставить вопрос, умел ответить на вопросы, которые задавали ему. Колхозники и колхозницы охотно беседовали с наркомом, откровенно рассказывали ему о своих делах и проблемах. Я как корреспондент присутствовал при многих беседах. Особенно запомнился мне разговор Микояна с двумя колхозницами – «пятисотницами» Кристиной Байдич и Екатериной Андросчук в Ямпольском районе. Они рассказывали, как борются за выполнение взятых обязательств - собрать не меньше пятисот центнеров свеклы с гектара. Это были винницкие последовательницы киевских «пятисотниц» Марии Демченко и Марины Гнатенко. «Сколько раз мы кланялись свекле - не счесть»,- говорили они. С гордостью показывали свои участки, где росли полновесные корни, покрытые сочной зеленой ботвой. Звеньевая Байдич в конце разговора, когда Микоян уже собирался

уезжать, сказала ему: «Передайте Сталину, что буряки мы дадим. А вот чоботов у нас нету, чоботы нужны!» Ее толкали в бок, но она все равно сказала это наркомму. Действительно, с «чоботами», с одеждой и другим промтоварами было очень плохо - знатные звеньевые ходили на работу в поле босые.

Микоян выслушал всех и уехал. Вскоре после его отъезда уборка свеклы была завершена, урожай на участках Байдич и Андрюшук превысил 500 центнеров с гектара. Обе «лайковые» (звеньевые) были награждены орденами Ленина.

Микоян был крупным хозяйственным руководителем, но он полностью подчинялся диктатуре Сталина. Помню, в 1957 году на одном из собраний его спросили: «Почему вы и ваши коллеги по Политбюро не выступали против культа личности Сталина?» А он ответил: «Если бы мы выступили, нас бы сегодня здесь не было».

В. Маяковский

Маяковского я видел и слышал два раза - оба раза на конференциях читателей «Комсомольской правды», с которой поэт очень дружил. Вообще, Маяковского можно было услышать гораздо чаще - он выступал в Москве очень много. Чаще всего он выступал перед молодежной аудиторией в Политехническом музее, где возникали у него бурные дискуссии с аудиторией. Дискуссий он не боялся, охотно на них шел, вел дискуссии остроумно и уверенно. Мои друзья и сверстники ходили на эти вечера чаще меня. Мой друг по «Учительской газете» журналист Савва Морозов, внук известного промышленника, пошел однажды к Маяковскому домой и сказал: «Я студент, денег нет, а хочу попасть на ваш вечер». Маяковский взял красный карандаш и написал на клочке бумаги: «Пропустить студента Морозова». Савва показывал нам эту записку, которую он хранил всю жизнь как память о Маяковском.

Осенью 1928 года я был на вечере, посвященном заграничным стихам Маяковского. Вел вечер редактор «Комсомольской правды», известный публицист Тимофей Костров. В своем вступительном слове Маяковский сказал: «Я собирался вновь поехать за границу и стоял уже одной ногой на подножке вагона, но меня схватил за штаны критик Тельников, сказал, что не надо мне ездить за границу, без пользы это. И я пришел к вам, рабочей молодежи, чтобы вы сказали, как вы думаете - ехать мне за границу или не ехать». В ответ из зала раздались возгласы: «Ехать», «Ехать». И Маяковский, как мы знаем, поехал за границу, написал о заграничье много замечательных стихотворений.

А суть ситуации состояла в следующем. Критик Тельников в журнале "Красная новь" довольно развязно разнес Маяковского за его первый зарубежный цикл. На вечере, о котором я рассказываю, Маяковский ответил ему стихотворением «Галопщик по писателям» - он прочитал его в заключительной части вечера. А начался вечер, после вступительного

слова ведущего, обсуждением стихов поэта. Молодые люди выходили и высказывали свое мнение о творчестве поэта в целом, а также анализировали отдельные его произведения. Маяковский очень внимательно слушал каждого, видно было, что ему мнения молодых читателей небезразличны. Он вел себя очень динамично. Сидя в президиуме рядом с Костровым, реагировал на выступление каждого, отвечал им, комментировал, что-то пояснял. Иногда вставал и начинал прохаживаться. Выступали собравшиеся очень активно - их всех воодушевляло присутствие поэта, впечатляло его необычное, дерзкое, смелое и даже несколько трагическое лицо - все собравшиеся смотрели на него во все глаза.

Маяковский заметно нервничал, когда ему говорили, что стихи его непонятны. Один молодой парень в юнгштурмовке (молодежь наша тогда почти вся ходила в юнгштурмовках - форме, которую носила революционная молодежь Германии) сказал, обращаясь к поэту: «Надо вам все-таки быть поближе к нам!». Маяковский из президиума спросил громким нетерпеливым басом: «К кому это - к вам? К Большому театру, что ли?» Паренек был из комсомольской ячейки Большого театра, но явно не артист, а рабочий сцены, к художественным позициям театра он наверняка не имел никакого отношения. Но реплика Маяковского была данью времени - он резко отрицательно относился к классическому наследию, представляемому Большим театром.

Пренебрежение к традиционному искусству было в самом разгаре, его отголоски проявились в этот вечер еще не раз. Так, умный и проницательный Костров, говоря о патриотизме и злободневности поэзии Маяковского, зачем-то резко кольнул поэтессу Веру Инбер, которая, мол, лишь пьет кофе из своей маленькой чашечки и не беспокоится шумом сегодняшней реальной жизни. Маяковский поддержал Кострова, тоже пренебрежительно отозвавшись о творчестве поэтессы. А Вера Инбер в 1943 году в блокадном Ленинграде вела вечер, посвященный пятидесятилетию Маяковского. А еще раньше, в 1930 году, она была в числе немногих писателей, пришедших на выставку, посвященную двадцатилетию творческой деятельности поэта - известно, что игнорирование этой выставки большинством писателей так огорчило поэта... Время все расставило на свои места, и перебранки между поэтами забылись, а творчество их осталось и радует нас по сей день.

Заключительная часть вечера была триумфальной. Зал, заполненный молодежью до отказа, горячо аплодировал каждому стихотворению. В этот вечер прозвучали знаменитые строки «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва», стихотворения «Блек энд Уайт», «Шесть монахинь». В присутствии Кострова Маяковский прочел стихотворение «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», и в заключение – «Домой» со знаменитыми строками «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, с чугуном чтоб и с выделкой стали...".

Много новых сторонников приобрел Маяковский на этом вечере.

Маяковского в ту пору очень редко читали с эстрады профессиональные артисты, а понимать его поэзию «с листа» было нелегко - с ее необычной формой, рубленой строкой, неожиданной рифмой. Я не раз слышал от своих товарищей, что понимать Маяковского они стали после того, как услышали стихи в его собственном исполнении. Добавлю, что читал он замечательно - громовым голосом, очень убежденно, воодушевленно, выразительно жестикулируя. До сих пор у меня стоит перед глазами величественная фигура Маяковского, его великолепное чтение, передающее пафос его творчества и прославление Родины, вера в ее лучшее будущее, высочайший патриотизм и то, что Пастернак назвал у Маяковского «избалованность будущим», в которое поэт искренне верил.

О. Мандельштам

В 1929-30 годах я работал в «Учительской газете». В редакции нашей газеты работала на скромной технической должности Надежда Яковлевна Хазина, жена Осипа Мандельштама. Мы смотрели на нее несколько свысока - мы были уже журналистами, считали себя акулами пера, а она была техническим секретарем редакции. Но Мандельштама мы все, конечно знали. Он очень часто приходил встречать жену. Он ждал, когда она закончит работу, и неторопливо прогуливался около редакции. Нередко он заходил и в помещение редакции. Журналист Савва Морозов очень точно описал в своих воспоминаниях («Учительская газета», 3 октября 1989 г.) величественную и независимую манеру Мандельштама: «он входил, словно римлянин в сенат».

После окончания рабочего дня мы, молодые журналисты, выходили из редакции на шумные улицы Москвы - кругом прохожие, гудки автомобилей, срезет тормозов автобуса, который останавливался по требованию недалеко от редакции - на улице Герцена, около консерватории - и оказывались в одном мире с прохаживающимся около редакции Мандельштамом. Нам казалось, что он находится вместе с нами, но вместе с тем и в каком-то своем, нам недоступном, не предназначенном для нас мире - столь необычно, значительно было его лицо, столь необычен и выразителен был взгляд поэта. За все время никто из нас не решился заговорить с этим человеком - мы только издали смотрели на него. Не то, чтобы мы боялись - страха у нас, естественно, никакого не было, а просто он казался нам предельно отстраненным от нашего мира, нашей повседневной жизни, нашей сиюминутной суеты. Таким он и остался у меня в памяти.

Когда Мандельштам был в ссылке в Воронеже, я учился в пединституте. Наши преподаватели ни разу не обмолвились, что в Воронеже живет и работает выдающийся русский поэт Осип Эмильевич Мандельштам. Вокруг него было литературное молчание.

Однажды на углу около здания ЮВЖД я внезапно столкнулся с Надеждой Яковлевной. Я ее узнал, узнала, видимо, и она меня. Но мы

молча прошли друг мимо друга - ни я не сообразил, как реагировать на встречу, ни она не знала, как реагировать на старого московского знакомого. Больше мы не виделись ни с ней, ни с Мандельштамом. Я лишь много лет спустя узнал, что Мандельштамы были в Воронеже в ссылке.

Б. Пастернак

Бориса Пастернака я видел в 1940 году. Это было на вечере, посвященном пастернаковскому переводу трагедии Шекспира «Гамлет». Вечер проходил в концертном зале Московской консерватории на улице Герцена.

Народу было много, но переполненным зал назвать было нельзя. Пастернак в глазах тогдашней молодежи был мэтром, старшим, хотя он и был всего-то на три года старше Маяковского, слывшего поэтом молодости. Считался Пастернак поэтом элитарным, поэтом для поэтов. Вместе с тем многие его строки стали достаточно известными и в широком читательском кругу, в том числе и среди молодежи. Популярным в нашей среде было его стихотворение «Марбург» с щемящими строками: «Каждая малость жила, и не ставя меня ни во что, в прощальном значении своем поднималась»; широко комментировались и сопоставлялись написанные с большим временным интервалом строчки «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» (1917) и «Ты рядом, даль социализма» (1931). Дошла до широкого читателя его поэма «Девятьсот пятый год». Тревожили сердце строки стихотворения «Борису Пильняку»: «Напрасно в дни великого совета, где высшей страсти отданы места, оставлена вакансия поэта, она опасна, если не пуста». Приближалась волна репрессий, и строки поэта звучали своеобразным предостережением.

Поэту в эти годы все труднее было публиковаться. И вот в качестве прорыва в печать стали появляться его переводы - переводы Шекспира, «Фауста» Гете, других поэтических и драматических произведений. Заметим, что и многие другие поэты, находившиеся на подозрении у сталинского режима, печатали переводы (Леонид Мартынов, Николай Заболоцкий).

На вечер Пастернака собрались люди, любящие поэта и понимающие, что смогут увидеть в этот день лишь часть его творчества, только переводы. Два часа мы были в стихии шекспировских страстей. Пастернак читал свои переводы мастерски, по-актерски. Перед нами вставали Полоний, извивающийся и хитрый царедворец, и король-убийца, и нежная несчастная Офелия, и, главное, сам принц датский с его философскими монологами и тяжелейшим камнем на душе. Все персонажи в переводе Пастернака и в его исполнении звучали как живые, особенные, каждый со своей страстью и своей правдой. Это был действительно театр одного актера, и это был Актер с большой буквы, умеющий говорить за всех.

Поэту в конце вечера стали задавать вопросы. Одна из записок из зала вывела нас из средневековой жизни в наш сегодняшний тревожный мир.

Пастернака спросили: «Каково ваше мнение о военных событиях нашего времени?». Когда вопросы касались перевода, Пастернак отвечал, расхаживая по сцене. Получив эту записку, он остановился, соединил руки, поднял их кверху и прижал к горлу, жестом показывая, что говорит от всего сердца: «У нас сегодня вечер литературного перевода, - сказал он, - вот как-нибудь соберемся в другой раз, и будем тогда обо всем разговаривать». Видно было, что он не хотел бы затрагивать этот вопрос. Но вдруг он продолжил и сослался на «Гамлета» на беседу Гамлета с капитаном Фортинбрасом в четвертом акте трагедии: из-за клочка негодной земли собрались в бой тысячи людей. «Эти современные войны как будто бы освещаются «Гамлетом», - сказал он. Видно было, что он не мог говорить яснее - напомним, это был разгар нашей парадоксальной «дружбы» с фашистской Германией, которая уже всю вела войну в Европе. Даже открыто осудить фашистов поэт не мог - такое было время.,,

И. Эренбург

Вечер, на котором я видел и слышал Эренбурга, состоялся весной (в марте или апреле) 1941 года в Московском институте иностранных языков. Писатель читал отрывки из своего романа «Падение Парижа». Ему задано было очень много вопросов, в том числе и такие, которые выходили за рамки тематики вечера: «Как вы оцениваете нападение Германии на Польшу?», «Может ли Германия напасть на нашу страну?». Отвечал Эренбург уклончиво - мол, вечер у нас литературный, будем с вами говорить о литературе. На вопрос о том, как чувствует себя Ромен Роллан в оккупированной Франции, он все же ответил предельно эмоционально: «Как может себя чувствовать французский писатель и патриот, если его родина оккупирована врагами?»

Когда же Эренбург читал свой роман, антифашистский пафос его произведения был совершенно очевиден. Немцы взрывают мосты, по которым пытается уйти население, затем бомбят людей, собравшихся у взорванных переправ. В глубокой тишине писатель прочитал сцену о смерти героини романа - милой, простой и сердечной актрисы Жаннет: «Агония была недолгой. Платье и трава вокруг были в крови. Лицо Жаннет было спокойное».

Вечера, посвященные «Падению Парижа», Эренбург провел в ряде мест Москвы, антифашистский характер этих вечеров стал широко известен. «О моих чтениях пошли толки», - пишет он в своих воспоминаниях, - «один вечер был отменен».

Антифашистский пафос творчества писателя в полной мере проявился в годы войны, когда почти каждый день, в газетах появлялись его статьи, обличающие гитлеризм - не случайно Гитлер грозился повесить его одним из первых, когда займет Москву.

После, войны Эренбург явился одним из основателей движения сторонников мира, а также первым создал произведение о людях,

пробуждающихся от суровой зимы сталинского террора – «оттепель». Сколько критики пришлось выдержать ему, сколько непонимания! Шолохов публично издевался над названием произведения – мол, что такое оттепель-это грязь, слякоть, вот, мол, о чем пишет Эренбург.

Когда вышла автобиографическая повесть Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (впервые она увидела свет в «Новом мире»), многое в ней также казалось смелым и вызывающим, особенно все то, что было связано с критикой культа личности. Сейчас многое из написанного об этом читается как нечто обычное, но в 1962 -65 годах это был смелый и решительный шаг. Эта повесть произвела глубокое впечатление на людей. Мы все читали ее с огромным интересом. Она впечатляла смелостью, оригинальностью суждений, большой энергией автора. И когда я прочитал у автора жалобу на то, что «в отвердевших сосудах течет старческая кровь», я искренне возмутился и написал Эренбургу письмо, в котором сказал много теплых слов о повести, но позволил себе дать совет автору – «подчистить» в следующем издании места о собственной старости, поскольку книга по духу – молодая и энергичная. Илья Григорьевич ответил мне, поблагодарил, но вежливо отказался что-либо «подчищать». Приведу его небольшое письмо:

Москва, 27 августа 1965 года.

Дорогой Абрам Стернин (простите, не знаю Вашего отчества). Я благодарен Вам за интерес к моей книге и добрые слова, которые вы о ней сказали. Мое возражение вызвало только Ваше предложение «подчистить» в воспоминаниях грустные слова о старости. Официальные критики множество раз предлагали мне «подчистить» те или другие чувства и даже факты, и я не соглашался. Я ничего не хочу подчищать ни в жизни своей, ни в книге, на страницах которой я рассказал о своей жизни.

Желаю Вам и Вашим близким здоровья и счастья.

И.Эренбург

Вряд ли это письмо нуждается в каких-либо комментариях. Я ответил писателю теплым письмом к новому , 1966 году, и он вновь откликнулся:

Москва, 12 января 1966 года

Дорогой Абрам Осипович,

мне хочется поблагодарить Вас за хорошее письмо, за слова о моей работе. От души желаю Вам и Вашим близким всего самого доброго в новом году.

И.Эренбург

Это было последнее письмо, которое я получил от писателя.

В садах философии

В садах моей любимой науки - философии я прожил более тридцати лет. И сейчас, когда уже более 20 лет я нахожусь на пенсии, я слежу по мере возможности за развитием этой науки, за ее новинками, за переживаемыми ею трудностями.

Защитив в 1949 году диссертацию по логике, я стал преподавать логику и философию. По окончании аспирантуры я был направлен на работу в Ярославский педагогический институт, где до 1963 года работал на кафедре философии, потом переехал в Воронеж, где проработал до пенсии на кафедре истории КПСС и философии Воронежского лесотехнического института. Практически в послевоенный период преподавание философии, научная и методическая работа в области философии стали основным, главным делом моей жизни.

Положение философии как науки в нашей стране было двояким. С одной стороны, это была обязательная общественная наука, которую все изучали, одна из составных частей марксизма; с другой стороны, развитие этой науки тормозилось узкими рамками «дозволяемой» марксизмом философской интерпретации действительности. Дело осложнялось еще и последствиями культа личности: долгое время в программы изучения философии вносилось только то содержание, те понятия и категории, которые были отражены в четвертой, «философской» главе работы Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», и выходить за эти рамки было нельзя, даже если философские идеи Маркса, Энгельса и Ленина выходили за рамки «Краткого курса».

И вот после смерти Сталина положение начало меняться. Наступила «оттепель» - появилась новая, расширенная программа по философии для вузов. Программа-то появилось, но учебных и, что особенно важно, научных разработок всей обширной философской проблематики не было. Преподаватели философии боялись новой программы - сказывалось старое мышление, привычка опираться на проверенные и одобренные сведения. Даже «тузы» философской науки из Москвы, Института философии, Московского университета медлили с разработкой новых учебников, с научной разработкой новых проблем, что уж там говорить о рядовых преподавателях вузов. И вот здесь мне посчастливилось - кафедру философии Ярославского ГПИ возглавил Николай Варфоломеевич Пилипенко, человек смелый, решительный, инициативный и, что особенно важно, прекрасный организатор коллективной научной работы.

Важнейшей трудностью философии в то время было описание ее основных философских категорий. В работе Сталина о философских категориях ничего не говорилось, а как можно преподавать науку, не объясняя ее основных категорий? Н.В.Пилипенко предложил нам всем взять по одной философской категории, разработать ее в научном плане и выпустить в Ярославле коллективную монографию. В результате в одной книге были бы рассмотрены все основные философские категории

(явление и сущность, причина и следствие, необходимость и случайность, содержание и форма, возможность и действительность, абстрактное и конкретное, историческое и логическое, единичное, особенное и всеобщее и др.).

Наша книга «Категории материалистической диалектики» вышла в 1954 г. в Ярославле и произвела огромное впечатление в стране. Это была одна из первых авторских разработок в отечественной философии марксизма, когда интерпретаторами философских категорий выступили не вожди большевизма, не академики, а рядовые философы - преподаватели философии из провинциального вуза. Это событие знаменовало важный этап в развитии нашей философии: был создан прецедент - рядовые философы получили право на интерпретацию марксизма. Это был действительно прорыв в философской науке, которая таким образом получала толчок к интенсивному развитию, к отходу от схематизма и догматизма. Я горжусь, что принимал в этом самое непосредственное участие.

Наша книга была переиздана в Москве в 1956 г., и не где - нибудь, а в «Политиздате». В следующем году - 1957-м она была переиздана вторично без всяких изменений, тоже в твердом переплете. Положительный отзыв о нашей книге написал в «Вопросах философии» известный философ из Академии Наук Ойзерман, хороший отзыв опубликовал даже журнал «Коммунист». Все философы страны нашу книгу хорошо знали, по ней начал осуществляться учебный процесс. Коллеги из московских вузов неоднократно рассказывали, как их заведующих кафедрами философии пропесочивало начальство: почему вы не догадались, почему ярославцы могут, а вы нет?

Когда я временно заведовал кафедрой (Н.В.Пилипенко был в заграничной командировке), ко мне конфиденциально обращались из Института философии АН с просьбой согласиться поставить на книге гриф Института философии, но мне удалось отказаться. Так уж хотелось «тузам» приобщиться к полученным нами результатам и полученной нами в стране популярности... А книга наша быстро была переиздана на немецком языке в Германии, на чешском - в ЧССР, на румынском в Румынии, на китайском в Китае и даже на португальском в Бразилии.

Нисколько не преувеличивая наш скромный вклад в развитие философской науки, скажу, что наша книга «Категории материалистической диалектики» (я написал в ней восьмую главу – «Единичное, особенное и всеобщее») в очень большой степени способствовала становлению в стране философии как самостоятельной, творчески развиваемой усилиями многих ученых науки. Мы внесли своей книгой заметный вклад в преодоление догматизма и косности в преподавании и изучении философии. Хочу подчеркнуть, что это сделала группа доцентов и старших преподавателей провинциального педагогического вуза - даже не университета. Это красноречиво свидетельствовало о том, что времена меняются, философская мысль начинает рабо-

тать творчески. Одновременно не могу не подчеркнуть важнейшей роли Н.В. Пилипенко - вот что значит организаторские способности, столь необходимые в коллективной научной работе.

Н.В. Пилипенко сыграл большую роль в моей научной жизни, во многом помог становлению моих научных интересов. Отмечу и еще двоих замечательных людей, моих добрых знакомых, известных московских философов - Бориса Григорьевича Сафронова, профессора МГУ, заслуженного деятеля науки РФ и покойного профессора Григория Марковича Штракса, которые на протяжении нескольких десятилетий моей работы в философии помогали мне и многим моим коллегами рецензиями, отзывами и просто добрыми советами. Низкий поклон им за это!

Но вернемся к книге о «категориях». Эта книга, в общем-то, выросла из потребностей учебного процесса. Вспоминая свою работу в вузе, я прихожу к выводу, что именно потребности учебного процесса всегда являлись для меня стимулом в научной работе - хотелось найти способ, как лучше разъяснить студентам то или иное философское положение, а для этого приходилось многое и многое очень тщательно изучать, осмысливать с методической точки зрения. А как читать лекцию, если не определять вводимые понятия? Как объяснить работы классиков, если понятия, ими используемые, сформулированы недостаточно четко или вообще не сформулированы?

И здесь я подхожу к другому важнейшему, как я считаю, делу своей философской жизни - работе над учебным пособием, посвященным изучению сложнейшей философской работы В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Работа эта очень сложна для восприятия, и я поставил себе цель сделать для студентов методическую разработку, которая могла бы облегчить им понимание содержания ленинского труда.

Я сделал такую разработку, отпечатал ее на машинке, показал коллегам - одобрили. Затем на собрании преподавателей философии городского университета марксизма-ленинизма ее обсудили и тоже одобрили, рекомендовали к применению в учебном процессе. Я продолжал работу, объем пособия, увеличивался, охватывая все содержание книги Ленина. Когда книга была завершена, я предложил ее издательству «Высшая школа», и в 1964 г. она вышла под названием «В помощь изучающим книгу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»» объемом 7,5 печатных листов и тиражом 39 тысяч экземпляров.

Моя работа оказалась востребованной - и студентами, и аспирантами, которые, как мне неоднократно рассказывали, сдавали по ней экзамен кандидатского минимума по философии. В 1970 году книга была переиздана тиражом 40 тыс. экз, в 1978 г. вышло третье издание - 100 тыс. экземпляров, в 1984 г. - четвертое издание - 150 тыс. экз. В 1966 г. книжка вышла в Молдавии на молдавском языке, в 1988 г. издательство «Прогресс» выпустило ее на испанском, английском, французском и португальском языках.

Я постоянно работал над улучшением книжки, внося в нее изменения, дополнения, совершенствуя определения, приводимые в ней. Во многом мне помогали в улучшении книги профессора Г.М. Штракс и Б.Г. Сафронов, которых я еще раз с благодарностью вспоминаю.

У студентов моя книжка - об этом я вспоминаю с гордостью и радостью - пользовалась большим успехом. В Ленинской библиотеке я взял с полки свою книжку в читальном зале - вся подчеркнута, исписана, истрепана. Сотрудница библиотеки сказала мне: «Вашу книжку все время спрашивают. Если бы читатели знали, что вы здесь, они бы объявили вам благодарность». Выходили в это время и другие книги, посвященные «Материализму и эмпириокритицизму», в том числе написанные маститыми столичными академиками, но моя оказалась наиболее популярной.

В этой книжке мне пришлось разработать и определить некоторые вещи, которые в учебных пособиях определяются недостаточно четко или не определяются вообще. Пришлось взять на себя смелость в постановке и решении ряда существенных для философии теоретических вопросов. Я дал список философских терминов, понимать которые необходимо, чтобы разобраться в содержании книги Ленина, разъяснил такие понятия как основной вопрос философии и две его стороны, объективный и субъективный идеализм, агностицизм, детерминизм, солипсизм, сенсуализм. Дал определение и разъяснил обычно пропускавшиеся в методических пособиях положения об относительности противоположности материи и сознания, об ощущении как субъективном образе объективного мира, дал достаточно четкое разъяснение различия между теорией отражения и теорией познания (теория познания - часть теории отражения), подробно разъяснил гносеологические корни идеализма (студенты обычно заучивали этот вопрос без достаточного понимания), дал много других определений философских понятий.

В каждом разделе после изложения теории я предложил вопросы для самопроверки. То, что моя работа выдержала столько изданий, свидетельство того, что она действительно была нужна и, хочется думать, помогла многим поколениям студентов освоить важные положения философии.

То, что оказалось возможным давать свои интерпретации ленинским положениям и, тем более, давать авторские определения целого ряда существенных философских понятий и категорий - несомненное следствие оттепели в общественном сознании. Философия вздохнула, распрямила плечи, но дыхание ее все равно не стало абсолютно свободным - все равно требовалось каждое новое издание связывать в задачи, поставленными очередным пленумом ЦК или съездом КПСС, без этого ничего выпустить было нельзя. Свободомыслие оттепели все равно оказалось ограниченным. Философия стала самостоятельной наукой, появились авторские интерпретации отдельных философских положений, авторские программы и учебники, но все равно сохранялась зависимость философии от текущей

политики, а преподаватели философии оставались «бойцами идеологического фронта». Развивать философию можно было только в рамках господствующей идеологии.

Но вот что было интересно - даже в рамках марксизма далеко не все, сформулированное Марксом, Энгельсом и Лениным, оказывалось возможным изучать. Многие положения классиков марксизма по тем или иным причинам конъюнктурного характера замалчивались, а то и прямо искажались.

Меня, например, очень интересовал вопрос о так называемом буржуазном праве, которое сохраняется при социализме. Об этом писал К.Маркс в «Критике Готской программы» и В.И.Ленин в «Государстве и революции». Они отмечали, что при социализме будут сохраняться «остатки буржуазного права». Коротко говоря, суть этих «остатков» в том, что при социализме сохраняется материальное неравенство граждан, поскольку распределение осуществляется по труду, а труд людей всегда неравен. Маркс и Ленин писали, что только при коммунизме преодолевается «узкий горизонт буржуазного права» - при переходе к распределению по потребностям. И вот это понятие – «буржуазное право» - исчезло из нашей литературы. В определениях коммунизма упоминание о необходимости преодоления буржуазного права в процессе строительства коммунизма упорно выбрасывалось. Почему?

Возможно, идеологическая элита считала, что признание реальности «буржуазного права» при социализме по логике вещей приведет к постановке вопроса о том, что его надо преодолевать, а это приведет к покушению на льготы и привилегии элиты. Преодоление остатков буржуазного права при социализме означало бы прежде всего сокращение разрыва в оплате и доступе к материальным благам у элиты и трудящихся, а блага и привилегии элиты все росли, и она вовсе не собиралась от них отказываться. Может быть, здесь были и какие-то другие соображения, но факт остается фактом - теоретическое положение об остатках буржуазного права при социализме упорно замалчивалось в нашей науке.

Я написал о буржуазном праве дважды. В 1957 г. я написал об этом в статье «К проблеме преемственности в социалистическом обществе», ко-торая вошла в нашу монографию «Некоторые вопросы закономерностей развития советского социалистического общества». Книга вышла в Ярославле тиражом 3000 экземпляров, часть тиража закупила у нас Москва. В 1962 г. в переработанном виде эта книга вышла уже в Москве, в «Политиздате» под названием «О диалектике развития советского социалистического общества», тираж уже стал 30 тыс. экз. Моя глава в этой книге называлась «Характер поступательного развития при социализме». В обеих работах я писал об «остатках буржуазного права» при социализме и указывал, что это понятие, введенное классиками марксизма, имеет важное значение для характеристики распределительных отношений при социализме, и что как Маркс, так и Ленин связывали с преодолением буржуазного права переход к высшей стадии социализма -

коммунизму.

Я всячески стремился ввести это понятие в научный обиход, привлечь к нему внимание обществоведов, сделать его предметом научного обсуждения. Но это имело неожиданные последствия, которые только случайно не затронули мою научную, а может быть и личную судьбу; эту идею подверг критике лично Н.С.Хрущев!

В докладе на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 года он сказал; «Некоторые научные работники в своих статьях и лекциях высказываются а том смысле, что распределение по труду означает применение буржуазного права в социалистическом обществе. Они ставят вопрос, не следует ли сейчас перейти от распределения по труду к равному распределению общественных продуктов между всеми работниками. Но с такими взглядами нельзя согласиться» (Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, М., 1959, с.89).

Конечно, время уже было послесталинское, но все-таки хорошо, что фамилию мою не назвал - неизвестно, чем это могло бы кончиться для меня. Один из моих ярославских коллег - философов обратил внимание на хрущевское замечание и спросил меня не без ехидства: "Абрам Осипович, это не о вашей статье Хрущев сказал?" Я ответил, что у меня там в другом смысле написано.

Никита Сергеевич Хрущев заслуживает величайшего уважения за свое мужественное выступление против культа личности Сталина, но в данном случае он явно неправ. Подвели его консультанты: в своем высказывании он фактически отождествил буржуазное право с принципом распределения по труду; в действительности, остатки буржуазного права содержатся в принципе распределения по труду, но не составляют его сущности и тем более не могут быть отождествлены со всем принципом в целом. Но разве тогда можно было возразить вождю?

Разработка проблемы буржуазного права застопорилась. При Брежневe я вновь пытался выйти с идеей о необходимости разработки понятия буржуазного права - хотелось «привлечь» идеи классиков марксизма к борьбе с еще более заметно плодящимися привилегиями и растущим материальным неравенством в нашем обществе. Мои статьи о буржуазном праве принимались, потом возвращались, я получал уклончивые ответы из научных журналов, а один раз мне написали, что этот вопрос ставить надо, но на высоком научном уровне (намек на то, что уровень доцента провинциального вуза для постановки этого вопроса недостаточен).

Как-то я сказал одному из работников журнала «Вопросы философии», что хочу предложить журналу статью о буржуазном праве, и получил категорический и даже возмущенный ответ: «Какое может быть буржуазное право, когда в стране развитой социализм?». Естественно, я статью журналу предлагать не стал. В журнале «Научный коммунизм» мою статью о буржуазном праве сначала приняли, два года продержали и все-таки вернули, печатать побоялись. Написал я о необходимости постановки вопроса о буржуазном праве А.Н.Яковлеву, тогдашнему идеологи-

ческому боссу КПСС (тем более что в Ярославской заочной ВПШ при ЦК КПСС он когда-то сдавал мне логику), но и это не помогло. И хотя положение о буржуазном праве принадлежало классикам, и даже двум классикам - Марксу и Ленину, оно было подвергнуто жесткому умолчанию. Классики - классиками, а политика - политикой: что невыгодно текущей политике, то не должно присутствовать в теории - такова была господствовавшая линия в отношении философии и общественных наук в целом. Наука была на службе политики, причем политики текущей, сиюминутной.

Лакировалась наша жизнь, лакировался марксизм в угоду политической конъюнктуре, лакировалась наука, из которой исключалось творческое начало и производились прямые купюры. Такое отношение к философии ничего, кроме вреда, принести ей не могло, и вело только к творческому застою, который после кратковременного глотка воздуха в послесталинский период вновь усилился в период 60-70-х г.г.

Вместе с тем, в такой области как учебная работа, появлялись возможности совершенствовать программы, методику преподавания философии. Мне хотелось, чтобы студенты владели философией, поэтому я много работал в области методики преподавания философии, вел философские кружки. В Ярославле мы добились права на эксперимент. Учебная программа по философии начиналась с истории философии, а лишь затем шли основные понятия. Мы добились права изменить порядок изложения в соответствии с логикой учебного процесса - тогда это было очень трудно, все должны были вести предмет одинаково. Стали проводить вне расписания собеседования со студентами (по 4-5 человек) по самым трудным темам, опубликовали в «Правде» статью о своем эксперименте – «Дойти до каждого студента» (3 июля 1967 г.).

Я много работал над активизацией работы студентов на занятии. Как-то у меня присутствовал на занятии аспирант, который подсчитал, что на этом занятии мои студенты ответили более чем на 70 вопросов. Многие годы я собирал и обобщал вопросы студентов по философии - собирал их записки и потом систематизировал, чтобы выявить наиболее трудно усваиваемые темы. В «Вестнике высшей школы» я написал об этой работе – «Лектор отвечает на вопросы».

Что-то получалось в моей работе лучше, что-то хуже. Например, эксперимент с регулярными собеседованиями по философии не вполне удался из-за недобросовестности некоторых преподавателей - они не проводили собеседования, хотя и регулярно записывали, что провели их. По старинке, конечно, легче - отчитал лекции, потом спросил на экзамене. А потом через неделю студент все забыл... А те студенты, кто регулярно, раз в две недели, проходил собеседования по курсу, говорили, что собеседования им очень помогли: «Хорошо, к экзамену и повторять ничего не надо. И помнишь потом все самое существенное».

Обобщение вопросов студентов, задаваемых на лекциях и семинарах (а за 12 лет работы в Воронежском лесотехническом институте я собрал и

проанализировал более 300 письменных вопросов студентов) помогло мне лучше построить лекционный курс философии, более эффективно проводить семинары - я хорошо изучил «уязвимые» места курса и слабые места в подготовке студентов.

В общем, я нисколько не жалею, что большую часть своих преподавательских сил потратил на студентов, на учебный процесс, на подготовку учебных пособий для студентов. У меня более ста опубликованных научных работ, можно было бы, наверное, написать докторскую диссертацию - идеи для этого были, да и подбивали меня на это мои друзья-философы, но вот - не получилось... Много занимался общественной работой, любит учебный процесс, работу со студентами. И любил, и продолжаю любить философию, прогулки в садах которой доставляли мне всегда, несмотря ни на что, большую радость и продолжают радовать сейчас.

Жаль, что сейчас, когда открылись такие возможности в развитии общественных наук, когда пали догмы и ограничения, я не могу позволить себе активные, как прежде, прогулки по философскому саду. Но искренне надеюсь, это сделают другие, следующее поколение философов, которому я искренне завидую...

АНАЛИЗИРУЯ НАШЕ ПРОШЛОЕ

Наверно, для любого человека, вспоминающего события своей жизни, характерно стремление не только восстановить сами события и их последовательность, но и проанализировать эти события, осмыслить их, понять, почему события развивались именно так, а не иначе. Меня особенно волнует анализ такой «страницы прошлого», как распад Советского Союза, распад социалистической системы. Ведь социализм действительно продемонстрировал впечатляющие успехи!

Великая Октябрьская социалистическая революция превратила отсталую Россию в передовую индустриальную страну. Победа советского народа в Великой Отечественной войне, прочное завоевание нашим народом права на труд, образование, бесплатное медицинское обслуживание - несомненные заслуги социализма в нашей стране. Сформировалась мировая социалистическая система европейско-азиатских стран. Человечество впервые послало людей в космос, и это сделало наше социалистическое государство. Советский Союз стал одной из двух супердержав мира... И вдруг - разваливается казавшийся несокрушимым, созданным на вечные времена Советский Союз, разваливается мировая социалистическая система. Вдруг... но вдруг ли? Что предшествовало развалу, какие причины привели к этому?

Попробуем дать на этот вопрос свой вариант ответа.

Сейчас общеизвестно, что развалу предшествовал длительный период застоя в развитии нашего общества, период устойчивого снижения темпов роста промышленности. Но сам застой тоже требует объяснения, ведь он

не мог взяться сам собой, и у него должны были быть свои причины. Есть люди, которые утверждают, что застой - это, якобы, неизбежный признак социализма. Однако это категорически не так - ведь социализм в нашей стране и в других странах продемонстрировал и несомненные успехи. Мне представляется, что застой - это результат вполне конкретных ошибок руководства общественным развитием.

Представляется, что эти ошибки связаны прежде всего с некоторыми неправильными шагами, имевшими место в самом начале развития социализма в нашем государстве. На наш взгляд, таких принципиальных ошибок две.

Первая - это то, что можно назвать монополией социалистической формы собственности, отказ от многоукладности экономики.

Вторая - монополия партии, отсутствие свободы слова, печати, запрет на разномыслие в обществе.

Негативные последствия этих двух монополий начали сказываться на жизни страны сразу после Октябрьской резолюции, но длительное время они как бы преодолевались положительными свойствами социализма как общественного устройства, перекрывались благами, которые получили ранее бедствовавшие трудящиеся, не замечались на фоне энтузиазма трудящихся, освобожденных от ига помещиков и фабрикантов, от поголовной нищеты и безграмотности. Но этого было явно недостаточно для стимулирования развития экономики, для придания стране устойчивого импульса долгосрочного поступательного развития.

Еще В.И. Ленин увидел первые признаки развития указанных негативных тенденций и принял кардинальные меры по изменению ситуации. Была разработана и введена в действие новая экономическая политика - НЭП, позволявшая наряду с социалистической параллельно развиваться и частной экономике. Известно, что эта политика в кратчайшие сроки дала самые плодотворные результаты, но сталинское партийное руководство быстро покончило с НЭПом. А ведь Ленин писал о НЭПе, что он «всерьез и надолго». Установление монополии социалистической собственности - одна из важнейших причин застоя, при котором социализм (это - горькая истина) начал отставать в освоении результатов научно-технической революции, не сумел победить в экономическом соревновании с капитализмом. Монополия никогда к добру не приводит!

Отрицательную роль в жизни нашей страны сыграла, несомненно, и монополия компартии. Возможно, что на первых порах, после Октябрьской революции, она и была какое-то время неизбежной в силу контрреволюционности других партий, но превращении монополии компартии в принцип общественно-политической жизни страны было явно во вред обществу. Заметим, кстати, что в программе РСДРП идея о запрете всех других партий вовсе не содержалась. Запрет этот сложился стихийно, в политической практике большевиков, в силу «исторической случайности». В результате большевистская партия оказалась вне

критики, она не прислушивалась к мнениям со стороны. Возникло убеждение в правоте всех принимаемых партией решений. На высокие и вообще любые руководящие должности стали выдвигаться только члены партии, члены партии стали получать разнообразные привилегии в обществе, что приводило к проникновению в партийные органы карьеристов и приспособленцев. Положение безраздельно господствующей партии приводило к тому, что вопросы решались зачастую не в интересах дела, а в интересах чиновников.

Ленин всеми силами боролся против чиновников и бюрократов. Он отчетливо видел опасность, идущую со стороны Сталина, который; «сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть». Ленин терпел Сталина в роли генсека каких-нибудь восемь месяцев: в апреле 1922 года Сталин был назначен генсеком, а в январе 1923 г. Ленин предложил снять его с должности. Однако партийная бюрократия победила, сделав выбор, противоположный ленинскому совету: Сталина оставили генсеком.

Обстановка, подобная той, которая была в нашей стране, повторялась с различными вариациями практически во всех социалистических странах. А жизнь показала, что любая монополия в политике или экономике приводит к торможению экономической жизни, застою в обществе, к остановке духовного развития, к общественной стагнации.

Сейчас довольно часто можно услышать мнение, что застой и развал социалистической системы - свидетельство кризиса марксизма-ленинизма. В действительности это не так. В действительности развал социализма - результат догматического, нетворческого отношения к марксизму-ленинизму, а зачастую - следствие прямого невыполнения указаний Ленина или даже действия вопреки этим указаниям. Хочу подчеркнуть, что идея о необходимости «коренным образом пересмотреть точку зрения на социализм», выдвинутая Лениным в одной из его последних работ – «О кооперации», так и не была реализована партией большевиков на всем протяжении ее развития.

Что можно ожидать сейчас? Чего хотелось бы пожелать нашему обществу?

Правильным и полезным для народа, для нашей страны было бы общество конвергенции, идею которого в период застоя так клеймили и ругали. Это было бы общество разумной многоукладности в экономике, где частная собственность дает стимул к инициативному труду, а социалистическая собственность реализует свои преимущества: плановый характер и благородный духовный стимул к труду - общее благо. Разумеется, в таком обществе гарантирован плюрализм мнений и идеологий, существуют на демократических основах различные политические партии и движения. Разнообразие мнений и их соревновательность - условие достижения истины в любом обществе.

Сейчас некоторые теоретики, на словах признавая необходимость многоукладности экономики в обществе, вместе с тем резко выступают

против идеи конвергенции, суть которой - как раз в многоукладности, плюрализме. Это - явное противоречие в мышлении данных теоретиков. Не надо бояться слова «конвергенция» - за конвергенцией цивилизованное будущее общественного развития.

Конечно, можно предположить, что в разных странах дела будут идти по-разному. Думаю, однако, что основное направление развития общества в будущем будет определяться поиском оптимального соотношения элементов социализма и рыночной экономики. Эти соотношение, естественно, будет зависеть от социально-экономических, политических, национально-психологических факторов, общественных традиций, отражающих конкретные условия той или иной страны.

Преодолев допущенные ошибки, народ нашей великой страны, несомненно, достигнет больших успехов в строительстве достойной и свободной жизни, которую он заслужил и выстрадал всей своей великотрудной историей.

... Мне 87 лет. Я с умилением смотрю на малышей, которых мамы катят в колясках мимо нашего дома. Пусть наступающий XXI век будет счастливым для них, пусть он будет менее тяжелым и более гармоничным, чем уходящий XX век.

Искренне верю, что так оно и будет.

Диалектика прошлого

1999 г.

Светлой памяти жены моей
Любови Михайловны Стерниной
посвящаю эту книгу воспоминаний
Автор
Июль 1999 г.

От автора

Я написал свою первую книжку воспоминаний в 1997 г. – «Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний», ее прочитали многие мои знакомые и друзья. Эта книжечка вызвала довольно много откликов, которые доставили мне как автору большую радость.

Много было устных откликов, телефонных звонков от знакомых. Некоторые из прочитавших книжку написали мне письма со своими впечатлениями о ней, опубликованы две рецензии - в «Воронежском курьере» и «Коммуне». Мне очень приятно, что люди откликнулись на мои воспоминания, и все эти отклики мне исключительно дороги. В них много интересного, теплого. Мне хочется привести некоторые из них.

**Из откликов на воспоминания А.О.Стернина
“Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний”
(Воронеж, 1997)**

“Дорогой Абрам Осипович! С большим интересом я читала книгу Ваших воспоминаний. И как же могло быть иначе? Хорошо знакомый, глубоко уважаемый человек с огромным жизненным опытом в тех сферах жизни, которых касается и моя работа.

Я думаю, что всякие воспоминания нужны и полезны в самых разных ракурсах, а тем более воспоминания человека, который долго шел по ступенькам истории в такие бурные годы потрясений и перемен. Лично для меня очень интересны воспоминания о пионерской организации, это и новая информация, и интересный материал. Для историков пионерского движения эта часть может иметь огромную ценность. Еще лично для меня очень интересны воспоминания об учебе в воронежском пединституте.... И так, я думаю, каждый читатель найдет в Вашей книге что-то свое. Спасибо и за общий настрой Вашей книги. Не все в прошлом было плохо, хотя тревожность тех лет передана очень хорошо. Оставляете Вы и надежду на будущее. Хочется в это верить. Спасибо!”

З.Д.Попова, профессор ВГУ,
заслуженный деятель науки РФ

“Глубокоуважаемые Абрам Осипович и Любовь Михайловна! Прежде всего выражаем Вам и Вашим детям - сыну и дочери - сердечную благодарность за книгу “Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний”. С большим вниманием прочли ее и многое из того времени, которое описывается в книге, встает перед глазами. Да, время тогда было не из легких. И все же мы жили и трудились, не считаясь с различными трудностями на нашем пути. Да еще как трудились, что вся философская общественность знала об этом, о результатах этого труда. Конечно, в то время только смелые и знающие дело могли браться за разработку ряда неисследованных проблем в философской науке. К ним, безусловно, принадлежали Вы, Абрам Осипович, и Григорий Маркович Штракс. Я всегда гордился и горжусь дружбой с Вами, тем взаимопониманием, которое складывалось между нами. Мы с первого слова понимали друг друга. И это безусловно сказывалось на итогах Вашей учебно-методической и научно-исследовательской работы”.

Н.В.Пилипенко, доктор философских наук,
бывший зав.кафедрой философии Ярославского
ГПИ, бывший зав.сектором философии отдела
науки ЦК КПСС

“Иосиф Абрамович! С большим интересом прочитала книгу Вашего

отца. Такие воспоминания очень нужны. Мы не вправе забывать прошлое, которому отдали жизни целые поколения. Жизнь Вашего отца была прожита честно, и это чувствуется в воспоминаниях. Такие книги - свидетельство тому, что честно прожитые годы не были напрасными. Передайте мой привет и искреннюю признательность Абраму Осиповичу”.

П.А.Бороздина, доцент ВГУ

“Уважаемый Абрам Осипович! У меня не хватает слов благодарности за Ваш подарок. Мы очень тронуты Вашим вниманием к нам. Для нас это очень ценная книга. Тем более что Ваше отношение к папе, добрые слова о нем очень дороги нам. Книга легко читается, ведь все, что вы излагаете, мы пережили, начиная с 30-х гг. и позднее. Читая книгу, живо представляешь события и героев, о которых Вы пишете....В нашей семье память о папе жива, он с нами каждодневно. 8 марта мы собирались всей большой семьей -20 человек - в память о наших родителях. Маме было бы 90 лет, она умерла в ссылке в 38 лет. Мы хотим, чтобы наши дети и внуки помнили и чтити наших родителей, ведь они их не видели. Абрам Осипович, разрешите еще раз поблагодарить Вас за внимание и доброту от всей нашей семьи”.

Инеcса Каменева (Высоцкая), дочь
А. Высоцкого, о котором вспоминает
А.О.Стернин в первой части своих
воспоминаний

“Вы написали искреннюю и оптимистичную книгу, проникнутую житейской мудростью и благодарными чувствами к людям, которые оказались на Вашем жизненном пути. Личность автора при чтении проявляется очень ярко.... Мне особенно близки Ваши размышления о значимости методического обеспечения учебного процесса, забота о том, как преподавать, не поступаясь научной основательностью. Поразительно, как много Вам удалось сделать”.

В.С. Листенгартен, доцент,
начальник учебного отдела ВГУ

Книжная полка

Вспоминает ветеран

С интересом прочитал книжку ветерана журналистики и народного просвещения А.О.Стернина «Диалектика прошлого, Страницы воспо-

минаний» (Воронеж, 1997). Автору - 87 лет, В этом возрасте не кривят душой, говорят так, как думают. Годы советской власти показаны в книжке совсем не теми красками, что льют на нас телеведущие нынешнего режима.

Россия только что пережила первую мировую и гражданскую войны, а зимой 1922-23 годов классы в школе города Витебска были теплы, появились на партах тетради, ученикам выданы бесплатно пальтишки. Власть стремится сделать страну образованной, В 1924 году витебского мальчишку взял в Москву старший брат. Пионерский отряд при типографии Мосполиграфа, где вожатыми были комсомольцы-рабочие. Школа с «бурной общественной жизнью». Наряду с учебными предметами ребятам давали рабочие специальности. Летом 1925 года двое шестнадцатилетних москвичей едут в Симбирскую губернию, помогают налаживать просветительскую работу деревенской молодежи... Публикации в разных изданиях приводят рабочего парня в журналистику. С 1929 года он - сотрудник «Учительской газеты», после военной службы – «Красного воина», а в 1934 году газета «Пищевая индустрия» направила его собкором вначале в Винницкую, потом в Воронежскую область. В Воронеже корреспондент столичной газеты ходит на подготовительные курсы при пединституте, сдает экзамены за среднюю школу и становится студентом, продолжая работу собкора с частыми командировками. Сколько теплых слов сказано в «Диалектике прошлого» о преподавателях института и товарищах по учебе!

Потом работа учителем, война (в армию не взяли из-за потери зрения правого глаза), эвакуация в поселок под Уфой. После войны - аспирантура в Москве, защита диссертации, работа в Ярославском педагогическом институте и Воронежском лесотехническом.

Биография для советского ученого обычная. Успех в те годы достигался трудом и способностями, а не деньгами и наглостью. Более сотни научных работ, из которых главная (пособие для студентов по философии) четырежды выпускалась большими тиражами в издательстве «Высшая школа», была переведена на английский, французский, испанский и португальский языки. Имя воронежского доцента знали во всех вузах СССР.

С горечью вспоминает А.О. Стернин о репрессиях, жертвой которых стал в 1938 году его старший брат. Интересны зарисовки о встречах молодежи и рабселькоров с видными государственными деятелями 20-30-ых годов, с известными литераторами. Свои политические взгляды автор кратко излагает в заключительной части шестидесятистраничной книжки. Он с гордостью пишет о великих завоеваниях советского народа после 1917 года. Отмечает, что первое в мире социалистическое государство «стало одной из двух супердержав мира». Крушение Советского Союза и развал мировой социалистической системы ученый-философ объясняет причинами, которые порождены двумя главными ошибками большевиков: отказом после смерти В.И. Ленина от многоукладной экономики и

монополией партии в идеологии, запретом разномыслия в обществе.

Можно соглашаться с автором, можно спорить, но он и тут говорит то, что думает, о чем переживает в нынешние тяжкие для России годы. Опираясь на свой долгий жизненный опыт и на свои научные знания, он верит, что «наступающий XXI век будет менее тяжелым и более гармоничным, чем уходящий XX век».

Юрий Шварев.
«Коммуна», 31.10.97

Право на воспоминания

*А.О. Стернин. Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний.
Воронеж, 1997 г.*

Мне вдвойне приятно представлять небольшую книгу Абрама Осиповича Стернина нашему читателю. Во-первых, доцент Стернин работал в пятидесятые годы в моем родном Ярославле. Во-вторых, по книге «Категории материалистической диалектики», одним из авторов которой был Абрам Осипович, я учился в студенческие годы. И, вероятно, не только я. Вышедший в 1954 году этот учебник произвел фурор.

Об этом «звездном» эпизоде своей биографии (как и о многих других) вспоминает автор, которому сегодня без малого девяносто и который, несмотря на годы, сохранил в своей памяти любопытные факты минувших лет.

Естественно, кто-то занудливо воскликнет, читая воспоминания Абрама Осиповича: «Кто он такой, чтобы навязывать нам свою точку зрения на давно ушедшее?» Но не случайно предпослан книге эпитафия из знаменитых евтушенковских строк «Людей неинтересных нет»...

Жизнь частного человека всегда интересна - в ней и судьба личности, и настроение эпохи. А.О.Стернину есть что вспомнить - послереволюционный Витебск, где прошли юношеские годы, журналистская работа в Москве, учеба в воронежском довоенном пединституте, учительская работа, встречи с Бухариным, Косаревым, Якиром, Зиновьевым, Маяковским, Пастернаком, Эренбургом.

И еще одно любопытно в воспоминаниях А.О.Стернина. Много повидавший и много переживший человек, он не спешит отречься от идеалов своей молодости, от того, чему отдал десятилетия своей жизни. Не отрекаясь, автор, тем не менее, с высот сегодняшнего дня критически оценивает, многое из того, что было.

Д.Митькин.
"Воронежский курьер", 15.5.97

Автографы поэта

Журналистка «ВК» Татьяна Быба довольно подробно и интересно

рассказала в своем материале «Поэт в России еще поэт?» о пребывании в нашем городе Евгения Евтушенко, о его выступлении в Центре культуры и бизнеса «АПЕКС».

Мне бы хотелось только добавить, что после поэтической программы, которая длилась более двух часов, поэт еще почти два часа не расставался со своими поклонниками. В просторном фойе, за столиком, он подписывал желающим книги, вел разговор по душам. О чем? О самом разном. О судьбах страны, о подлинном патриотизме и ложном, о диктатуре денег, сменившей диктатуру цензуры, о нравственной сути большой поэзии...

Евгений Александрович устал. И все-таки не было похоже, что давая автографы, он просто отбывает положенную повинность. Каждый раз он старался побольше узнать о своем визави, каждый раз подпись меняла и свою интонацию, и свое содержание. Но неизменным оставалось уважение к собеседнику, готовность говорить с ним о самом наболевшем.

Евтушенко, не обладающий разборчивым почерком, проговаривал вслух написанное, и в этом тоже была некая предупредительность по отношению к своим читателям,

Абраму Осиповичу Стернину далеко за восемьдесят. На своем веку он повидал и Маяковского, и Пастернака, и Мандельштама, и Эренбурга... С последним даже состоял в переписке. Но эпитафия для своих воспоминаний "Диалектика прошлого" взял из Евтушенко:

Людей неинтересных в мире нет.

Их судьбы - как истории планет.

У каждой все особое, свое,

И нет планет, похожих на нее.

«Дорогому Абраму Осиповичу с чувством уважения» - гласит автограф поэта, проставленный 22 мая здесь же в «АПЕКСе».

Много было добрых памятных автографов в этот майский вечер

Аркадий Пресман,
поэт.

Те, кто прочитал мои воспоминания, делали мне и некоторые замечания, высказывали свои пожелания. И почти все замечания и пожелания были связаны с темой моей семьи - все отмечали, что в моих воспоминаниях я мало внимания уделил своей семье, родителям, жене и детям. Замечание справедливое - я действительно мало места посвятил в своих воспоминаниях своей семье. И вовсе не потому, что она занимает в моей жизни маловажное место. Как раз наоборот!

Да, я всегда очень любил свою профессию, был в гуще общественных дел, активно занимался общественной работой, не жалея на нее ни времени, ни сил. Но моя семья всегда занимала в моей жизни центральное место. Я всегда очень старался, чтобы моя семья была материально обеспечена, чтобы была у нас своя квартира (я ужасно переживал за квартиру, добивался ее - ведь в Ярославле мы 10 лет жили в общежитии,

потом еще почти 10 лет - в коммунальной квартире).

Я очень любил наш семейный круг, любил гулять с детьми и женой, проводить вместе время, сидеть за нашим семейным столом... Когда я был дома, у меня всегда было хорошее настроение, мне было так хорошо с женой, детьми... У меня даже была шутливая семейная кличка - МИОБ. Я ее придумал сам - это от Мещанин И Обыватель (МИОБ), и у нас в семье она прижилась. Когда мне было особенно хорошо и радостно в кругу семьи, Люба или дети часто говорили: «Папа, ты у нас настоящий МИОБ!»

В первой части своих воспоминаний я больше сосредоточился на общественных событиях. В этой части своих воспоминаний я постараюсь рассказать о семье. Продолжение моих воспоминаний - это записки МИОБа.

И, конечно, самое большое место в этих записках будет отведено моей хозяйке Любе - жене, другу и матери наших детей.

И начну я с того, как мы с ней познакомились.

Семья устраивается

Как мы познакомились с Любой

Как вы познакомились? Этот вопрос часто задают супружеской паре, особенно прожившей немало лет. У нас это было так.

Январь 1946 г. Я жил в Подмоскowie, в Малаховке, в семье сестры. Мне уже было немало лет - 37. Каждое утро я выезжал поездом в Люберцы под Москвой, где работал в старших классах мужской средней школы (тогда школы еще были мужские и женские). Мой поезд был примерно в 8 часов 20 минут утра, это была электричка, ходившая регулярно, каждый день, и развозившая тысячи подмосковных жителей на работу.

В это раз мне захотелось почему-то поехать раньше. Было какое-то внутреннее недовольство, оно толкало меня из дома. Жилось мне у сестры Бейли Осиповны хорошо. Семья была очень большая, все заботились обо всех. Своей жизнью жила дочка Бейли Осиповны Геня, ее муж Митя и их дети Сима и Миша. Своей жизнью жила семья ее дочери Ани, ее муж Мотя и их дети Алла и Саша. Здесь жила также незамужняя дочка Бейли Осиповны инженер-химик Зиночка. Здесь жила другая моя сестра Рива Осиповна и ее две дочери - учительница Рая и красавица школьница Леля. За столом сестры сидело иногда до пятнадцати человек. И в этой многочисленной семье все заботились обо мне. Для меня все было готово, накормили меня завтраком и сунули даже в портфель завтрак на дорогу. Все меня любили, ласкали меня, но я вдруг почувствовал отсутствие персонального шефа. Мне давно об этом говорили сестры - пора жениться, посмотри, как бегают жены вокруг своих мужей. И в этот день я как-то почувствовал недостаток персонально ко мне направленной любви и заботы. Я всю жизнь был атеистом, и сейчас не могу признать наличие предчувствия, но случилось именно так, что что-то мне подсказало в этот

день поехать в Люберцы более ранним поездом.

Я сел в Малаховке в электричку на 10 минут раньше, чем делал это обычно. На следующей станции в Красково открывается дверь поезда и входит девушка, которая сразу же привлекла мое внимание. И у меня начался с ней разговор, который длился с января 1946 г. до июля 1998 года.

Я спросил у этой девушки, на какой станции она вошла - хотя прекрасно знал, что она села в Красково. Девушка охотно ответила мне. Мы доехали вместе до Люберец - оказалось, девушка работает на Люберецком заводе сельхозмашиностроения, недалеко от школы, где я работал. Мы вместе вышли. Недалеко от станции со мной почтительно поздоровался ученик нашей школы - спасибо ему, он подтвердил, что я учитель.

Девушка, видно, не прочь была продолжить знакомство и сообщила свой «транспортный адрес» - она сообщила, что на работу ездит поездом 8.12 в третьем вагоне от конца, передняя площадка. Этот адрес стал местом наших свиданий. Счастливая площадка!

Почти каждый день мы ехали вместе до Люберец, а там расходились по местам своей работы. Вместе возвращаться нам не приходилось - я после работы в школе ехал в Москву в Ленинскую библиотеку, готовил материал для своей будущей диссертации. После коротких встреч наступило время для встреч более продолжительных. И вот 11 марта я пригласил ее на концерт в Колонный зал дома Союзов. 31 марта я был приглашен домой в Красково на свидание с мамой Любы. (Это было днем, ее отец был на работе).

1 мая я был с моей новой знакомой Любой, Любушкой в гостях у моего друга журналиста Владимира Никифоровича Канавина. Он пригласил нас к своей будущей жене. А 14 июня я спросил свою Любу - согласна ли она взять себе мою фамилию, сменить фамилию Кухаркина на Стернина. Получил полное согласие. И тут же наметили дату свадьбы - 6 июля 1946 года.

Решающий нашу судьбу разговор произошел после 12 часов ночи. Я вышел на улицу. Было светло-светло, ходьбы от Красково, где жила Люба, до Малаховки, где жил я, было примерно полчаса. И я шел, приподнятый, возвышенный. Дома, оказывается, мы с Любой поступили одинаково, хотя и не уговаривались. Рано утром я разбудил свою старшую сестру и сообщил ей о своем решении. А Люба рассказала все своей маме, ставшей потом мне другом на всю жизнь - Антонине Семеновне Кухаркиной, моей теще.

Так начиналась у нас семейная жизнь. А дальше - 52 года дружной жизни...

Наша свадьба

Итак, 6 июля - день нашей свадьбы. Величайший переворот в жизни молодых людей. Но до этого - еще одна церемония, которая состоялась по

моему предложению. Это было сватовство, или сговор.

Состоялся сговор где-то в конце июня. Родители Любы собрали несколько ближайших родственников, и я в присутствии этих людей обратился с просьбой к Михаилу Анисимовичу - отцу Любы разрешить мне брак с его дочерью. Отец выразил согласие, и предложил окончательно решить вопрос добрейшей матери Любы, замечательной Антонине Семеновне. Антонина Семеновна сказала слова, которые навсегда мне запомнились: «Нам приятно, что такой человек сватается к нашей дочери». Не знаю, какого такого человека увидела моя будущая теща, но согласие на брак было получено.

И вот наступил день 6 июля.

Мы вдвоем с Любой с утра, часов в 10, пошли пешком в поселковый совет поселка Малаховка. Пошли вдвоем, поскольку никаких свидетелей для заключения брака тогда не требовалось.

Провожая нас в ЗАГС, Антонина Семеновна сказала мне: «За Любин характер я ручаюсь». Я часто вспоминаю эти слова, потому что они оказались чистой правдой - характер у моей жены оказался просто замечательный.

Через полчаса спокойной ходьбы (мы шли, как будто просто гуляли) мы подошли к поселковому совету. Зашли внутрь, сказали: «Мы хотим зарегистрироваться». А нам говорят, что работника, регистрирующего бракосочетания, сейчас нет. Регистратор новорожденных - на месте, регистратор умерших - на месте, а вот нашего регистратора нет. Нас, правда, утешили, что она скоро будет, надо навеститься через часик.

Мы особо не огорчились. Пошли к моей сестре Бейле, которая жила недалеко от поссовета. Через часик послали на разведку в поссовет мою племянницу, школьницу Лелю, которая и принесла весть, что регистратор явилась.

Итак, брак можно регистрировать. Мы опять пришли в поссовет, нас встретили с улыбкой, зарегистрировали, выдали свидетельство о браке. Свидетельство, правда, было довольно невзрачное - на темной бумаге, напечатано черным шрифтом. За регистрацию взималась смешная по тому времени сумма - 15 рублей (моя аспирантская стипендия тогда была 700 рублей). Правда, за выдачу квитанции взяли еще один рубль. Куда красивей и торжественней выглядят современные свидетельства о браке!

Нас мило поздравили и отпустили.

Целоваться в месте регистрации, рядом с процедурами регистрации новорожденных и смертей, мы не стали. Но, выйдя в коридор, поцеловались. Кольцами обмениваться было тогда не принято. Правда, кольцо у нас было, но только одно - для невесты. В коридоре, после того, как мы поцеловались, я надел Любе кольцо. И мы вышли на улицу.

Погода была прекрасная, под стать нашему настроению. Мы превратились в семью. Решили немного побродить по поселку. Возле одного из домиков услышали веселые переливы баяна, подошли, постояли, послушали и неожиданно решили пригласить баяниста к нам на

свадьбу. Он охотно согласился - мы пообещали ему 50 рублей. На свадебном вечере баян неплохо дополнял имевшийся у нас патефон, главный музыкальный инструмент вечеринок того времени.

Пешком вернулись в Красково, к родителям Любы. Свадьба была у них.

И вот грянула свадьба. Началась она поздно - часов в девять вечера. Гости долго собирались, многие ехали из Москвы, да и мы долго готовились.

Свадьбу открыл Михаил Анисимович. Обычно молчаливый, малоразговорчивый, он в это день говорил очень красноречиво. «Будьте счастливы, дети!» - сказал он, - «родите нам внуков!»

Конечно, начались многочисленные поздравления и пожелания, крики «горько». Мы с Любой не стеснялись. Поздравила нас Татьяна Бейрах, жена моего брата, теплые слова сказала Мария Семеновна, Любина крестная, моя сестра Рива, многие другие гости.

Я неожиданно для всех исполнил за столом песню, которая, по-моему, хорошо отражала мое тогдашнее состояние. Это была песня из популярной тогда оперетты - кажется, под названием «На берегу Амура».

Вот ее текст, который помню и сейчас:

Если парень холостой,
он как будто бы пустой.
Не заштопаны носки,
не подстрижены виски.
Ходит парень сам не свой,
бедняга холостой.
Но все проходит,
подругу вдруг находит,
и в сердце радость входит
вместе с тобой.
Кипит работа,
и силам нету счета,
и вечно жить охота
рядом с тобой.

Песня, несмотря на несовершенные вокальные данные исполнителя, была встречена аплодисментами. Я сохранил ее как своеобразный сувенир со свадьбы и часто исполнял ее Любе в дни наших праздников, а их было немало.

Стол на нашей свадьбе был для того времени достаточно богатый, все готовили и покупали Кухаркины. Мы веселились от души и не думали о том, во сколько обошлась наша свадьба - таков был наш молодой эгоизм, и только потом узнали, что семья Кухаркиных испытывала затруднения, когда расплачивалась с долгами после свадьбы.

Ведь продукты на свадьбу приобретались в так называемых коммерческих магазинах, где цены были значительно выше, чем в государственных, но в государственных все тогда еще отпускалось по карточкам... Молодость эгоистична.

Семья Кухаркиных очень помогла становлению нашей молодой семьи - ведь у нас ничего своего не было. Они выделили нам комнату, а сами остались впятером в другой - Михаил Анисимович, Антонина Семеновна, Нина (сестра Любы), сестра Антонины Семеновны Мария Семеновна со своим сыном Борисом.

Часов в пять утра гости начали расходиться. Было и радостно, и немного почему-то грустно. Глава семейства сестры Ефим Израилевич, прощаясь с нами, отпустил мудрую еврейскую хохму: «Вы попались друг другу! Ты, Абраша, попался Любе. А Люба попала тебе!» Мы с Любой с улыбкой восприняли это пророчество, мы рады были тому, что попались друг другу.

Гости ушли, Ефим на прощанье сказал с удивлением: «Абраша, ты остаешься здесь?» Много лет я жил в их семье, и вот впервые не иду к ним ночевать.

Родители Любы пообещали выделить нашей семье два стула, которые Люба сразу же после ухода гостей решительно забрала в нашу комнату.

Малаховские гости перешли через железнодорожные пути и пошли к себе в поселок. Было уже светло, и я запомнил большую группу близких мне людей, уходивших со свадьбы - семья моей старшей сестры Бейли, сестра Рива с детьми, мои племянницы Аня и Геня со своими мужьями. А я оставался в своей новой семье. Наступала новая жизнь...

Устроили мы на следующий день еще «детскую свадьбу» - пришли Сима и Миша, дети Гени - поздравили нас, принесли свои детские подарки, получили подарки от нас - конфеты.

А через неделю приехал поздравить нас из Москвы мой товарищ по аспирантуре Павел Копнин - потом он стал академиком и директором Института философии АН СССР. Угощали его водкой, купленной на рынке. Мы ее немного развели, чтобы было больше, но мы не учли, что на рынке ее тоже развели. И все удивлялись, что Павел пьет рюмку за рюмкой и совсем не пьянеет. А через месяц он приехал к нам опять, на этот раз со своей женой. Очень хорошо провели время; на этот раз учли предыдущий казус с водкой и обеспечили нормальный градус напитка.

Многие мои друзья-логики женились в это же самое время, и что интересно - у всех, как и у нас с Любой, вскоре родились мальчики: у Павла Копнина (теперь его сын доктор медицинских наук), у доцента В.М.Богуславского, у профессора П.В.Таванца.

Нам все тогда казалось замечательным, мы верили в лучшее будущее, и через три недели после свадьбы, 1 августа 1946 года, я начал подготовку своей диссертации по логике.

Дети

Как дети болели

Это было в 1950 г. Нынешнему профессору было два годика. Мы с

Любушкой оставили его на попечение бабушки в Малаховке, а сами поехали в дом отдыха учителей под Ярославлем.

В доме отдыха нам очень понравилось. Люба всего второй раз в жизни была в доме отдыха. Прошло три дня, и мы получаем телеграмму из Малаховки: «Иося заболел, срочно приезжайте».

В доме отдыха у нас уже было много знакомых. Нас все называли голубками - семейных пар в доме отдыха было мало, мы были заметны среди других. Все наши друзья были взбудоражены телеграммой и говорили нам: «Ребенок заболел. Пусть мать едет, а муж может остаться. Всего двенадцать дней отдыха!» Но мы поехали вместе, сначала в Ярославль, а оттуда в Москву и Малаховку.

Приехали вечером. Тревога была очень большая - дизентерия. Кто-то купил на рынке клубники и дал ребенку. Мальчик оказался в районной больнице в Красково, под Москвой.

Наутро собрался в больнице целый консилиум. Это были заведующий детским отделением, мы с Любой, бабушка, моя сестра Бейля Осиповна. Были там и еще две наших родственницы, которые приехали из Ленинграда.

Так вот, собрался наш консилиум около маленького мальчика. И мы начали думать, как забрать Иосика из больничной тюрьмы. И договорились, что назавтра заберем его домой и будем лечить дома, а заведованием пригласим домой для лечения.

Мы были готовы забрать мальчика немедленно, но вечером нам его не отдали. Все взрослые очень волновались и даже поругались друг с другом - кто мог дать ребенку клубнику?

А на следующее утро мы его забрали домой, пришел доктор и началось домашнее лечение. Иосик перенес перебазирование спокойно, не шумел, не кричал. Рядом с нами он стал быстро поправляться и все закончилось благополучно.

Помню также, как Иосик заболел дифтеритом. Было ему лет пять. Мы жили на даче, которую снимали под Ярославлем в селе Красные Ткачи. Старались как можно больше быть с детьми на свежем воздухе.

Вдруг увидели, что у Иосика поднялась температура. Мы забеспокоились и решили ехать в город. Иосик быстро слабел, и я посадил его себе на шею и понес к автобусу. Когда мы ехали, чтобы отвлечь его, я предложил считать машины, которые проезжают навстречу, и он покорно считал их, пока мы не приехали в город.

Сразу показали сына Арону Федоровичу Опочинскому, замечательному детскому врачу. Он посмотрел мальчика в 12 дня и сказал: - Сейчас пока ничего сказать нельзя, надо подождать до вечера. Температура держалась, вечером он пришел опять и очень встревожился. Я помню, как я просто позеленел, когда услышал от него фразу: - Надо спасать ребенка!

Арон Федорович сам вызвал машину, и Иосика повезли в больницу. Я поехал с ним, надо было все пробивать в больнице - было воскресенье. На следующий день диагноз подтвердился - дифтерит. Помогло Иосику то,

что ему делали прививку от дифтерита, но она не гарантировала, что он не заболеет, а давала гарантию только от тяжелой формы заболевания.

Спасибо доктору Опочинскому - он спас нашего сына. Это был очень известный в городе врач. Рассказывают, что однажды ночью его остановили криком «Стой!» трое бандитов и осветили ему лицо фонарем. И тот же голос, который крикнул «Стой!», сказал: «Ребята, это дитячий доктор. Он моего брата лечил!» Они отпустили его, а главарь сказал: «Если кто остановит, скажи - Сергей уже смотрел!»

Лечили Иосика сывороткой, и у него развилась сывороточная болезнь. Мы очень хотели забрать его домой. Приехали с Любой, забрали, а высокая температура держится: сывороточная болезнь. Мы пригласили сразу двух лучших врачей - Опочинского и Полетаева, и они нам помогли. А потом я спросил: - А был ли действительно дифтерит у сына? Оба доктора только заулыбались в ответ.

Это были самые опасные приключения с нашим маленьким сыном - дизентерия и дифтерит.

Третий раз сын доставил нам очевидные волнения, когда вернулся из армии - в первую же ночь дома он позвал нас с мамой и попросил вызвать скорую помощь. Приехала скорая помощь, врач по имени Магда поставила диагноз: аппендицит.

Мы часто вспоминали слова сельского врача из поселка «Красные Ткачи» под Ярославлем, которая сказала, увидев нашего сына: «Вам повезло, что вы живете в городе - в деревне такой ребенок не выжил бы».

Все эти болезни мы победили, победили и мою болезнь в онкологической больнице, и тяжелую операцию мамы.

Маринка тоже доставила нам волнение - мы простудили ее в лесу, на даче. Была очень высокая температура. Привезли в город, шофер такси на вокзале не хотел ее везти - видно было, что ребенок болен, опасался чего-то. Но все-таки повез.

Пришла врач Тынянова (из знаменитой фамилии), видит, что родители с ума сходят, успокоила нас – «Будем надеяться!».

Мариночка бредила от высокой температуры. Я всю ночь около нее стоял, а она, как закроет глаза, почему-то твердит – «Ой, падаю! Падаю!» Я ей говорю: - Ты лежишь твердо, падать не будешь! - Она говорит: - Хорошо... Закроет глаза и опять: - «Падаю, падаю!» В это время ходил полиомиелит, поэтому мы особенно боялись. Оказалось - была очень сильная простуда.

Мы ужасно переживали, когда дети болели. А наш сосед по дому и коллега по работе в пединституте Захар Александрович Скопец как-то мне сказал: - «Дети без болезней не растут!»

Кстати, по его мудрому совету мы отправили детей в английскую школу. Он увидел у нас пианино и сказал: - «Сейчас не музыке, сейчас языкам детей надо учить!». Мы его послушали и не пожалели.

Как мы учили своих детей

Выучить детей - задача всех родителей. Мы, конечно, очень беспокоились за образование наших детей, хотели, чтобы они учились как можно лучше, получили хорошее образование. Много думали об их образовании - как учить, чему учить, где учить.

В детсад наши дети не ходили. Получилось это так: Иосик был болезненным, поэтому маме пришлось в Ярославле не работать, мы считали, что так будет лучше. Когда появилась Марина, то о детсадике тоже речи не было - сын уже вырос без детсада, рядом детсада не было. Мы считали, что чем водить, забирать, лечить детские детсадовские болезни, лучше маме посидеть дома с детьми.

Детей мы до школы учили читать. Иосик и Марина выучили буквы быстро, но оба сначала читать не хотели совсем. Марина с трудом и нажимом одолела первую книжку про маляров и с облегчением сказала: «Хорошо, теперь я месяц отдохну, а потом буду читать следующую». Нас это беспокоило, но кто-то из знакомых нам как-то сказал: «Не волнуйтесь, дети не хотят читать потому, что им это трудно, станут читать быстрее - сами захотят читать». И действительно, так и получилось.

Подошло время отдавать Иосика в школу. Решили отдать в школу № 43 - она была от нас сравнительно недалеко, к тому же это школа была базовой школой нашего института, студенты там проходили практику, а кафедра педагогики следила за учебным процессом.

Очень волновались за первую учительницу - хотелось, чтобы Иосику попался лучший учитель. Советовались, узнавали, кто в начальных классах лучший. Нам посоветовали Екатерину Николаевну Баранову, уже немолодую, опытную учительницу. У нее был исключительно добрый, спокойный внешний вид, колоссальная терпеливость и добросовестность. Видно было, что она очень любит детей. К ней мы и постарались определить сына, и не ошиблись.

Иосика она любила, как впрочем, всех своих учеников. Помню такой случай: мы с Иосиком гуляли и встретили Екатерину Николаевну. Разговорились, я сказал, что доволен успехами сына, рад, что у него все пятерки, но считаю, что почерк у него плохой и пятерки вряд ли заслуживает. И тут Екатерина Николаевна стала Иосика защищать, обняла его, стала гладить по голове и говорить мне: - «Что вы, он исправится, он научится!» Она приходила к нам в общежитие, где мы жили, когда он болел, проверяла его тетради, ставила ему оценки, объясняла материал - и никогда не спешила.

Когда сын был во втором классе, нам на полгода пришлось уехать под Москву, к родственникам в Малаховку - меня направили на курсы повышения квалификации, и я решил забрать свою семью на полгода с собой. Иосик ходил там эти полгода в Малаховскую школу, и ему Екатерина Николаевна дала для новой школы характеристику, в которой самым подробным образом описала все его склонности и сильные

стороны, и указала на один важный недостаток: «Несколько медлителен в устном счете». Этот недостаток так на всю жизнь у него и сохранился, она установила это еще тогда. А Иосик проболел в то время, когда учили считать устно, так это на всю жизнь и осталось. Вот что значит начальная школа, вот почему так важно, кто и как учит малышей! Кстати, заведующий кафедрой педагогики пединститута Цветков, которого я как-то спросил о Барановой, сказал: - «У нее кое-что не в порядке с методикой, но ей можно все простить за доброту и внимание к детям».

Когда в школу пришло время идти Марине, мы отдали ее в знаменитую ярославскую школу № 4 - спецшколу с английским языком. К тому времени там уже учился Иосик. Мы тоже заранее узнали, что лучшая учительница начальных классов - Паутова Ольга Евдокимовна. Она очень отличалась от Екатерины Николаевны - Екатерина Николаевна учила сердцем, добротой, вниманием, а Ольга Евдокимовна - требовательностью, жесткостью, логикой.

До самой кончины своей первой учительницы Иосик переписывался с ней, как и Марина - со своей с Ольгой Евдокимовной.

Дети учились у нас хорошо. Учились они преимущественно на отлично, хотя круглыми отличниками не были. Марина была круглой отличницей в четвертом классе и в 9-10, а Иосик до 10 класса отличником не был, но окончил школу с серебряной медалью. Марине же медали так и не дали - в ее контрольной работе на аттестат зрелости по математике в облоно исправили пятерку на четверку.

Но надо сказать, что мы никогда с мамой не требовали от детей учебы только на пятерки. В школе № 4 в Ярославле были исключительно высокие требования, круглых отличников там вообще не было.

У нас было заведено - дети приходили и докладывали нам о своих успехах, отметках. Это был семейный ритуал. Иногда они звонили от школы по телефону - автомату, чтобы скорее похвалиться своими пятерками. Иосик однажды не туда попал - отчеканил по телефону: - «Мама, это я, я две пятерки получил, а ты пирог испекла?» - А ему женщина отвечает: - «Мальчик, это другая мама...».

Я старался заниматься с детьми дополнительно, особенно в тех областях, где сам был специалист - русский язык, литература, история. Пытался вначале и с английским языком помогать - когда Иосика мы перевели в «английскую» школу, он занимался с репетитором, чтобы догнать одноклассников. Я ему начал подсказывать, и как оказалось - неправильно произносил некоторые слова (я вообще-то немецкий учил)... Учительница спросила, почему сын так произносит, а он чистосердечно сказал: - «Меня так папа научил!». Учительница сказала: - «Передай папе, чтобы он английскому языку тебя не учил». Я и перестал.

И Марину, и Иосика я учил писать сочинения. Мы много занимались с ними - они писали то, что им задали, я просматривал, говорил, как лучше изложить мысль, заставлял их переписывать, иногда - не по одному разу. Я учил их прежде всего логике выражения мысли - ведь я преподаватель

логики. Давалось это им нелегко, но постепенно у них стало получаться все лучше и лучше. Что касается грамотности, то у них больших проблем с этим не было, они писали грамотно, хотя время от времени задавали мне вопросы, особенно по пунктуации.

Обоих детей я учил также писать заметки в газету - сначала в стенгазеты, потом в настоящие. Писать заметки им нравилось, они много писали, Иосик был редактором классной стенгазеты. Марина в десятом классе написала заметку о своих соклассниках в журнал «Комсомольская жизнь». Заметку опубликовали, и Марина получила со всей страны более 70 писем - откликов на свою заметку, причем почему-то преимущественно от солдат.

Умение писать детям пригодилось и в университете, и вообще в жизни. Они много печатались и печатаются в газетах, выступали не раз по Воронежскому радио и телевидению, да и в научной работе умение писать очень пригодилось - у них много опубликованных научных работ, много научных сборников издано под их редакцией. Так что моя работа с ними не прошла даром.

Уроки у детей мы обычно не проверяли, но с Иосиком, когда он учился в шестом классе, была одна проблема.

Дело в том, что в шестом классе он увлекся футболом и целые дни гонял мяч со своими дворовыми друзьями. Нашел на свою майку номер «8» и играл правым крайним в дворовой команде, а уроки совсем перестал учить. Появились тройки, а он говорил: «Это случайно, я все знаю». Уроки стал учить пять-десять минут, и во двор. Я ему объяснял, что в шестом классе подготовка к урокам должна занимать как минимум два часа, а он мне говорит - зачем мне учить два часа, если я могу выучить все за полчаса. И я решил проверить, как он выучивает то, что ему задают. Один раз проверил сына по учебнику, два, три - не знает. Ему это и самому стало ясно - не мог ответить на мои вопросы. Пришлось садиться за уроки и оставить футбол. И футбольный период постепенно закончился.

Я сам очень любил общественную работу. И детей тоже поощрял ею заниматься. Особо заставлять их не надо было - они были детьми «общественными», но я помогал им придумать, как лучше организовать ребят, как лучше выполнить то или иное общественное поручение, которое им давали в классе или школе. Они со мной часто советовались, не стеснялись.

Они всегда имели какие-то общественные поручения. В шестом классе Иосик был председателем совета пионерского отряда, отряд был на хорошем счету и Иосика послали на месяц в Артек (правда, не бесплатно, а за счет родителей, поскольку он не считался малообеспеченным). Марина была членом совета дружины и комсоргом класса.

Мы приглашали к себе друзей наших детей и довольно много возились с ними. Мы придумывали для детей совместные развлечения, старались, чтобы они учились сами весело и культурно проводить время.

Мы всегда знали, с кем дружат наши дети - как я говорил, «надо знать, с

кем играет мой мальчик». Мальчику сейчас 50 лет, но я и сейчас знаю всех, с кем он играет.

Наш с Любой опыт обучения наших детей позволяет нам сделать некоторые выводы.

Во-первых, родители должны определить, что детям понадобится в дальнейшей, взрослой жизни, и постараться научить их этому.

Мы выбрали им иностранный язык - он им очень пригодился и стал профессией. А вот Марину мы обучали музыке - она ей не пригодилась. Иосика мы отдали в фотокружок - он научился фотографировать, потом стал кинолюбителем, а потом и видеолюбителем.

Во-вторых, мы поняли, что с детьми обязательно надо заниматься дополнительно. И если ты занимаешься с детьми дополнительно в той области, в которой ты сам хорошо разбираешься, дети лучше успевают, более творчески подходят к занятиям и потом выбирают связанные с этим профессии. Наши дети, к примеру, стали хорошо писать, полюбили чтение, стали сочинять, заниматься журналистской работой и в конце концов стали филологами.

И еще мы поняли важную вещь: родители не все знают, не во всем могут помочь своим детям. Но они обязаны подумать о том, где и как их дети приобретут те знания или навыки, которых нет у самих родителей, но которые пригодятся детям в жизни.

У нас здесь не все получалось. Мы с Любой не были спортивными, но старались, чтобы дети ходили в спортивные секции. Спортсменами они так и не стали, но мы очень старались. Иосик все время ходил в спортивные секции Дворца пионеров, в группу общефизической подготовки.

Нам очень помогла средняя школа. Именно школа дала нашим детям многие навыки, которые мы не могли им в полной мере дать сами. Марина научилась в школе шить. Иосик научился в школе столярным, слесарным, электрическим работам, занимался в радиокружке, собирал транзисторные приемники. Сейчас он профессор-филолог, но, тем не менее, ему не составляет труда врезать замок, починить электропроводку, сделать слесарные или столярные работы по дому, да и на своей кафедре он тоже все время что-то чинит и ремонтирует, к нему все обращаются за помощью. А научился он началам этого всего именно в школе. Спасибо школе за это!

Как мы отдыхали

Мы с Любой всегда старались организовать для нас с детьми именно семейный отдых. Мы считали, что очень важно проводить больше времени вместе с детьми.

Почти каждое воскресенье мы с детьми гуляли. У нас было такое название - КГГ. Это означало «куда глаза глядят» - мы выходили и шли, куда захочется. Дети очень любили КГГ. Мы гуляли по набережной Волги и Которосли, любили ходить в ярославский Кремль - там можно было

посмотреть с детьми кино, там были развлечения для детей. Зимой ходили с детьми «на горку» - катались с ними на санках и на лыжах.

Если Люба была занята, то с детьми ходил гулять я, но обычно старались ходить вчетвером. Когда Иосик был в шестом классе, он увлекся фотографией, и мы купили ему детский фотоаппарат «Юнкор». Фотоаппарат был примитивный, снимки были небольшого размера и их нельзя было увеличивать. Проявлял он пленку сначала в самодельном бачке - глиняной кружке, потом мы купили ему настоящий проявочный бачок, когда убедились, что он этим решил заняться серьезно. Своими «Юнкором» он сделал много снимков, которые запечатлевали наши прогулки, и они составили основу фотолетописи нашей семьи.

У нас была еще традиция - семейный час. Мы садились вместе с детьми и читали что-нибудь, разговаривали, смотрели вместе диафильмы. Тогда выпускали серьезные документальные и художественные диафильмы (например, у нас был двухсерийный детектив «Над Тисой» про шпионов). Всегда «смотрели кино», когда у детей были дни рождения.

Как-то ездили на большом многопалубном теплоходе в двухдневную поездку в Рыбинск с заходом в Рыбинское водохранилище, со шлюзованием. Спали в каюте, обедали в корабельном ресторане - для детей был сплошной восторг. Дети были недовольны только тем, что на третье дали компот, а не пирожные, на которые они рассчитывали.

Иногда на воскресенье выезжали по Волге за город на небольших парходиках - доезжали до какой-нибудь деревни, весь день там гуляли, а потом возвращались. Как-то приехали в деревню Плес - прекрасное место, прекрасная погода, замечательное настроение. Мы с Любой даже стали танцевать на лестнице, которая вела от пристани вверх. А вечером пароход, который пристал к пристани, не взял никого из пассажиров - капитан сказал, что пароход перегружен и отчалил. Уже темнело, мы остались на берегу с толпой таких же отдыхающих. Подошел маленький автобус, начался его штурм. Любу с Маринкой мы втиснули, а сами с Иосиком остались. Автобус уехал, а мы не знаем, что делать - автобус тоже последний. И вдруг метров через сто автобус вдруг остановился и нам машут. Мы бежим, и нас-таки сажают. Оказалось, выручила нас Маринка - она стала громко плакать: «Папа остался!» и водитель смилостивился.

Летом мы всегда выезжали на дачу. Это была целая эпопея. Сначала мы ездили с Любой по деревням, переходили от дома к дому, спрашивали, примут ли на лето дачников.

Помню, в одной деревне меня потрясла картина - в перерыв молодая колхозница, видно, что голодная, пила морковный чай - это был весь ее обед. Даже хлеба не было. Жили в деревнях очень бедно, дачников принимали охотно - все-таки заработок за лето. Но условия в большинстве домов были по нашим городским представлениям ужасные, а мы беспокоились об удобстве детей, да и самим не хотелось жить в плохих условиях. Но дачные эпопеи очень сплачивали нашу семью, мы учились

сами и учили детей совместно преодолевать трудности. А трудностей всегда хватало.

В одной деревне, где мы проводили лето, хозяйка вдруг неожиданно потребовала, чтобы на престольный праздник мы на три дня уехали в город, поскольку к ней приедут праздновать родственники. При этом она клялась, что предупреждала нас об этом, хотя ни о чем подобном и речи не было, когда мы договаривались. Удалось договориться, что мы просто переедем на три дня в чулан в ее же доме. Это было ужасное время - приехала масса народу, родственники хозяйки, и три дня мы были свидетелями беспробудного пьянства, крика и шума.

Проблемой был переезд на дачу из города и выезд с дачи. Сначала мы брали очень много вещей с собой - даже ширму и патефон, главную роскошь того времени. Год от года, правда, брали все меньше и меньше, приспособились. Нужно было нанять машину, это всегда была большая проблема. Пару раз мне удавалось договориться в институте, чтобы дали грузовик. Люба с Мариной сидели в кабине, мы с Иосиком в кузове, с вещами. Иосику, конечно, очень нравилось ездить в кузове. Однажды наняли машину-фургон с крупной надписью «Кинопрокат». Дороги были ужасные, грязь, машины часто застревали, особенно после дождя - а в Ярославле дожди были обычным делом. Приходилось толкать машину, ходить за подмогой в деревню.

Надо было запастись керосином - у нас была специальная огромная бутылка для керосина, ведь готовить еду надо было на керосинке, освещали вечером комнату тоже керосиновой лампой - электричества в деревне сначала вообще не было, а когда через несколько лет провели, часто были аварии, которые долго не устранялись. Помню, один год не было света все лето.

Спали на самодельных парусиновых раскладушках, которые привозили с собой - нам их сделал сосед-столяр. На кровать клали матрасы, тоже самодельные - Люба сшила чехлы, и мы набивали их сеном.

В деревне магазина не было, ходили за два километра в райцентр Красные Ткачи за продуктами. Иногда приходилось за продуктами ездить в город, в первые наши ярославские годы даже за хлебом. Один раз мне показалось, что я не выключил дома электроплитку, и Люба на ночь глядя решила поехать проверить. Тревога была напрасной, но мы с детьми допоздна встречали ее на автобусной остановке.

Последние годы мы жили у одних и тех же хозяев - Шимановых, в деревне Боровое под Ярославлем, недалеко от Карабихи, родового имения Н.А.Некрасова. Хозяйку звали Полина Савельевна, она работала в колхозе. Она пекла нам вкусные пироги с картошкой в русской печи. У нее было два сына. Однажды ее сыновья поймали в реке сома, и мы у них купили его и ели. За водой надо было ходить на реку, река была неблизко и мы нанимали соседских мальчишек постарше, которые приносили нам воду - два ведра на коромысле. За водой ходил и я, а когда Иосик подрос, он стал ходить за водой, сначала по полведра приносил, потом по целому. Но на

кормысле мы носить воду так и не научились.

Мы купались в реке, ходили в лес, собирали грибы (место было очень грибное, деревня и называлась Боровое). Особенно хорошо находил грибы маленький Иосик. Было много ягод, особенно брусники.

У нас была традиция устраивать «зеленые дни» - уходить в лес на весь день. Мы брали с собой керосинку и мама готовила в лесу настоящий обед. Керосинку везли в коляске, в которой ехала маленькая Маринка. Зеленые дни нам всем очень нравились.

Иосик весь день ловил рыбу. Ловил он мелочь - пескарей, в основном, но однажды поймал на «колик» (донку) крупного окуня, самого крупного в своей жизни. Мы все этим гордились, а больше всего гордился, конечно, он сам - добытчик.

К нам иногда приезжали отдыхать на дачу родители Любы и ее сестра из Москвы.

Я на даче работал, писал. Свою первую атеистическую брошюру «Ленинские заветы атеистам» я написал на даче.

В Воронеже мы тоже несколько раз ездили на дачу - в Графское, в Дубовку. Один раз всей семьей ездили в Павловск, на турбазу, где прекрасно прожили два срока. Иосик там поймал вторую крупную рыбу в своей жизни - судака, которого хватило на семь порций для нас и наших соседей по столу.

Мне кажется, что для семьи очень важно отдыхать вместе - это учит совместно преодолевать трудности, бытовые неудобства и несомненно укрепляет семью.

Квартира, квартира ...

Все люди моего поколения хорошо знают, какого труда стоило получить квартиру в наше время. Моя семья в полной мере испытала на себе все эти тяготы.

Строили мало, квартиры давали за особые заслуги или за большой стаж работы, так что ждать надо было порой десятилетия - многие получали квартиры к старости.

В 1949 году я получил после аспирантуры назначение в Ярославль и приехал в пединститут с женой и годовалым сыном. Нам дали комнату в студенческом общежитии на Которосльной набережной. Мы были тогда этому очень рады - появилось свое жилье, не надо снимать квартиру, есть центральное отопление - не надо запасать на зиму топливо, как в Малаховке...

Общежитие было четырехэтажным, на 1-2 этажах жили студенты, на 3-4- преподаватели. Преподаватели постоянно старались как-то улучшить свой быт, ведь все жили семьями, с детьми, каждая семья - по 4-5 человек в одной комнате. Мы добились, чтобы нам на втором этаже поставили общественный телефон - висел на стене старинный аппарат с деревянной трубкой, бесплатный, можно было звонить. Позже у нас и в комнате

появился собственный телефон - я добился, когда родилась дочка.

На весь этаж было две умывалки - в каждом конце коридора, и два туалета. Душа в общежитии не было. По моей инициативе в общежитии был создан преподавательский домсовет - это было, когда я в институтском месткоме отвечал за бытовой сектор. На домсовете мы постановили собрать деньги и устроить в подвале душ. Какое счастье было, когда это осуществилось! Душ был для преподавателей, у нас было расписание, по которому преподаватели по очереди ходили в душ.

Комната была у нас довольно большая и мы с разрешения директора института сами поставили в ней перегородку и сделали из них две комнаты. Позже мне стали выделять еще одну комнату под кабинет - для занятий, один год - на четвертом этаже, другой - на третьем. Иосик все удивлялся и никак не мог понять, почему нам не дадут эту комнату рядом с нами.

По коридору общежития нередко пробежали огромные крысы и топали, как люди - детские впечатления об этом у сына и дочери сохранились на всю жизнь. Таковы были условия, в которых после войны жило большинство преподавателей.

В общежитии мы прожили 10 лет. В 1959 году институту удалось построить небольшой четырехэтажный дом для преподавателей - всего на два подъезда. Место было хорошее, тихое, окна выходили в ботанический сад пединститута. Семья у меня была уже 4 человека, и мне дали квартиру в этом доме - но только коммунальную, две комнаты в трехкомнатной квартире. С нами жила еще женщина, доцент кафедры русской литературы. Из всех квартир дома только наша была коммунальной, все остальные были отдельные.

В 1963 году я переехал в Воронеж и стал работать в лесотехническом институте. Мне опять дали комнату в общежитии, на первом этаже, где я прожил год в одиночестве, без семьи. Люба в это время пыталась получить разрешение на обмен нашей ярославской коммуналки на Воронеж. Ярославский пединститут не хотел давать разрешения на обмен, мы подали в суд. Первый суд поддержал институт, мы наняли хорошего адвоката - А.Мове (теперь это очень известный юрист, председатель Московской областной коллегии адвокатов) и он добился отмены этого решения. С трудом нашли вариант обмена - тоже на две комнаты в трехкомнатной квартире, на ул.Героев Стратосферы, с соседкой.

Лесотехнический институт обещал мне квартиру, но годы шли, а отдельной квартиры у нас все не было. Я очень переживал, ходил к ректору, в местком, профком, все время получал обещания. Поскольку все время обещали, мы не очень благоустривали свою квартиру, не делали ремонт - ждали, что вот-вот переедем... А квартиры все не было и не было. Дети и жена меня утешали: «Папа, не волнуйся, нам и тут хорошо». И только в 1968 г., через четыре года после переезда в Воронеж, мы получили квартиру на улице Переверткина, в вузовском доме - трехкомнатную, на втором этаже. Мне в этот год исполнилось 59 лет, всего

год остался до пенсионного возраста. Всего мы прожили 10 лет в общежитии и 10 лет в коммунальной квартире.

Квартира, которую мы наконец получили, доставила нам всем очень большую радость. Дом был хороший, соседи - интеллигентные люди. В этом доме я несколько лет был председателем домкома, мы сделали спортплощадку, посадили деревья вокруг дома, проводили субботники, зимой заливали каток.

Хочется надеяться, что в следующем веке люди не будут знать тех трудностей ожидания жилья, тех усилий и порой унижений, через которые приходилось проходить, чтобы получить для своей семьи достойное жилье.

Шаг назад: о моих родителях

Хочу вспомнить своих дорогих родителей - маму и отца, которых я, к сожалению помню только по детским впечатлениям, поскольку очень рано, в 14 лет, уехал из дома.

Мы жили в Витебске. У нас была типичная для начала века еврейская семья, весьма небогатая, но большая и дружная и очень родственная. В семье было пятеро детей, а также жил мамин племянник, сын одной из маминих сестер.

Моя мама, которую звали Сима (Шиме) Темкина, была родом из города Чауссы Витебской области. Как она познакомилась с моим папой, я не знаю, но помню такую подробность - иногда она говорила папе: «А помнишь, ты мне писал!» и папа почему-то всегда очень смущался при этих словах. Видимо, старику казалось неловким вспоминать нежные слова, которые он писал в молодости своей невесте. Помню ее - высокую, неизменно в черном платье (никогда в цветном!), длинные волосы, завязанные в клубок на голове. Она не была шумной, но если говорила, то довольно громко.

Мама читала и писала по-еврейски, но за всю жизнь я не получил от нее ни одного письма - по-русски она читать и писать так и не научилась. Когда я уехал из дома, я часто писал письма на ее имя, которые ей читал отец, а также мои сестры Бейля и Рива. Она подозревала, что ее младший Абрашенька болеет, но ей об этом не говорят, и заставляла разных людей читать ей мои письма. Она меня очень любила, я был младший ребенок в семье – «мизиник»(мама родила меня в сорок лет).

У нас в доме была няня и работница - Дуня, хорошая, добрая женщина. У нее была слабость к выпивке, выпивала она очень часто, но родители ее не увольняли, так как жалели ее. И еще потому, наверно, что она очень любила меня, самого маленького, всегда меня хвалила и хорошо обо мне всем говорила. Однажды за что-то ее посадили на месяц в тюрьму, у нее родственников никого не было, и я помню, как мы с сестрой ходили ее проведывать, носили ей передачу.

Она водила меня гулять, и помню, как мы с ней вместе с ее ухажером

(она его называла кум) и подругой Машкой ходили в кабак. Они все вместе сидели за столом и пили, меня посадили на стол, и я спокойно сидел, пока они выпивали и наблюдал за ними и кабацкой жизнью, мне было очень интересно.

Я свою няню любил и защищал. Как-то к нам пришел доктор и что-то сказал неодобрительное о Дусе, так я, маленький, схватил кочергу и хотел его ударить за это. Надо мной в семье подтрунивали из-за моей привязанности к Дуне - когда хотели меня подразнить, говорили: - «А Дуня-то старая!» а я тут же вступался за нее и громко, с вызовом провозглашал: «Евдокия Ивановна Архипова - молодая!»

Когда я уже жил в Москве, работал там и приезжал домой (Дуня уже работала в другой семье), я как-то поехал с вокзала домой с шиком - на извозчике, причем не на обычном, а «на дутых» - с надутыми шинами. По дороге увидел на улице Дуню и пригласил ее в коляску, довез до дома. На нее это произвело огромное впечатление, она потом всем хвасталась: «Меня Абрашенька на дутых прокатил!»

Дуня жила у нас в доме и в течение дня была за старшую. Она готовила днем дома еду вместе с моими старшими сестрами Бейлей и Ривой, потому что мамы и папы весь день не было - они работали в своей лавке. На нашей улице, где я жил, все были торговцами.

Торговцев-евреев власть притесняла. Помню, какую роль играл до революции в Витебске губернатор Зуев - об этом говорили все в семье и на улице. Он, например, издал распоряжение, чтобы все лавки евреев в субботу работали - православные имеют право покупать и в субботу. Жаловалась еврейская община в С.-Петербург, но оттуда пришло письмо - «на рассмотрение губернатора». Для евреев соблюдение субботы - важнейшая религиозная заповедь, приходилось выкручиваться - оставлять в лавке малолетних или нанимать на субботу православных. Община приглашала Зуева прийти в синагогу, чтобы он убедился в правоверности евреев, чтобы увидел, что евреи в синагоге молятся за царя. В конце концов ему пришлось свое распоряжение об объявлении субботы у евреев рабочим днем отменить.

В нашей лавке продавались мука, зерно, овес, жмых. На вывеске над лавкой официально было написано «Бакалея». Помню, прямо у входа, напротив двери, на прилавке стояла большая железная банка, на которой было написано «Монпансье», она была наполнена конфетами, которые всегда нам, детям, так хотелось попробовать. Но торговля шла неважно. Мама нас, своих детей, никогда из этой банки не угощала.

Лавка была частью большого торгового помещения, которое называлось брома. Это был отдельный дом на 8-10 лавочников на рынке на Смоленской площади Витебска, в который были входы со всех сторон. Лавка отца (он арендовал в броне помещение) была маленькая, и в нее был самый неудобный вход - сзади, с нелюдной стороны. Маму мне очень было жалко - она очень мерзла в лавке в холодную погоду, но сидеть в лавке надо было безвылазно - а вдруг придет покупатель или привезут

муку.

Приходила мама домой часов в 5-6 вечера, очень усталая, и тогда начинала готовить ужин. До 11 вечера она была на кухне. Она нередко ругалась с дочерьми - очень не любила, когда дома что-то делось не так, при этом всегда жаловалась на здоровье: «Вы не знаете мое сердце!». Меня как младшего она любила больше других, называла меня «мой сочувственнер зун» (мой сочувственный сын). Как-то я приехал из Москвы в то же самое время, когда Сталин навестил свою мать в Тбилиси - все газеты об этом сообщили. Мама мне сказала: «Вот Сталин молодец, доставил радость своей матери. А ты мне доставил радость, что приехал!».

Маме было не до бога, но основные религиозные обряды она соблюдала.

В январе 1924 года - 1 или 2 января, сейчас не помню, я уезжал в Москву, к старшему брату Исааку. Мне не было еще 15 лет. Мама легла на «диванчик плача» - был у нас такой небольшой диванчик, на котором мама всегда плакала, когда кто-нибудь из нас уезжал. Я помню, как сказал ей: «Мама, не плачь, мне там будет лучше». Я ведь был по тогдашнему определению «сын торговца», «сын мелкого буржуа», а тогда прижимали и самих торговцев, и их детей. Даже в пионеры таких, как я, в Витебске не принимали.

Поэтому я и решил уехать к брату, в столицу. В Москве 21 января я уже был пионером, вошел в актив пионерской организации, а в феврале уже представлял свой отряд - принимал в подарок барабан от журналиста Михаила Кольцова. Там были более либеральные порядки.

Часто я приезжал из Москвы к родителям рано утром, без предупреждения. Вообще, я сейчас понимаю, что недостаточно уделял внимания своим родителям - я был увлечен учебой, работой, московской общественной жизнью. Хотя, конечно, я очень любил своих родителей.

Мама моя умерла в 1936 году, в мае. Исаак не мог приехать на похороны, были мы с Бейлей. Я работал журналистом в Виннице, и мне написала потом туда сестра Рива: «Над кладбищем прошел дождь, на маминой могиле хорошо выросли цветы».

В 1976 г., когда я вышел на пенсию, мы с Любой ездили в Витебск. Могилу мамы мы не нашли - все разрушили немцы

Расскажу теперь о своем папе.

Папа был маленького роста, с рыжеватой бородкой. Отец его, мой дедушка, которого я не видел - он умер до моего рождения - тоже был торговцем, и я о нем ничего больше не знаю.

Мой отец страдал грыжей, но в лавке мешки с мукой принимал, таскал и грузил в основном сам. Помню, как он, невысокого роста, подходит и подставляет под мешок свою широкую спину, а затем, согнувшись, тащит мешок в лавку. Эта картина у меня с детства стоит перед глазами.

Папа был тихим, простым, скромным человеком, он не расширял свою торговлю. Его называли «мелькремер» - мучной торговец. Он многим отпускал товар в кредит, не был прижимистым или скрягой. Мама его за это часто ругала - мол, ты думаешь о других, а должен думать в первую

очередь о нас.

Отец был малообразованным, но при этом читал русские газеты, выписывал даже «Витебский рабочий».

Его выбрали контролером доходов по линии райфинотдела. Он должен был контролировать налоговые декларации торговцев в округе - должен был заверять, что декларации правильные. Не помню ни одного конфликта или скандала в связи с этой папиной должностью, он работал хорошо и справедливо.

Когда НЭП прикрыли, то пришел конец его мучной торговле. Образования или какой-нибудь профессии у папы не было. Он пошел работать сторожем, потом работал нефтераздатчиком на железной дороге.

Отец умел читать и писать и по-еврейски, и по-русски.

Один раз в неделю по субботам папа ходил в синагогу. Там у него было свое купленное место - это был признак некоторой зажиточности, социального статуса верующего еврея. Синагога продавала места - это был один из источников ее существования. Раз в год проводился аукцион мест в синагоге - кто даст больше, тот и получал место. Папа, помню, обычно проходил последним - его место было самое дешевое, у самого выхода, но на спинке стула было все-таки его имя. Он не был очень религиозным, просто он старался не допускать нарушения религиозных правил.

Отцу как всем торговцам ГПУ назначило как-то сдать государству имеющееся в семьях золото. Какое там было золото у нас - какие-то колечки мамины, сережки. Отец не сдал ничего, и его арестовали и посадили в тюрьму. Три дня он сидел в камере. Вызвали маму: «Не мучайте Иосифа, он у вас такой славный старик!» - посоветовал ей гэнэушник. «Сима, отдай им», - сказал ей отец по-еврейски. Она принесла, и его выпустили.

Отец никогда не пил. Он очень хотел, чтобы его дети имели другую профессию, нежели он. По характеру он был веселый, любил пошутить, посмеяться - я в него пошел по этой линии.

Отец дома после работы ничего не делал. Вечером он иногда молился, но не всегда, а вот женщины молились каждый день.

В конце жизни отец жил в Витебске с дочерью Ривой, почувствовал себя плохо и дал всем детям телеграммы. Приехали все - я, Исаак и Бейля. Умер папа в Москве в 1937 г. после операции, похоронен под Москвой на еврейском кладбище в Малаховке.

Как мы жили во времена моего детства?

Наш дом на Петровской, 15 был деревянный, одноэтажный, принадлежал моему папе. В войну наш дом сгорел, приезжала моя племянница Рая после войны и нашла несгоревшую металлическую кровать и какие-то металлические детали - вот и все, что оставили после себя немцы.

У нас около дома был огород, который поддерживал нашу семью. Были куры, иногда - индюшки. Индюков я всегда дразнил, меня за это ругали.

Одевались все чисто, но без всякой роскоши. Мама, как я уже писал,

ходила всегда в темном. Наша семья не бедовала, но жили очень скромно, всех наших доходов как раз хватало на жизнь.

Раз в год привозили 5-8 кубометров дров. Я любил отрывать березовую кору с бревен, но колоть дрова меня не приучили. Колоть дрова обычно нанимали мужика, а я складывал дрова в сарай.

Осенью квасили капусту, «в сезон» звали соседей на подмогу - так было принято в округе - и вместе резали кочаны. На зиму запасали яблоки. Во дворе было два сарая - один для дров, другой для продуктов.

Дома в русской печи всегда пекли хлеб. Хлеб продавался, его можно было купить, но печь самим было дешевле, и было принято иметь свой хлеб. Когда пекли маленькие белые хлебцы, мне всегда как маленькому давали первому. На праздники позволяли себе роскошь, покупали кухен - пирожные.

В быту дома все говорили по-еврейски. Все религиозные праздники в семье справлялись.

Перед пасхой все мужчины должны были читать вслух из религиозной книги «Агода» - об исходе евреев из Египта, она была на иврите и на русском языке. Это надо было читать перед сейдер - днем, когда заседали божества. Мы все читали с большими пропусками, выполняя эту повинность, все читали вслух, каждый по своей книге, одновременно - никакого сознательного отношения к этим религиозным книгам не было ни у нас, мальчиков, ни у старших мужчин.

Кто же жил в нашей семье?

У меня было два брата - Зелик и Исаак и две сестры - Бейля и Рива. Я в семье был самым младшим.

Старший брат Зелик был несчастливым человеком, в жизни ему не везло. В 14-15 лет его отправили в Ригу к родственникам - как тогда было принято делать, чтобы вышел в люди, стал самостоятельным и разбогател по возможности. Ничего у него там не вышло, вернулся без копейки домой, и его все время спрашивали, подтрунивая: - «Ну где же твой рижский багаж?» В семье долго жила эта шутка про рижский багаж.

Судьба Зелика сложилась трагически, и я даже не знаю, как закончилась его жизнь. В империалистическую войну он работал на оборонном заводе в Орле (помню, привез как-то домой пустую гранату). В гражданскую войну он был не то в Харькове, не то в Киеве, где тоже работал на заводе, но с гражданской войны не вернулся и его судьбы я не знаю. Сестра Бейля говорила: «Он был анархистом, у него был наган». А когда НКВД арестовал моего брата Исаака, они ему говорили про Зелика: «Он не погиб, а ушел к белым». Правду теперь мы не узнаем.

Средний брат Исаак был очень способным человеком. Он имел прозвище «журналист» - много читал, все время приносил домой книги. Помню, он лет в 12 читал тайком Шерлока Холмса или Ната Пинкертона, точно не помню, а в то время это считалось «развратом». Отец увидел и разорвал книгу. Помню, как плакал мой брат - книга была чужая.

Он учился сначала в ремесленном училище. Учился хорошо, но когда

ему было 12 или 13 лет, он за компанию с друзьями-двоечниками залез в учительскую, где они выкрали журнал с двойками и утопили его в речке. Их всех исключили из училища. Отец очень хотел, чтобы Исаак окончил гимназию, но евреев туда не брали - была строго ограниченная норма приема евреев - два или три процента, и эти проценты принадлежали, конечно же, детям богачей. Директором гимназии в Витебске был Неруш, латыш по национальности. Отец ходил к нему и предлагал взятку - 300 рублей, чтобы взяли сына. Неруш ему сказал: - Мне 3000 предлагают, я и то не беру. В результате Исаак закончил обычную школу, из которой был путь один - работать. Он пошел на производство, и там в конце концов получил рабочую рекомендацию на рабфак, что и позволило потом поступить в Москве в институт.

Исаак стал крупным специалистом в области производства цемента, написал несколько книг, которые до сих пор можно найти в Москве в бывшей Ленинской библиотеке. Они до недавнего времени еще использовались в строительных вузах. Судьба его сложилась трагически - он был репрессирован и погиб в сталинских застенках, его могилу мы не знаем. Об этом я писал в первой части своих воспоминаний.

Об образовании девочек тогда не думали. Бейля училась в прогимназии, но когда я родился, ее забрали из гимназии нянчить меня. Рива год проучилась и сама бросила учебу, никто и не думал ее заставлять учиться дальше. Девочкам была одна дорога - замужество.

Моя старшая сестра Бейля вышла замуж в 18 лет. История ее замужества была романтической и даже поначалу трагической. Ее жених Ефим Месежник считался бедным (хотя его отец был вообще-то богаче нас, он был умелый и известный кузнец) и Бейлю не хотели за него отдавать. Бейля грозила уйти из дома, отравиться. Один раз она, когда родителей не было дома - были я, сестра и няня - завернула какую-то бутылочку, сказала мне «Прощай, Абрашенька!» - попрощалась только со мной - и ушла из дома. Все-таки она вышла замуж за Ефима, родители вынуждены были согласиться. Кстати, потом никогда не жалели - Ефим был прекрасным мужем и отцом.

Свадьба, первая в нашей семье, была большой - гостей было человек 100, справляли ее в городской гостинице. Мне было 6 лет, я вечером, часов в девять, ехал, нарядно одетый, в трамвае и кондуктор меня спросил «А куда ты едешь?» «К Бельке на свадьбу», - с гордостью сказал я под хохот всех пассажиров.

Помню большой зал, в центре которого стояло высокое кресло, нарядная Бейля, музыка. Выходит жених - с черными усиками и как мне показалось, чрезвычайно бледный. Он идет по дорожке к креслу и несет шаль, невеста плачет - так положено. Он подходит к невесте, сидящей в кресле и накрывает ей шалью лицо. Я помню, что тоже плакал - «Ефим Бейлю увозит». Семейная жизнь ее сложилась хорошо, они прожили долгую жизнь, родили трех дочерей - Евгению, Анну и Зину.

Когда другая моя сестра Рива выходила замуж, свадьба была уже дома.

Ее муж, Юрий Яковлевич Ханин, был замечательным человеком, всю жизнь проработал рабочим. По нему также прокатилось страшное сталинское «красное колесо» - 20 лет провел он в лагерях по обвинению в троцкизме, вернулся с подорванным здоровьем и недолго прожил. У них двое дочерей - Рая и Елизавета.

По еврейской традиции, в нашей семье, как и во многих других семьях, жили бедные родственники. Так, в нас жил в семье Исер Явич - племянник мамы. У него было прозвище «Дер дайч» (немец), он был очень аккуратным, подчеркнуто опрятно одевался, все время чистил одежду. В 1914 г. его забрали на войну, мама легла на 2 диванчик плача» и очень плакала как о сыне. Через какое-то время он вернулся из окопов - черный, измученный, истощенный. Его уволили из армии по болезни. В семье была большая радость, что Исерка вернулся и опять живет с нами.

Он был очень толковый парень, умный, очень трудолюбивый. Его женили на девушке из трудной семьи - Циве. У Цивы не было родителей. Она жила у своей тетки, Леи Зеликовны Вымениц, старшей сестры моего отца.

Исер и Цива переехали в Москву, Исер работал кондуктором в троллейбусе, а Цива всю жизнь проработала в аптеке. У них был сын Ося, прекрасный мальчик, комсомолец, работал на ЗИЛе и в войну пошел добровольцем на фронт. С войны он не вернулся, пропал без вести. Цива всю жизнь так и не смогла с этим смириться. У нее все время стояла заправленная кровать для Оси - она все верила, что он вернется. Обстоятельства его гибели так и остались неизвестны. Когда у меня родился сын и мы называли его Иосифом, Циве было неприятно - в еврейской традиции имена дают по умершим родственникам, и хотя мы называли сына в честь моего покойного отца, ей все равно это, видимо, было неприятно. У меня сохранилось фото, где сняты ее сын и мы с Исааком, моим братом.

В заключение рассказа о своей семье хочу немного коснуться того, какое влияние моя семья, из которой я уехал мальчишкой, оказала на мою жизнь. Я вырос в благоприятной семейной обстановке - у меня были отец, мать, сестры, братья все любили друг друга. Слава богу, никто из родителей не был в то время репрессирован (отец посидел в тюрьме, но всего три дня) и мы выросли с родителями. Нас, детей, любили, о нас заботились. Нас приучили к скромной жизни, никто из нас не стремился к роскоши, богатству любой ценой - мы видели, как достается хлеб нашим родителям, как скромно они живут. Нас приучили заботиться о близких, родственниках помогать друг другу - это сохранилось у нас, детей, на всю жизнь. Все мы, братья и сестры, выросли тружениками. В семье считалось, что мужчины должны получить образование, а девочки - выйти замуж, так и получилось.

Семья мне дала счастливое детство, возможность получить образование. Но семья невольно и лишила нас, детей, некоторых возможностей, хотя это, конечно, совсем не ее вина.

Отец мой был торговцем, а значит - мелким буржуа, и это семейное клеймо- «неправильное» социальное происхождение - наложило отпечаток на всю мою жизнь, принесло мне немало трудностей и огорчений.

Отец был торговцем до революции, продолжал торговать и после революции, пока не прикрыли НЭП. Образования у него не было (какое мог рядовой еврей получить образование до революции, когда для евреев действовала квота на прием в гимназию), профессии или квалификации тоже не было, больше ничего он делать не умел.

О социальном положении отца мне приходилось многократно отчитываться в самых разных анкетах, и это ограничивало меня в целом ряде прав. В Витебске меня не принимали в пионеры как социально чуждый элемент, в 1931 г. меня не хотели призывать в армию. За сокрытие социального происхождения и «проникновение» в армию отдавали в то время под суд. Комсомольская организация, в которой я состоял и был одним из самых активных членов, посылала специальное письмо в призывную комиссию, где поручалась за меня. В письме было написано, что хотя у меня отец действительно принадлежит к буржуазному сословию, комсомолец Абрам Стернин, тем не менее, с ним не поддерживает никаких отношений (что было, конечно, неправдой) и заслуживает на этом основании призыва в армию. В армию меня в результате призвали.

Вопрос о социальном положении отца задавался очень часто, по разным поводам, самыми разными людьми и на самых разных уровнях. Приходилось выкручиваться. Все время надо было помнить и думать об этом. Вообще, социальное положение отца было пестрым. В семье была легенда, что он до революции начинал как служащий, а только потом стал торговать мукой. Почему легенда - потому что мы, дети, об этом практически ничего не знали, нам в детском возрасте это было неинтересно. А документов никаких не сохранилось.

Меня не принимали в партию - я не мог подать заявление сам, нужно было ждать, чтобы тебе предложили. После войны я такое предложение получил. Естественно, с пристрастием в райкоме выясняли - кем были родители до революции? Я отвечал, что отец был до революции служащим, потом мелким торговцем, а потом сторожем и нефтераздатчиком - о последнем у меня уже был документ (сторож и нефтераздатчик - это уже «социально близкие элементы»). Работник райкома очень допытывался, каким это таким служащим был мой отец до революции — «Кем конкретно работал ваш отец до революции?». Я отвечал: -«Конторщиком!». — «Не было такой профессии! Нет такого социального положения!» Я отвечал: «Он работал на мельнице конторщиком, оформлял оптовые закупки муки. А позже и сам стал продавать муку». Я в таких случаях всегда говорил, что отец был торговцем до революции, а после революции стал нефтераздатчиком, и предъявлял справку. В партию меня приняли.

Многие-многие люди страдали за свое социальное происхождение в те

годы. Немного легче стало после сталинского заявления «Сын за отца не отвечает», но все равно - социальное происхождение и тогда спрашивать не перестали, и клеймо буржуазного или дворянского происхождения висело над многими людьми долгие годы и ограничивало их в правах.

Я благодарен моим родителям за свое детство, которое по тому времени можно было считать вполне благополучным и счастливым.

Пенсия - это не безделье

Уже 23 года я на пенсии. И хочу отчитаться за эти 23 года.

По моему убеждению, пенсия для научного работника не может быть бездельем. Это тоже должна быть работа, хотя и менее напряженная, но непременно творческая. Я в этом убежден.

Как же я провел этот период?

С 1976 г., когда я вышел на пенсию, по 1999 г. я опубликовал 41 работу, доведя список своих научных трудов до 104. Мне хотелось бы отметить некоторые из них, наиболее существенные с моей точки зрения.

Во-первых, это продолжение моей работы над книгой В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В 1976 г. в журнале «Вопросы истории КПСС» (№ 6) вышла моя большая статья о «Материализме и эмпириокритицизме» (1 пл.) - «О книге В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Там я сжато изложил основные идеи этой книги и ее значение для философии.

В 1978 г. в издательстве «Высшая школа» вышло третье издание моей книги «Как изучать книгу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (тиражом 100 тысяч экземпляров), в 1984 г. - четвертое издание (150 тыс.экз.).

В 1988 г. издательство «Прогресс» предложило мне на основе уже вышедших моих книг подготовить новую - без методического аппарата, рассчитанную на зарубежного читателя. Я подготовил такую работу, и этом же году вышло сразу четыре книги - на английском, французском, испанском и португальском языках. Это была новая книга, в новом для меня издательстве.

В 1989 году в «Коммуне» я опубликовал подвальную статью «К восьмидесятилетию со дня выхода книги В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Это оказалась моя последняя публикация на тему этой книги.

Я очень люблю эту работу Ленина. Я глубоко изучил ее и считаю ее самой выдающейся философской работой XX века. Ее научное содержание не может быть поколеблено - ни определение материи, ни подход к основному вопросу философии, ни объяснение гносеологических корней идеализма, ни постановка вопроса о партийности философии (материализм и идеализм), ни многое другое. Эта книга показывает великую объяснительную силу материализма.

Я остаюсь материалистом, потому что считаю верными все его

основные положения, в том числе и высказанные несколько тысяч лет назад. Ну что можно возразить против гениальной формулы Гераклита: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов, никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». А что можно возразить великому материалисту 17-го века Б.Спинозе: «Природа - причина самой себя» (и не нуждается в сотворении). Студенты всегда хорошо понимали и запоминали слова Энгельса: «для диалектики нет ничего святого, на всем и во всем она видит печать неизбежного падения». Не может устареть и ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в наших ощущениях и существующей вне нас, независимо от нас.

Материализм - это четкость, ясность, логика. Поэтому я и остаюсь материалистом - вопреки многим современным преподавателям философии, поспешно сбежавшим в лагерь идеалистов или просто замалчивающим материализм в своих лекциях.

Я считаю, что «Материализм и эмпириокритицизм» необходимо в полной мере восстановить в программе по философии, как того объективно требует то место, которое эта книга занимает в истории мировой философии.

Другое направление моей работы в последние годы - проблема сохранения единства нашей страны. Я очень переживаю развал Союза. В 1991 г., 8 марта, я напечатал в «Коммуне» статью «Почему я за...», в которой высказывался против идеи о разделении страны на отдельные республики, против поднимавшегося сепаратизма. Ведь на референдуме наш народ высказался за сохранение обновленного Союза! К сожалению, сторонникам развала удалось добиться своего - в Беловежской Пуще три «деда» - Ельцин, Кравчук и Шушкевич - договорились о ликвидации могучего государства. Я это очень переживаю, я противник всякого сепаратизма и изоляционизма, ненавижу любой сепаратизм и всякий национализм.

Мне кажется неоправданным отказ многих философов от такого теоретического понятия как «советский народ как новая историческая форма общности людей». Конечно, советского народа сейчас как такового нет, но подобные общности будут возникать, это объективный процесс развития общества. Этот вопрос должен быть теоретически решен, и Россия могла бы показать здесь пример как многонациональное государство. Ведь понятие «россияне» - это понятие того же порядка, что и «советский народ». Президент России обязан обращаться именно к россиянам, ко всему многонациональному народу в целом. Будущее - не в раздробленных нациях, а в консолидации и объединении народов. Будущее - за крупными наднациональными общностями.

В последнее время возникло много различных общественных организаций. Из всех этих организаций самое близкое мне - общество «Мемориал», восстанавливающее память о жертвах страшных сталинских репрессий. Как член этого общества, я принял участие в подготовке

воронежского сборника «Из небытия», посвященного жертвам репрессий в Воронеже. В 37-38 гг. в Воронеже я был свидетелем многих страшных событий (в первой части своих воспоминаний я писал об этом). В 1989 г. я написал об этом в «Коммуне», а в 1992 г. подготовил расширенный материал для сборника «Из небытия».

Сейчас преподаватели общественных наук говорят в своих лекциях о репрессиях все меньше. Но это большая ошибка. Надо понимать, что умалчивая о репрессиях, мы как бы оправдываем эти репрессии и становимся идеологическими участниками преступлений того периода. Но антинаучно и антидиалектически рассуждают и те, кто видит в прошлом только плохое.

Опубликовал я также главу в книге по методике преподавания философии в вузе. Впрочем, кое-что из того, что я написал и предложил для печати, к сожалению, не было опубликовано. В обиде я на «Коммуну» - она долго «манежила» мою статью к 85-летию выхода книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», редактор обещал, но так и не напечатали. До этого я неизменно публиковал в «Коммуне» такие материалы к круглым датам ленинского труда, а тут нет. Мода, видно, прошла в «Коммуне» на ленинское наследие.

Чем я еще занимаюсь на пенсии? Немного преподавал - в ЛТИ, Институте искусств по два месяца в год, в Институте повышения квалификации учителей прочитал курс логики для учителей.

Веду переписку с однокашниками по воронежскому пединституту - уже 25 лет мы переписываемся друг с другом, встречаемся, если позволяют силы и здоровье.

Читаю, когда врачи дают на это добро - недавно прочитал воспоминания Г.Вишневской, директора детского театра Н.Сац, «Архипелаг Гулаг» Солженицина. Читаю уже много лет «Коммуну».

Смотрю, а больше слушаю телевизионные новости – «Время» и «Вести». Дети приспособили мне наушники, чтобы было лучше слышно. Так что я в курсе текущих событий. Беспокоит меня национализм и сепаратизм - везде они поднимают голову, в том числе и в нашей стране. Надеюсь, что хватит ума у наших руководителей и прежде всего у самих людей не поддаваться этой заразе, которая может легко разрушить любое государство.

Нельзя на пенсии бездельничать, это мое глубокое убеждение.

О друзьях-товарищах

Я считаю себя дважды воронежцем. Я жил в Воронеже с 1936 по 1939 год, и вернулся в него в 1963 г., уже кандидатом наук, доцентом.

Когда я вновь вернулся, я встретил здесь своих старых друзей и приобрел много новых товарищей.

Сначала о своих старых друзьях.

В Воронеже я встретился с теми, с кем я вместе учился в Воронежском

пединституте на литфаке в 1937-39 гг. У нас образовалась инициативная группа однокашников, которая решила организовать встречу выпускников 1941 года.

В эту группу вошли радиожурналист Владимир Баранов, учителя Л.Горина и Р.Некрылова, а также И.Цыбулевская, работавшая в издательстве. К этой группе примкнул и я. Толчком к созданию инициативной группы было письмо от Ф.Капустина из Владимира, который предложил идею - организовать такую встречу. И вот в 1967 г. состоялась первая встреча однокашников. Собралось 35 человек, кого мы нашли в результате поисков и интенсивной переписки. Встреча была исключительно теплой и эмоциональной, совсем по Пушкину: «О сколько слез и сколько восклицаний, и сколько чаш, поднятых к небесам!» Отчитались друг перед другом, встретились в пединституте с некоторыми своими старыми учителями. «Рапорт через четверть века» - так удачно назвала эту встречу пединститутская многотиражная газета. Обменялись адресами и датами рождения, и после встречи завязалась дружеская переписка.

Назову города, откуда на праздники и дни рождения мы все стали получать письма: Белгород, Брянск, Балашов, Владимир, Краснодар, Орел, Елец, Липецк, Вильнюс, Таллин, Поворино, Оренбург, Ютановка Белгородской области, Урюпинск, Ижевск, два адреса в Москве, 8 адресов в Воронеже.

Состоялось семь сердечных встреч однокашников. Инициаторы встреч немало потратили сил на их проведение. Взамен мы получили много «стабильных друзей», как назвал их доцент Ижевского пединститута Василий Петровский. Эти друзья сохраняются и сейчас, через 60 лет после нашей первой встречи в стенах Воронежского пединститута. Стоило тратить силы на организацию этих встреч!

Теперь о тех друзьях и просто хороших людях, которых я встретил в Воронеже, вернувшись сюда в шестидесятых годах.

Я работал до ухода на пенсию на кафедре философии и истории КПСС воронежского лесотехнического института (ныне - лесотехническая академия). Вспомню добрым словом Александра Дмитриевича Дударева, тогдашнего ректора ЛТИ. Он ездил со мной в обком согласовывать мою кандидатуру (тогда без этого было нельзя принять работника на кафедру общественных наук), получил добро. Рекомендовал меня Ученому совету при избрании на должность доцента. Помог он мне и с квартирой.

Заведовал нашей кафедрой Александр Афанасьевич Кожевников. Это был хороший человек, по-доброму относившийся к своим подчиненным. Сам он особо не занимался научной работой, но создавал другим хорошие условия для науки. Многие преподаватели кафедры защитили при его заведовании кандидатские диссертации - Н.И.Мартыненко, В.К.Степин, Л.В.Погорельский, Ю.А.Афанасова. В.П.Фетисов, талантливый и исключительно трудолюбивый ученый, защитил кандидатскую, а позже и докторскую. А.А.Кожевников был терпимым человеком. Помню, я его

критиковал на партсобрании института, но наши отношения не испортились, остались дружескими и деловыми, мы ходили друг к другу в гости. Дружили семьями и после того, как он перестал заведовать.

Я дружил в институте с многими преподавателями специальных дисциплин. Особенно теплые отношения у меня сложились с профессором Михаилом Михайловичем Вересиным, известным лесоводом. Мы с ним даже стали соавторами - написали вместе брошюру о замечательных и необычных деревьях - что о них говорит наука и религия. Эта брошюра вышла двумя изданиями - в 1984 и 1985 г. Брошюра носила атеистический характер. Думаю, что если бы М.М.Вересин был бы сейчас жив, он не изменил бы своим атеистическим взглядам, как это, к сожалению, сделали многие бывшие атеисты.

Хочу сказать и об одной очень талантливой женщине, с которой вместе работал на кафедре - Юлии Аркадьевне Афанасовой. Она очень интересный, думающий философ. К сожалению, домашние условия не позволили ей стать известным ученым, не дали возможности написать докторскую диссертацию. Но ее кандидатская диссертация и подготовленная на ее основе книжка «Относительная самостоятельность государства» заслуживает самой высокой похвалы. Один известный московский философ не советовал Ю.А.Афанасовой браться за такую тему - говорил, что тема трудная и скользкая, но Юлия Аркадьевна его не послушала и сделала прекрасную работу. Потом журнал «Философские науки» напечатал положительную рецензию на ее книгу.

Хорошим мой товарищем стал Юрий Николаевич Строков. На нашей кафедре он стал профессором, заведовал кафедрой. По доброму относился и продолжает относиться ко всем коллегам.

Не могу не отметить и крепкий тыл нашей кафедры - замечательных лаборантов А.Д.Шестопалову, Н.А.Миронову, Л.М.Рязанцеву, с которыми было легко и надежно работать.

На кафедре у нас была дружная, деловая, теплая и вместе с тем требовательная обстановка. На работу хотелось идти, это был наш второй дом. Пусть и дальше царит на кафедре дух дружбы и товарищества! Будьте все здоровы, мои дорогие товарищи!

Вот и заканчиваются мои воспоминания. Мои записки о прошлом, по-моему, подтверждают мысль Е.Евтушенко, которую я выбрал эпиграфом к первой части своих воспоминаний - «людей неинтересных в мире нет». Я рассказал о многих людях, с которыми встречался, о своих родных - простых, рядовых людях, о своих товарищах - они все заслуживают памяти, рассказа о них или упоминания.

Еще я хотел своими записками сказать, что совсем не стыдно быть «миобом» - надо заботиться о своей семье, любить ее, заботиться о своих родственниках, дружно жить с ними. Некоторые называли в наше время

заботу о семье мещанством, обывательщиной - я с этим не согласен. Семейные заботы, радость семейной жизни, воспитание детей и забота о них очень важны для человека и вовсе не противоречат его общественной сущности, не противоречат общественному предназначению человека.

В первой части своих воспоминаний я рассказал о своей общественной жизни, о людях, которых я встречал и о событиях, которым я был свидетелем. В этой части я рассказал о своей личной жизни, своей семье.

Я написал эти воспоминания для себя - многое вспомнил, осознал, передумал, пока работал над ними. В пожилом возрасте это полезно и даже, думаю, необходимо.

Я написал эти воспоминания для своих детей - они меня просили об этом, им интересны подробности моей жизни.

Я написал эти воспоминания для своих друзей и знакомых - я часто рассказывал им о тех или иных событиях в своей жизни, а теперь я рассказал об этом подробно.

Возможно, и кому-то из тех, с кем я не знаком, будет интересно перелистать мои воспоминания - может быть, им станет что-либо понятней из нашей истории, которой я был свидетелем на протяжении 90 лет своей жизни.

Надеюсь, что я не утомил читателя своими воспоминаниями.

Мне 90 лет... Я соблюдаю режим, принимаю лекарства, играю в прятки со старой ведьмой. В конце концов, она меня поймает - никто еще от нее не ускользал. Вопрос - когда.

Хочется, пока можно, оставаться вместе с вами - моими родными и близкими, с моими товарищами, со всеми, с кем мы вместе прожили мою долгую жизнь. Спасибо вам всем!

Диалектика прошлого

2001 г.

От автора. Перечитывая написанное...

Вот и начался новый, 21-ый век, новое третье тысячелетие. Прошлый век и прошлое тысячелетие ушли в историю. Но для того, чья большая часть жизни прошла в уже прошлом веке - а я родился в 1909 г., мне 92 года, то время не стало дальше, а может быть даже и приблизилось - силой памяти, силой воспоминаний.

В своей памяти я продолжаю возвращаться к тому времени, в котором протекала моя активная жизнь. Я продолжаю размышлять о своей жизни, о том, что я видел, чему был свидетелем, в чем принимал участие.

Я уже опубликовал две части своих воспоминаний. Первая часть была посвящена основным событиям моей жизни, вторая - моей семье и моим друзьям, моему «пенсионному периоду».

Когда я писал первую часть своих воспоминаний, я не предполагал, что жизнь (и мои родные) «подвигнут» меня на написание и второй части. Но она получилась, и я получил немало добрых откликов о ней. И вот я опять решил продолжить свои воспоминания ...

В третьей части своих воспоминаний я хотел бы поделиться с читателем размышлениями над теми публикациями, которые я написал в разные периоды своей жизни, своими размышлениями и воспоминаниями о том, какие события послужили поводом для той или иной газетной или журнальной публикации, какие события были связаны с самой публикацией. Хочется также поразмышлять о том, что осталось актуальным из того, о чем я писал 20, 30 и 40 лет назад.. Удивительно, но многое осталось!

Я перечитываю то, что сохранилось у меня в папках, и вспоминаю то время, когда это было написано и опубликовано. Какое же это, оказывается, увлекательное занятие - читать свои старые публикации, просматривать старые пожелтевшие газеты, брать в руки истрепанные вырезки из газет! Многие публикации несут отчетливую печать своего времени, и этим они интересны для современного читателя. Именно поэтому мне и захотелось рассказать о них.

У меня сохранилась также папка рукописных статей и писем в газеты, материалов, которые я подготовил по некоторым вполне конкретным поводам - какое-либо яркое и взволновавшее меня общественное событие, какая-нибудь дискуссионная статья в газете - эти заметки, письма, небольшие статьи я написал и отправил в редакции, но они не были опубликованы по тем или иным причинам. Сохранились интересные письменные отказы в публикации, содержание которых тоже несет на себе печать времени.

Эти материалы - тоже свидетельство прошлого, и не хотелось бы, чтобы они так и остались пылиться в папке. Возможно, они смогут добавить читателю какие-то штрихи к картине того времени, которое мне довелось пережить.

Многие материалы я считал недостаточно интересными для современного читателя, но мои дети настояли на том, чтобы они были включены в книгу - как они говорили, «как документы семьи и эпохи». И я решил подготовить третью часть своих воспоминаний - воспоминания о моих публикациях и том, что с ними связано, с небольшими комментариями - размышлениями по их поводу. Это результат осмысления того, что я когда-то написал.

Хочется верить, что эти события моей жизни будут тоже интересны для читателя.

А. Стернин
Июль 2001

Как учить студента

В этом разделе воспоминаний я хочу рассказать о такой важнейшей стороне работы преподавателя как методика. Мне кажется, что несмотря на значительные изменения в содержании тех предметов, которые я преподавал, несмотря на изменения в подходах, многое из того, чтобы было нами накоплено в предшествующий период, может пригодиться и сегодня, на новом этапе развития. Актуальным остается стремление к активизации обучения, стремление доходить до каждого студента, борьба с догматизмом, консерватизмом в преподавании, пустым формализмом в обучении. Я говорю об этом, исходя из опыта своей педагогической работы.

Мой педагогический стаж - достаточно солидный. Начал я учительствовать в 1939 г. в Москве, потом работал в Ярославском пединституте и Воронежском лесотехническом институте. Об этом я писал в первой книге своих воспоминаний. На пенсию вышел в 1976 г., так что мой педагогический стаж - 37 лет.

Преподавал я русский язык и литературу, логику, психологию, научный атеизм, философию. К логике я однажды вернулся уже после выхода на пенсию - прочитал курс логики для учителей на курсах Воронежского института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Передо мной прошли сотни учеников, а потом и студентов, которых я должен был научить. Преподавание мне всегда очень нравилось, я всегда преподавал с удовольствием. Кстати, эта любовь передалась и детям - и сын, и дочь начали, как и я, со школы, а теперь преподают в университете.

Я все время старался совершенствовать свои уроки и лекции. У меня было правило - я не шел на занятие, на лекцию, если не внес в нее что-либо новое по сравнению с предыдущим разом, что-то не изменил в ней - хотя бы порядок изложения материала.

Мне очень нравилось, когда мои лекции вызывали живую реакцию, вопросы, когда, случалось, студенты со мной спорили. Я посвятил методике значительную часть своей педагогической деятельности.

Я довольно много экспериментировал в процессе преподавания, и у меня стало привычкой после завершения эксперимента писать о своем опыте. Многие методические задачи, которые я перед собой ставил, давали толчок и моей научной работе, превращались в методические брошюры и книжки. В Ярославле я подготовил методическую разработку по изучению «Материализма и эмпириокритицизма» В.И.Ленина, потом она стала книжкой, которая выдержала несколько изданий и была переведена на несколько языков. В Воронеже превратилась в брошюру моя разработка для студентов по изучению «Манифеста коммунистической партии».

Перечитывая сейчас свои публикации, я нашел несколько методических заметок и статей, которые, как мне показалось, еще могут пригодиться нынешним преподавателям - в них есть опыт, в них есть некоторые, как

мне кажется, удачные находки. Интересны они и в историческом плане - любопытно, какие проблемы стояли перед преподавателями, лекторами в тот или иной период развития нашей страны. Конечно, все эти статьи - «дети своего времени», но я подумал, что кое-что из них достойно того, чтобы познакомить с ним современного читателя. И я решил предложить небольшой обзор моих размышлений о методике преподавания, а также о вузовской в целом, приведя в извлечениях некоторые материалы, опубликованные ранее или по тем или иным причинам не опубликованные в свое время.

В январе 1957 г. в многотиражной газете Ярославского пединститута я опубликовал заметку под названием «Несколько советов», в которой советовал студентам, как надо готовиться к экзаменам.

В этом материале говорилось, в частности, следующее:

«Экзамены. Проходят годы, десятки лет, а все еще вспоминаешь порой, как сдал тот или иной предмет, гордишься пятеркой, смущаешься когда-то полученной тройкой.

Многие качества проверяются на экзамене: способности, трудолюбие, степень общего развития, даже честность в известном смысле. Проверяются и знание фактов, умение их осмыслить, грамотно, убедительно изложить.

Как же готовиться к экзаменам? Как добиться, чтобы от этих вех в студенческой жизни остались приятные, а не горькие переживания?

Лучший метод подготовки к экзаменам - это систематическая работа, правильное отношение к лекциям и семинарам. Для этого надо расстаться с привычкой быть на лекциях только усердными стенографистами, неистовыми писарями. Во время лекции надо вдумываться в смысл того, что излагается. Важно уметь конспектировать лекцию. Хороший конспект - это отнюдь не гладенькая, чистенькая запись, а тетрадь, испещренная заметками, вопросами, подчеркнутыми предложениями.

Полезно перед каждой новой лекцией прочитывать ранее сделанные записи. ...Суть непонятных положений надо выяснить с помощью лектора или обратившись к книге. Каждый должен считать для себя обязательным не употреблять слов и понятий, которых не можешь объяснить...

Я бы советовал весь материал к экзамену читать дважды. Один раз - медленно, глубоко вдумываясь в текст, снова и снова обращаясь к главным положениям... Полезно также наиболее трудные положения, формулы, схемы выписывать на отдельные листочки и часто на них «поглядывать»....Второе чтение должно быть коротким (день-полтора) и иметь целью охватить все прочитанное в главных чертах, как единое целое....

Очень важно правильно организовать свой отдых. Дни, проведенные безвыходно в комнате, и, тем более, бессонные ночи не только подрывают здоровье, но и редко дают успех на экзамене. Это же никогда не даст прочных знаний... Всю подготовку надо кончать за полдня до экзамена. Накануне, вечером, следует хорошо отдохнуть, пойти на каток,

погулять. У многих моих товарищей по институту было правило - в вечер перед экзаменом ни в коем случае не заниматься. Они гуляли, ходили в кино, на танцы. Я присоединился к их правилу и никогда не раскаивался. За вечер спадает напряжение. Как будто и забываешь все прочитанное. Но вот утром, волнуясь, берешь экзаменационный билет, садишься за стол - и в отдохнувшем мозгу все всплывает в памяти. ...Когда, например, уже зрелым человеком, я держал еще один экзамен: защищал диссертацию на звание кандидата наук, я вечер и утро накануне защиты не занимался. Вечером пошел в театр. И сейчас непосредственно перед каким-либо ответственным докладом или лекцией я никогда не занимаюсь: работа проделана заранее. Этот метод оправдывает себя. Попробуйте применить его, товарищи студенты».

В Ярославском пединституте я использовал такую форму работы со студентами, как систему межсессионных консультаций с маленькими группами (3-5 студентов). Кафедра приняла это нововведение, и мы стали все применять его. 3 июля 1961 года в «Правде» была опубликована моя статья, написанная в соавторстве с заведующим кафедрой Г.Стрельченко - «Работать с каждым студентом», в котором рассказывалось об этом опыте и вообще о нашем опыте тесного взаимодействия со студентами в течение учебного года. Приведу выдержки из этой статьи:

«В преподавании общественных дисциплин, на наш взгляд, имеется немало недостатков. Все еще не изжито начетничество в лекциях и школярство на семинарах. Зачастую преподаватели довольствуются лишь тем, что студенты заучивают материал и не стремятся выработать у своих питомцев стремление рассуждать, связывать полученные знания с жизнью.... Нечего скрывать, некоторые преподаватели просто боятся ставить плохие оценки на экзаменах

...По нашему мнению, наряду с лекциями и семинарскими занятиями следует непременно ввести систематические собеседования преподавателей со студентами. Эти беседы лучше проводить с небольшими группами студентов по наиболее важным темам курса.

Значительно больше внимания надо уделять публичным выступлениям студентов. Именно такие выступления, когда приходится перед аудиторией отстаивать свои взгляды, будут подлинным экзаменом для молодого человека. Мы полагаем, что за время пребывания в вузе каждый студент должен выступить с одним-двумя развернутыми докладами на семинарах по общественным дисциплинам. За эти доклады надо ставить оценки.

...Но главная практика публичных выступлений студентов... должна вестись на предприятиях, в школах. В ней должны участвовать решительно все будущие специалисты.

... Наша кафедра вовлекает в лекционную пропаганду и заочников. Контрольные письменные работы по историческому материализму на пятом курсе, к примеру, были заменены заданием: подготовить и прочитать лекцию по поручению Общества по распространению

политических и научных знаний Кафедра разработала тематику этих лекций... В результате студенты-заочники прочитали более 100 лекций...

...Наш долг - всемерно улучшать индивидуальную работу с каждым студентом». Последняя мысль особенно значима для нашего времени.

Обратимся к другой публикации. В 1969 году в московском журнале «Вестник высшей школы» (№7) была опубликована моя небольшая статья «Лектор отвечает на вопросы». В ней описывается опыт работы с письменными вопросами студентов (у меня к тому времени их накопилось более 300 - по философии и атеизму). В этой статье я убеждал своих коллег в важности и необходимости того, чтобы студенты задавали вопросы на лекции:

«Психологи давно установили, что разумные вопросы появляются у людей тогда, когда они начинают разбираться в деле. Известно из педагогической практики, что вопросы задают обычно наиболее подготовленные студенты, осмысливающие материал и желающие глубже разобраться в нем...Никак нельзя согласиться с теми преподавателями, которые полагают, вопросов нет - значит материал прочно усвоен.

Вопросы студентов позволяют выяснить, думает ли студент над материалом или равнодушно, не думая, записывает лекцию; как понимает студент сказанное лектором, что из сказанного требует дополнительного разъяснения; как студент связывает сообщенные лектором положения с данными специальных наук, с фактами общественной жизни.

Получая достаточное количество вопросов и отвечая на них, лектор становится ближе аудитории, лекция превращается из одностороннего монолога в своеобразный диалог. Такое общение -важный момент обратной связи в процессе обучения.

..Ответы на вопросы требуют определенного такта со стороны преподавателя. Бывает, что вопрос задан не совсем ясно. Иногда он свидетельствует о неправильном понимании проблемы Терпеливо выслушивая студента, а затем терпеливо разъясняя ему суть дела, преподаватель устанавливает надежный контакт с аудиторией. Уважение к личности студента, которое преподаватель проявит в беседе, оказывает большое воспитательное воздействие.

Отвечать на вопросы можно, как показывает практика, не только в конце лекции, но иногда и в ходе ее, если ясно, что без ответа на данный вопрос студент, а то и целая группа не поймет дальнейшего изложения,

...Естественный интерес проявляет молодежь... к проблемам морали, развития личности, любви, семейных отношений. Отвечать на них необходимо. И нам представляется, что лучше это делать на лекциях, где обстановка организованности и учебной дисциплины, психологической настроенности располагает аудиторию к наилучшему усвоению...».

В 1976 г, в год моего ухода на пенсию, «Коммуна» опубликовала мою статью «Сумей убедить». В ней я писал о том, как должен читать лекции пропагандист Я использовал в этой статье прежде всего свой педагогический опыт.

В статье говорилось об умении работать с вопросами аудитории. ... Ко всем из них следует отнестись внимательно, в том числе и к тем, в которых выражается несогласие с положениями лекции. Если вопрос не совсем ясно сформулирован, ни в коем случае не следует рассказывать в первой части своих воспоминаний). У меня сохранился членский билет кружка, который мы торжественно вручали каждому члену. Хорошо помню, чего мне стоило в период войны напечатать в типографии эти билеты! Он был напечатан на тетрадной бумаге в линейку, серый, невзрачный. Но это был настоящий членский билет!

В Ярославском пединституте я вел философско-атеистический кружок - на филологическом факультете и логический - на отделении логики.

Однажды мы с атеистическим кружком выступали на фабрике «Красный перекоп», а организовала наше выступление, встречала и провожала нас Валентина Терешкова, будущий космонавт - она тогда была там секретарем комсомольской организации.

В Воронеже в лесотехническом институте ряд лет у меня работал философский кружок.

Преподаватель должен иметь группу единомышленников из наиболее способных учеников или студентов, интересующихся его предметом, они должны иметь возможность больше общаться с ним, а он - с ними.

Какие же методические выводы я могу сделать из своего педагогического опыта?

Преподаватель должен быть как можно ближе к студенту, учитель - к ученику, причем в течение всего периода обучения.

Желательно, чтобы каждый преподаватель имел кружок из своих студентов или учеников.

Каждое занятие должно содержать что-то новое для самого преподавателя.

На все вопросы студентов на лекции необходимо обязательно ответить, даже если они прямо не связаны с темой лекции.

Студенты и учащиеся должны получать обязательный опыт публичных выступлений. И еще я хочу несколько слов сказать о нашей вузовской системе в целом. Тот, кто хорошо знаком с вузовской жизнью, знает, сколько проблем у современного вуза - приемные экзамены, успеваемость студентов, проблема свободной посещаемости, льготы при поступлении и многое другое. Вузовская система, как и система нашего образования вообще, всегда отличалась заметным консерватизмом, изменения в нее проникали мало, а если и изменялось что-то, это было обычно результатом каких-либо решений наверху, не всегда удачных, особенно по исполнению. Вузовская общественность мало участвовала в решении вузовских проблем.

Но вот началась перестройка, и появились надежды, что можно изменить что-то и снизу. В вузах активно начали обсуждаться злободневные проблемы нашего «цеха», печать стала публиковать разные точки зрения, разные предложения по реформированию системы

вузовского образования. Я тоже принял участие в обсуждении этих проблем.

В моих архивах сохранился материал, датируемый 1985 г., который я с недавню с интересом перечитал. Он интересен тем, что в нем содержались предложения по наиболее дискутировавшимся в тот период вузовским проблемам, и мне любопытно стало сравнить эти проблемы с современными - какие проблемы из волновавших меня и моих вузовских коллег 15 лет назад, сейчас решены, а какие остались нерешенными.

Этот материал - письмо, адресованное отделу высших учебных заведений обкома КПСС (июль 1985 г., с некоторыми сокращениями),

«Как старый преподаватель вуза (мой стаж в вузах - 37 лет) хочу внести некоторые предложения об улучшении работы в наших высших учебных заведениях.

1. Современное состояние дел в вузах вызывает серьезную озабоченность. Как правило (а не исключение), в вузах существует заниженная требовательность к студентам, завышение оценок, боязнь отсева студентов. Министерства требуют неуклонного повышения успеваемости, хотя знают, что конкурсы в технические вузы уменьшаются, требуют недопущения отсева, хотя знают, что контингент во многие вузы поступает слабый. Понятно, что этим министерства толкают вузы на процентоманию, толкают преподавателей на крайне вредное в деловом и нравственном отношении завышение оценок. В вузах нередко «прорабатывают» за «неуды» хорошего специалиста-педагога и оставляют в покое человека мало квалифицированного и недобросовестного в труде, если он дает благополучную картину успеваемости. Вот это надо прекратить в первую очередь, если мы хотим выпускать из вузов людей, действительно достойных своего диплома

Планы набора студентов, возможно, надо сократить... В вузах, где ряд лет крайне низок конкурс, следует непременно сокращать план набора, чтобы поступали в вузы только подготовленные люди. Возможно, следует установить для каждой специальности твердый минимальный проходной балл, ниже которого на обучение данной специальности студент не допускается. Допустим, на данную специальность не допускается абитуриент, набравший при четырех экзаменах менее 15 баллов. Это избавит вузы от положения, когда они вынуждены принимать на обучение абитуриентов, сдавших на одни «тройки» и не имеющих никаких перспектив на обучение выше «троечного», т.е. малоквалифицированного уровня.

2. Должна быть решительно улучшена система семинарских, практических и лабораторных занятий. Именно там можно проконтролировать каждого студента, учить его учиться, влиять на него и в интеллектуальном и нравственном отношении. Желательно, чтобы группы были немногочисленны по составу, чтобы было в них не

более 10-12 человек.

Системы индивидуального подхода еще нет, ее надо создавать, но без нее не будет достаточно существенно повышен весь учебно-воспитательный процесс. Надо, чтобы кто-то глазами старшего наблюдал за тем, как растет каждый студент, учится ли самостоятельной работе над специальной литературой, читает ли художественную литературу, приобретает ли навыки пропагандиста и организатора. Заслуживает внимания такая немаловажная деталь, как орфографическая грамотность будущего специалиста: недопустимо выпускать из вузов людей, пишущих с грубыми ошибками, что сплошь и рядом бывает.

3. Следует продумать вопрос о роли и месте лекции в системе обучения. При всем большом познавательном и воспитательном значении лекций надо учитывать, что лекция сравнительно пассивная форма обучения. Сейчас посещение лекций студентом считается чуть ли не главным признаком его дисциплинированности и хорошего отношения к учебе. Представляется, что обязательное посещение лекций надо значительно сократить, а то и вообще отменить. Строго обязательными должны быть только семинарские и практические занятия, где проверяются действительная работа студента, а не фиксируется только его присутствие.

Освобождение от обязательного посещения лекций повышает, а не понижает требовательность к студентам, возлагая на них обязанность самим выбирать форму изучения предмета - через лекции или с помощью учебников или сочетать то и другое.

Отмена обязательности посещения лекций может положительно сказаться и на работе преподавателей. Лектор обязан будет повышать свое лекторское мастерство, если хочет иметь слушателей. Количество преподавателей, занятых лекциями, очевидно, сократится, можно незанятых лекциями преподавателей шире использовать для индивидуальных консультаций, для организации подлинно научной работы студентов, для руководства рефератами, дать время для научной работы.

Отмена обязательного посещения лекций означало бы известную демократизацию обучения, проявление подхода к студентам как к людям взрослым, имеющим право выбирать форму своего обучения специальности. А известно, что доверие, как правило, ведет к возрастанию ответственности лиц, которым доверяют. Думаю, что наши студенты, особенно, если мы будем правильно подбирать их контингент, правильно будут реагировать на новое положение с лекциями.

4. Надо тщательно исследовать, какой эффект дает широко развитое у нас заочное образование,

Представляется, весьма сомнительным, чтобы студенты-заочники, имеющие в своем распоряжении в 3-4 раза меньше времени для учебных занятий, чем студенты стационара, могли успешно осилить ту же программу, что предлагается студентам стационара. В заочном обучении

господствует еще более значительное завышение оценок, чем на стационаре. Наши министерства и здесь требуют от ректоров и деканов не допускать отсева, хотя на заочное обучение, как правило, поступают люди с более слабой подготовкой, чем на стационар.

Заочное образование надо сокращать, принимать туда только людей наиболее способных, целеустремленных, способных выдержать громадную нагрузку учебной и производственной работы. Полагаем, что несколько сократив сеть заочного обучения, мы должны для тех, кто способен обучаться заочно, создать более благоприятные условия: проводить более длительные сессии, создавать больше консультационных пунктов с выездом туда преподавателей, а еще лучше создать своего рода очно-заочную систему.

6. Надо рассмотреть также вопрос о подготовительных отделениях при институтах, называемых обычно рабфаками. Окончившим эти отделения предоставляется право внеконкурсного зачисления в институт, это право распространяется и на тех слушателей, которые учились на одни тройки. Такие отделения созданы с целью улучшения социального состава студентов за счет рабочих и колхозников, принимаемых на курсы. Однако подлинного улучшения социального состава студентов не получается, так как очень многие слушатели имеют всего один год работы на производстве, по существу не имеют жизненного опыта, производственной закалки. Льготы при поступлении в института они получают формально правильно, а по существу - без всяких истинных заслуг. Если учесть, что и здесь по указаниям министерств ведется борьба с отсевом, и каждый поступивший уже гарантирован тройкой для поступления в институт, то неудивительно, что многие слушатели подготовительных курсов учатся крайне недобросовестно. А поступив в институт - слабо. Надо продумать меры, обеспечивающие поступление в институт за счет подготовительных отделений действительно в социальном смысле ценного пополнения из числа способных и трудолюбивых производственников».

Вот такие предложения я вносил в июле 1985 г. Ответа из обкома я не получил - мои предложения, направленные в обком КПСС, остались без ответа. Но проблема набора в вузы, проблема отсева, проблема активизации работы с каждым студентом, вопрос о сокращении лекционных часов для увеличения практических и семинарских занятий, вопрос о повышении требовательности к студенту и многие другие вопросы так и остались нерешенными, они актуальны и в сегодняшней вузовской практике. Видимо, решение этих вопросов - все еще дело будущего. Хочется надеяться - не такого уж далекого. Хотя кто его знает...

Диалог с писателем

Я всегда интересовался художественной литературой, полагая, что они - брат и сестра: литература и философия. Всегда хотелось быть активным читателем. Таким я и был, вступая в переписку с Эренбургом, о которой

уже писал в первой части моих воспоминаний. Здесь я хочу рассказать о своем диалоге с писателем Василием Беловым.

Помню, как жаловались многие наши писатели, что их в период застоя не печатали, не давали слова, заставляли многое изымать из текста, как их давила цензура.

Но вот началась перестройка, появилась свобода слова, и мы все думали, что сейчас наши писатели смогут, наконец, сказать все, что они думают, что их творчество расцветет как никогда. Но оказалось, что некоторые наши ведущие писатели, когда им, наконец, предоставили слово и они получили возможность сказать все, что они думают, стали высказывать такие мысли, которых мы от них никогда не ожидали.

Я помню, с каким интересом мы все читали произведения Василия Белова, когда они выходили. Доставали его книжки, восхищались его языком, простотой и глубиной сюжетов, его замечательными героями - простыми русскими людьми. Это был глоток воздуха в застойный период. На меня, как и на многих других, очень большое впечатление произвели многие его произведения. В 1982 г. в «Роман-газете» вышли его «Повести», и я написал автору письмо. Поводом были некоторые моменты в повести «Привычное дело», которые меня тогда насторожили - я считал, что такой большой писатель не должен был бы допускать подобных ошибок. И я в сентябре 1982 г. послал писателю такое письмо:

Уважаемый Василий Иванович!

Прочитал в «Роман-газете» №№ 13-14 за 1982 год Ваши «Повести».

Захотелось высказать некоторые впечатления и пожелания.

Вполне согласен с А. Овчаренко, который высоко оценивает Ваши произведения. Заслуженно это. Мне особенно понравилось «Привычное дело». Хороши «Плотницкие рассказы», известные уже всей стране по телевизионным передачам с участием гениального артиста Б. Бабочкина, исполнявшего роль Смолина. В этих рассказах симпатичным и душевным выглядит Зорин, чего нельзя сказать о его проявлениях в других Ваших произведениях. Очень интересна «Моя жизнь», автобиография женщины. Неожиданной стороной обращается жизнь женщины, которая к сорока годам оказывается одинокой, с двумя детьми, и совершенно не понимает причины своего одиночества. Очень удачно характеризует ее душевную тупость восклицание по адресу мужа (который с душевной болью уходит от нее, покидая своего сынишку и приемную дочь, которую полюбил): «Только тогда я окончательно поняла, какой он подлец». А он никакой не подлец, этот славный парень, хотевший спокойной семейной жизни. Здорово Вы показали, как глубоки могут быть заблуждения людей, когда судят они со своей невысокой колокольни. Мне кажется справедливым, что повесть как бы обращена к женщинам: смотрите, не только мужчины, но и женщины иногда служат причиной разрушения семьи. Психологически хорошо показано, как женщина себе все позволяет (и измену, и нечестность на работе), ни в чем не осознает своих ошибок, а нетерпимость к этим ошибкам принимает со злостью, как

несправедливость, даже подлость.

Теперь некоторые замечания и пожелания.

Почему все герои у Вас, как симпатичные, так и не совсем симпатичные так много внимания уделяют выпивке? Восемь произведений собраны в «Роман-газете», и везде герои сильно пьют, и деревенские и городские, и мужчины и женщины. Даже умные герои «Плотницких рассказов» раскрываются только при подпитии. Почему так? Вот у Тургенева крестьяне философствуют, излагают свое жизненное кредо без такой подмоги. («Хорь и Калиныч» и многие другие). И у Бунина, и у Шолохова, линию которых Вы продолжаете, как пишет А. Овчаренко, нет такого обилия выпивающих А так как писатель Вы умелый, то иногда получается просто романтизация нетрезвого состояния у вполне хороших людей И невинно выглядят безобразные действия пьяного тракториста Мишки из «Привычного дела». А вы знаете, сколько невольных, а иногда и сознательных преступлений совершают в деревне пьяные трактористы, сидящие за рулем сильной машины. Конечно, бывает что очень содержательный и даже благородный человек чрезмерно привязан к бутылке, но и в этом случае такую привязанность надо, мне кажется, показывать как слабость угрожающую всем хорошим душевным качествам личности.

Надо понять, что пьянство представляет государственную опасность: больше половины всех преступлений совершается в пьяном виде, и 90% всех тяжелых преступлений. Инженеры душ не могут быть простыми фиксаторами слабостей, а должны как-то предупреждать милых носителей этих слабостей о могущих наступить последствиях этих слабостей. ...

Конечно, я не хочу подавать советы, какие иронически высмеял Поэт в стихотворении «Сергею Есенину»: «Дескать, заменить бы вам богему классом, класс б влиял на вас, и было б не до драк». Причина бутылочного магнетизма сложная, особенно у людей, например, творческого труда. И тем не менее хватит нам умиляться шуткам и «философским» разглагольствованиям подвыпивших лиц. И не может быть такого положения, что в каждом произведении отводится дежурное место добродушным выпивохам.

И еще одно замечание, косвенно связанное с первым.

Ваш Зорин, ушедший из семьи (в чем виновата и его несимпатичная половина, хотя Зорин своим пьянством давал ей повод для выигрышных и по-своему справедливых обвинений) ночует у друзей (у каждого не более двух раз). «После двух ночей, проведенных в благочинной фальшиво-доброжелательной атмосфере еврейской семьи, Зорин ушел ночевать к дяде Паше». Мне кажется бестактным такая характеристика семьи, именно как еврейской. Подумайте, как звучало бы, если бы сказали - фальшиво-доброжелательная русская семья, татарская, армянская - а ведь семья любой национальности может обладать такими несимпатичными качествами.

В.И. Ленин в письме «К вопросу о национальностях» или об «автономизации» писал, что не следует допускать нечеткости в высказываниях по национальному вопросу даже в виде шутки, даже по небрежности. Небрежность с Вашей стороны есть здесь налицо. Конечно, могут быть (и наверняка есть) несимпатичные еврейские (как и многие другие) семьи, но зачем подчеркивать в данном случае национальную принадлежность семьи?

... Надеюсь, Вы не обидитесь на мои критические замечания, даже если с ними не согласитесь. Такова судьба писателя: он выходит на суд всех. Желаю успехов Вам в работе.

2.09.1982.

Писатель Белов ответил мне - прислал открытку, в которой написал:

Уважаемый Абрам Осипович!

Спасибо за письмо. С критикой согласен. Постараюсь не повторять ошибок. Желаю Вам всего самого хорошего.

В. Белов. 23 сентября 82 г.

Не скрою, мне было приятно, что писатель так быстро ответил мне, признал критику. Я подумал, что это признак действительно умного, интеллигентного человека, настоящего писателя и гражданина.

Но вот началась перестройка, и мы с удивлением стали слышать неожиданные и даже шокирующие высказывания наших литературных кумиров. Это послужило поводом моего письма в редакцию «Огонька» - в тот период самого прогрессивного и демократичного издания в нашей стране:

Что обещал и что делает писатель В.Белов

Меня натолкнуло на эту заметку антиинтернациональное выступление писателя Василия Белова на пленуме Союза писателей РСФСР в ноябре 1989 г. Поразило меня также уклонение писателя на пресс -конференции в феврале этого года (1990) от прямого ответа на вопрос: как он относится к шовинистическим призывам «Памяти». За мужчин-писателей Белова и Викулова пыталась на пресс - конференции ответить женщина-критик Татьяна Глушкова, уходя в сторону от вопроса.

В связи с этими событиями я и вспомнил письмо, которое получил от В. Белова около восьми лет назад, в сентябре 1982 г. Оно было ответом на мое обращение к писателю, в котором я, отдавая должное высокому мастерству Белова, упрекнул его в некоторых ошибках, в частности, в пренебрежительной характеристике еврейской семьи, где не понравилось ночевать герою его произведения Зорину, сильному поклоннику Бахуса.

Тогда В. Белов написал мне: «Уважаемый Абрам Осипович! Спасибо за письмо. С критикой согласен. Постараюсь не повторять ошибок. Желаю Вам всего самого хорошего».

Как же случилось, что на пленуме Союза писателей В. Белов выражал совершенно противоположные мысли, был одним из закоперщиков разжигания ненависти на пленуме? На это разжигание справедливо указывал писатель М. Дудин. Верно писал о позиции Белова критик Е. Сидоров в «Литературной газете» 6.12.1989 г.: «Добро бы какая-нибудь бездарь, у которой нет иного способа самоутверждения, но Белов, Распутин ... Непостижимо и горько!»

Что случилось с Беловым? Почему он говорил одно, а делает другое? То ли это эволюция - в данном случае от хорошего к плохому, то ли в 1982 году Белов в своем письме просто кривил душой? Любой из этих вариантов не украшает ни писателя, ни политического деятеля, каким В. И. Белов является.

Почему, все-таки, Василий Иванович, Вы в письме ко мне говорили одно, а делаете сейчас другое?»

Мое письмо в «Огоньке» не было опубликовано, и от В.Белова на этот раз я не получил никакого ответа. Это, впрочем, неудивительно. И вот о чем я подумал в связи с этим. Все-таки как замечательно, что у нас появилась истинная свобода слова. Она дает нам не только прекрасную возможность высказать и услышать умное, гуманное и доброе, но и возможность узнать известного человека во всей противоречивости его личности и таланта, дает нам возможность увидеть в человеке то ошибочное или недоброе, что таится до времени в его душе, даже в душе такого талантливой человека, как писатель В.Белов.

Письма редакторам

Наша семья всегда выписывала газеты по интересам. Я как преподаватель общественных наук выписывал официальные газеты - «Правду» и «Коммуну», дети - «Молодой коммунар», «Комсомольскую правду», какое-то время - «Советскую Россию», «Известия».

Печать была в период 50-70-ых гг. большой силой, она формировала и выражала официальную точку зрения, ее внимательно читали, опубликовать что-либо в газетах считалось почетным. На газетную критику принято было реагировать, сообщать о принятых мерах.

Когда началась перестройка, печать изменилась. В условиях свободы слова она стала, естественно, свободней. Газеты стали предоставлять слово выразителям разных точек зрения, но ответственность газеты за опубликованные материалы снизилась. В результате в уважаемых газетах стали появляться материалы, которые, с моей точки зрения, просто нельзя было публиковать без комментария редакции, без выражения отношения к содержанию таких материалов.

Изменились и приоритеты старейших газет, в первую очередь — «Правды». В ней стали появляться непродуманные, конъюнктурные материалы, которые никак нельзя было представить в прошлом. Газета старалась бороться за тираж, пыталась завоевывать заново симпатии

читателей, но, с моей точки зрения, старого газетчика, стала допускать «послабления» в качестве материалов, однобокость в тематике выступлений. Об этом я написал тогдашнему главному редактору «Правды» Г.Н.Селезневу:

«Уважаемый тов. редактор!

Как старый учитель и подписчик "Правды" хочу сказать несколько слов о материалах сегодняшней "Правды". Вы печатаете правдивые и глубокие статьи с оценкой нынешнего положения в стране. Спасибо вам за это! Среди последних удачных материалов выделяется статья академика В. Коптюга "Споткнулись на пороге XXI века" (13 августа 1992 г.) Автор очень четко выяснил позицию сегодняшнего руководства России, показал, что вместо реформы нашего строя, которую желал и поддерживал народ, команда правителей пытается провести смену общественного строя, на что ей народ мандата не давал. Нас тащат к капитализму, хотя термина этого - капитализм - и не употребляют.

Много обоснованных статей печатается в газете по проблемам социальной защиты населения, против обнищания, против бешеной гонки цен. Справедливы постоянные призывы к национальному примирению, к ликвидации межэтнических конфликтов, к восстановлению мира и дружбы, существовавших на территории СССР до раздела этого государства, учиненного волонтеристами. За такие материалы еще раз благодарность газете.

Однако и "Правда" не без греха. Некоторые номера газеты выглядят чересчур уж мрачно, заполнены сплошь описанием бед и невзгод народных. Неужели ни одного светлого пятна нет в нашей жизни? Хорошо бы показать такие светлые уголки, показать людей, которые на предприятиях, в колхозах, совхозах умеют все же добиваться хороших результатов, приносить пользу людям. Славные деятели и сегодня есть и на ниве культуры, и в промышленности, и на сельской ниве. «Правда» правильно выступает против очернения всего прошлого в нашей жизни. Может быть, не стоит в черных красках изображать и сегодняшний день? Находить в нем доброе, светлое.

И еще одно замечание. Газета неправомерно выделяет и по существу идеализирует одну конфессию - православие. Это может вызвать негативную реакцию населения других конфессий - мусульман, буддистов и других, объективно содействовать углублению национальных противоречий. В претензии могут быть и протестантские организации - баптисты, адвентисты и другие, которые охватывают известную часть и русского народа.

Непонятно, почему газета воспроизводит байки о чудесах, якобы происходящих вокруг православной церкви (появление самозажигающегося огня на Пасху в Иерусалимском православном храме; появление радужного огня на небе при внесении в храм мощей Серафима Саровского). От авторов статей по вопросам религии следует требовать, чтобы они отделяли позитивное содержание религиозных учений,

общечеловеческие ценности, проповедуемые религией, от религиозных мифов. Если же об этих мифах надо рассказать по замыслу статей, то редакция должна указать, что рассказы о чудесах - это позиция автора.

Религию надо принимать как единство мифов, обрядов, эмоциональных переживаний, определенного нравственного учения. Что-то из этого конгломерата идей можно принять, а что-то принять нельзя. Говорить о религии без указания отношения к ее отдельным частям - это неправильно. Этого нельзя допускать в газете, которая в каждом номере напоминает читателям, что она основана по инициативе В. И. Ленина, который к идеологии религии относился весьма негативно.

Нечеткость в понимании религии имеется в статье А. Печерского «Преображение», напечатанной в «Правде» 22 августа 1992 г. (Кстати, обязательно ли «Правде» откликаться на все православные праздники, как она это делает сейчас?)

Автор статьи справедливо выступает против разгула оккультизма, но противопоставляет ему религию. Такое противопоставление неправомерно, ведь оккультизм есть прежде всего система обрядов, действий и ритуалов, с помощью которых человек, якобы, связывается с потусторонними силами и может получить от них желаемую помощь. Но любая религия в той или иной форме содержит определенные обряды и ритуалы. В христианстве, в частности, как и в других религиях, в исламе, в буддизме, в иудаизме система обрядов довольно развита. Нельзя критиковать оккультизм, оставляя в стороне религию, весьма близкую оккультизму.

Был период неверного и жестокого отношения к вере и верующим. С начала перестройки эти ошибки стали решительно исправляться и в значительной степени исправлены. Значит ли это, что нам надо удариться в другую крайность - восхвалять и принимать все то, что провозглашает религия?

Укажу еще одну неверную мысль, которая содержится в ряде статей, в частности, в статье «Кому мешает православие?» В этих статьях сквозит отрицательное отношение к экуменизму - течению, стоящему за объединение всех христианских конфессий.

Но экуменизм, по моему мнению, не заслуживает такого сплошь отрицательного отношения, он выражает в теологической форме идею сближения народов. Несомненно, такая идея содействует миру и безопасности. Противоречия отдельных конфессий христианства в прошлом приводили ко многим жертвам и столкновениям, вспомним, например, кровавое побоище между католиками и протестантами, вошедшее в историю под названием Варфоломеевской ночи. Да и в наше время бывают столкновения на религиозной почве. Так, десятки лет воюют между собой протестанты и католики в Ольстере. А на Украине происходят в настоящее время стычки между православными и униатами - сторонниками католического учения.

Было бы желательно, чтобы редакция «Правды» более продуманно

относилась к публикациям на религиозные темы. Некритическое отношение к религии, определенная «теологизация» газеты могут оттолкнуть от нее многих читателей, что было бы нежелательно, так как общественно-политическая позиция газеты прогрессивна и справедлива».

24.08.92

Ответа на свое письмо от редакции я не получил. Кстати, раньше, в период застоя, такое было невозможно - с читателями редакция обязательно вела переписку, реагировала на их предложения, отзывы, замечания. Это тоже характерная черта «новой прессы» - она стала свободной по тематике. Но почувствовала себя, видимо, и более свободной от своих читателей.

Вместо «Правды» стала выходить «Правда-5», которую я продолжал выписывать и читать. Эта газета, как и ее предшественница, ставила многие вопросы правильно, но ее еще в большей степени поразила «рыночная ориентация», она стала печатать и вовсе несолидные, скандальные, если не сказать бульварные материалы, а иногда использовала против своих идеологических противников просто сплетни.

В 1995 г. я обратился к редактору Правды-5, теперь уже А.А.Ильину, со своими соображениями по поводу нескольких таких материалов;

«Уважаемый тов. редактор!

Некоторые материалы «Правды-5» № 2 (21 -26 мая 1995 г.) оставляют очень грустное впечатление. Если «Правда» на своих страницах ведет борьбу против мещанства и бездуховности, за справедливую и объективную оценку деятельности прошлого, то в «Правде-5» мы встречаем материалы другого порядка.

В «Правде-5» № 2 напечатан обширный материал о трех женах маршала Иосипа Броз Тито. Что, в истории окровавленной, истекающей сегодня кровью Югославии, всегда дружественной и близкой России, редакция не нашла ничего более интересного и актуального?

В связи с великой датой - пятидесятилетием Победы над фашизмом - в номере публикуется материал о маршале Рокоссовском. Материал небезынтересный, но и он подпорчен вмешательством журналиста в интимную жизнь маршала. Газета считает своим долгом сообщить, что у маршала была длительное время любовница, которая даже жаловалась на него Генеральному прокурору. Здесь же посмаковано сообщение о том, что дочь маршала Ада покончила с собой. Поднесла газета, так сказать, подарок родным маршала к юбилею Победы... Что добавляет все это к образу великого маршала? Что хотела «Правда-5» достичь, сообщая все это читателям?

Печать безответственности лежит и на материале о Троцком, напечатанном в этом же номере. Статья о Троцком носит крайне странное название, под которым каждый может вообразить себе что угодно. В заголовке связываются два совершенно не связанных друг с другом явления: «Ленин еще в саркофаге, а Троцкий уже в реанимации». Не

кошунственно ли притягивать к теме о Троцком проблему саркофага Ленина, столь волнующую поколение советских людей, выросших и воспитавшихся при советской власти?

Под материалом стоит, видимо, юмористическая подпись – «Анна Евангилеева, дежурный философ». К чему такие плоские шутки в серьезном материале?

И еще одно соображение по поводу статьи «дежурного философа» о Троцком: она фактически полностью повторяет в адрес Троцкого весь тот набор обвинений, который поступил на вооружение «дежурных философов» в период кошмарных процессов времени сталинских репрессий. Напомню, что «Правда» недавно в статье доктора философских наук Б.Славина выступила против сталинских фальсификаций о Троцком. Непонятно: что, «дежурный философ» опровергает анализ Б.Славина? Или это «Правда» так быстро сменила свою точку зрения? В этом же материале опять «Правда-5» не упустила случая покопаться в грязном белье – «дежурный философ» госпожа Евангилеева, сообщая об убийстве Троцкого, напоминает читателям, что альпенштоком убили «любителя женщин и роскоши». Достойная философа мысль!

Мое пожелание газете, чтобы «Правда-5» не приобретала бульварный характер, как многие сегодняшние газеты, а сохраняла строгий, объективный, аналитический стиль». 30.05.95 г.

«Правда-5», как и «Правда», не ответила мне ничего, даже не подтвердила получение от меня письма.

С сожалением констатирую, что этим газетам не удалось в новых рыночных условиях удержаться на высокой планке объективности и справедливости, высокого уровня журналистского мастерства. А жаль...

Журналистская «жилка»

Я - старый журналист, печатаюсь с 1926 года, и привык откликаться в прессе на события, взволновавшие, заинтересовавшие меня. Эта моя журналистская «жилка» заставляла меня в разные периоды моей жизни писать на самые разные темы, иногда лишь косвенно связанные с моей профессией или вообще далекие от нее.

Приведу несколько таких заметок, которые показывают, что волновало меня, что было важным для меня на определенных этапах моей жизни и работы. Это мои заметки о событиях, в общем, повседневной жизни, но они, как мне кажется, характеризуют то время, которое в них запечатлелось, и те проблемы, которые были характерны для нашей жизни в то время, когда эти заметки были написаны.

Начну с моей заметки о работе со студентами в колхозе. Во время работы в Ярославском пединституте мне часто приходилось ездить со студентами в колхоз, на уборку урожая. Заслуживают внимания наши впечатления от одного такого колхоза, которые я опубликовал вместе со студентами в районной многотиражке. В этой заметке - масса интересных

примет того времени, 1956 года. Признаться, я не хотел включать ее в свои воспоминания, но на этом настояли мои дети, которые посчитали эту заметку «важным историческим документом своего времени»

Что мы узнали, работая в колхозе

Две бригады студентов Ярославского пединститута вместе с преподавателями более месяца работали на уборке урожая в колхозе имени Некрасова Андреевского сельсовета. Студенты убирали и расстилали лен, работали на силосовании кормов, на обмолоте зерновых. Особенно хорошо работала бригада, где старостой была комсорг группы тов. Бабушкина.

Студенты приняли участие в борьбе, которую ведут колхозники артели за выполнение решений XX съезда КПСС, за свою зажиточную жизнь.

На примере колхоза имени Некрасова будущие воспитатели молодого поколения наглядно видели, как благоприятно действуют последние мероприятия партии и правительства на улучшение жизни колхозной деревни. Если в прошлые годы на трудодень колхозники получали 300-400 граммов зерновых и лишь в 1955 году выдача на трудодень выросла до одного килограмма, то в нынешнем году уже выдан аванс колхозникам в размере 2 килограммов зерновых на трудодень. Выдача денег на трудодень в этом году возрастет не менее чем в два раза.

В колхозе убран неплохой урожай льна и доход от льносемена и льноволокна составит не менее 300 тысяч рублей. Значительно выросли по сравнению с прошлым годом удои молока.

Все эти успехи достигнуты самоотверженным трудом колхозников, хорошей организаторской работой председателя колхоза тов. Пологова и всего правления артели.

Покидая колхоз, нам хочется сказать и о некоторых недостатках, которые имеются здесь. Колхоз носит имя Н.А. Некрасова, но в нем ничего не делается для популяризации творчества поэта, его жизненного пути; нет даже портрета или бюста писателя в правлении колхоза и в клубе.

Культурно-массовая работа очень слаба. В бригадах не слышно голоса агитатора. Колхозный клуб стоит без окон, не вставлены даже рамы, ветер гуляет по его помещению.

Мы предложили провести концерт для колхозников, организовать лекцию о международном положении, и просили председателя дать распоряжение вставить окна. Однако тов. Пологов не выполнил нашей просьбы. Наше обращение к секретарю парторганизации тов. Новиковой также ни к чему не привело. Концерт и лекцию мы все же провели, на них присутствовало много колхозников, а окна были просто забиты, чтобы не так уж задувал в помещение осенний ветер. Сам тов. Пологов на концерт не пришел, заявив в ответ на приглашение, что у него и без концертов голова забита. А жаль, руководителю колхоза надо бывать с колхозниками не только в поле, но и в часы отдыха, а, кстати, и больше заботиться об их отдыхе и культурном росте.

Не все было благополучно с организацией труда студентов. Иногда студентам давали задания на работу без указания нормы. Бывали необоснованные переброски студентов с одной работы на другую, что снижало производительность их труда.

Так, одна из бригад студентов, работавшая на уборке льна, 26 сентября была переброслена председателем в другую колхозную бригаду на копку картофеля. Колхозный бригадир тов. Полякова и представитель института прождали в этот день студентов до полудня в поле, так как председатель колхоза никого не известил о переброске. Студенты начали, как говорится, втягиваться в копку картофеля, но 27 сентября, когда они вышли копать картофель, им предложили снова пойти в другую бригаду на уборку льна. Не всегда проявляется забота об условиях труда студентов. Не выдавались цапки для разбивания земли при копке картофеля, не хватало лопат, да и те, которые имелись, были совершенно тупые.

И еще одно пожелание: хотелось бы, чтобы председатель колхоза более вдумчиво, не на ходу разговаривал со студентами и представителями института. Иногда для разрешения какого-либо вопроса за председателем буквально приходилось бежать, не хватает тов. Пологову вежливости и такта в общении с людьми.

Мы полагаем, что, ликвидируя имеющиеся недостатки в организации труда колхозников и правленческой рабочей силы в культурно-воспитательной работе среди тружеников артели, колхоз имени Некрасова станет во всех отношениях передовым колхозом.

Малофеева, Касторская, Сумина,
Сафронова, Лапшина, Прошутина,
студенты.

А. Стернин, доцент Ярославского
педагогического института.

«Колхозный клич»,
орган Борисоглебского райкома КПСС
и райсовета депутатов трудящихся
Ярославской области
3 октября 1956 г.

Иногда очень хотелось просто рассказать о хороших людях. Одна такая заметка была опубликована в вузовской многотиражке:

О хозяйках книжных богатств

«В день печати мне хочется сказать о некоторых скромных и в высшей степени добросовестных работниках из отдела художественной литературы нашей институтской библиотеки.

Речь идет о Р.В. Швеце и Т.И. Плаксиной. Они много делают для продвижения к студентам и преподавателям как художественных

литературных журналов, так и неперIODических изданий.

И Швеc и Плаксина стараются не отпускать посетителя без книги. Если нет отдельного издания, найдут данное произведение в журнале; если нет книги на месте - скажут, когда она вернется, сообщают, если книга поступила; поставят на очередь, если книга «дефицитная». Лучшие произведения советской литературы неумолимо пропагандируют эти хозяйки книжных богатств. Радует хороший подбор в библиотеке классиков русской и зарубежной литературы, а также книг для ребят школьного возраста.

Можно только пожелать, чтобы студенты больше пользовались библиотекой, обогащали свои чувства за счет великой кладовой художественной литературы».

Газета «За лесные кадры» 8,05. 1970.

Жизнь иногда подкидывала и темы для фельетонов, и я позволял себе заметки сатирического характера. Приведу две - о тогдашнем бытовом обслуживании и о студентах в транспорте.

История с часами

«Случилась у меня недавно маленькая неприятность: треснуло стекло у вполне исправных карманных часов «Молния». Живу я на левом берегу, и обратился по месту жительства в часовую мастерскую № 18 на Ленинском проспекте. Приемщица равнодушно сообщила, что стекол для «Молнии» у них нет. Пришлось ехать в центр, в мастерскую № 7 на Пушкинской улице. Оттуда порекомендовали ехать еще дальше - на улицу 20-летия Октября, в Дом бытовых услуг. Нигде не оказалось таких стекол. Маленькая неприятность стала становиться большой.

Посоветовали мне позвонить в мастерскую № 16 начальнику цеха тов. Бобрешову. Пять раз звонил в течение дня товарищу Бобрешову, его нет и никто не знает, когда будет. На третий день отправился, не дозвонившись, в Юго-Западный район в мастерскую №16, на улице Героев сибиряков. Здесь мастер Стрекалов (спасибо ему) за 10 минут вырезал стекло для моих часов, чего не хотели сделать в других мастерских. Но у меня новая беда - сломалась минутная стрелка, а ее, сказали мне в мастерской № 16 нет и не будет. То же подтвердили мне и в других мастерских, куда я обращался: минутная стрелка - абсолютно дефицитный предмет.

Продолжаю искать стрелку. Не выбрасывать же хорошо идущие часы в утиль из-за отсутствия стрелки. Пришлось вовлечь в поиски и решение проблемы стрелки ответственных работников областного управления бытового обслуживания населения из производственного отдела. С их помощью за неразрешимую проблему взялся директор завода ремонта часов, что на Среднемосковской улице, товарищ Бобанов. После телефонных разговоров мне пришлось еще два раза сдать часы, и наконец получил их с новорожденной стрелкой. Теперь часы снова тикают в моем

кармане. Стоила мне операция вставки стекла и стрелки всего 1 рубль 10 копеек, зато еще 5 дней нервотрепки, десяток звонков по телефону, обращение в шесть различных инстанций.

«Коммуна», 20.07.1985.

Студент в автобусе

«Назначение пассажирских автобусов хорошо известно; на них можно приехать в институт, уехать домой, отправиться на свидание. На автобус можно сослаться, если заспался и опоздал на занятия. Все это сложности не представляет. Заслуживает большего внимания другой вопрос - как вести себя в этом средстве передвижения? И здесь, как показывает опыт, у многих студентов выработались очень своеобразные и оригинальные правила, заслуживающие широкой гласности. Правила эти следующие.

При посадке в автобус действовать решительно и напористо, оттеснять более старших, а также женщин с детьми и всех остальных. Исключение делается - и то не всегда - только для самых привлекательных девушек.

Войдя в автобус, следует отыскать глазами табличку «Для инвалидов» и устремиться к ней. Ведь это самые спокойные места в автобусе, здесь вас не затолкают входящие и выходящие.

Усевшись на удобное место, надо внимательно смотреть в окно на мелькающую природу. Ни в коем случае не оборачиваться в салон - там можно встретиться взором с теми, кому надлежит сидеть на удобных местах, а это вызовет внутреннее беспокойство, чего нельзя допускать, ведь личный покой, как говорит один из героев Аркадия Райкина, прежде всего.

Разговаривать рекомендуется как можно громче, через головы соседей, из одного конца салона в другой. Говорить можно, конечно, обо всем: о вчерашней прогулке, о том, как вы ловко всучили преподавателю чужой чертеж, как шпаргалили, о том, как Васька больше не встречается с Таней, и о многих других важных для вас темах.

Если зазевались при посадке и придется постоять 10-20 минут на своих молодых, здоровых ногах, и тогда не впадайте в мрачный пессимизм, ибо в другой раз вам, конечно, повезет.

На замечания возмущенных пассажиров - женщин с детьми, пожилых и инвалидов реагировать не стоит - для этого есть набор эффективно действующих реплик типа: «сам такой», «езжай в такси» и много других, хорошо вам известных.

Итак, вооружившись вышеуказанными правилами, действуйте смело и решительно. И вам обеспечена репутация невежественного, невоспитанного человека».

А. Стернин, доцент.

«За лесные кадры», 12.3.1979

Конечно, эти заметки - не серьезные публикации, но они отражают те проблемы, с которыми мы сталкивались в недалеком прошлом. А с некоторыми продолжаем сталкиваться и сейчас..

Моя позиция

В этом, завершающем разделе своих воспоминаний, я хотел бы привести некоторые материалы, которые я написал на общественно-политические темы. Все они были вызваны какими-либо общественными событиями и отражают мое мнение по тому или иному обсуждавшемуся в нашей стране и на страницах печати вопросу. Это прежде всего - общественные реформы, выборы, демократические процессы в нашем обществе.

Так, когда в 1977 г. обсуждался проект новой конституции, я выступил с предложениями, касающимися развития демократии в сфере выборов:

« В год 60-летия нашего государства советский народ обсуждает проект Конституции СССР. ... Большое значение в связи с этим приобретает статья 105, в которой определяются обязанности депутатов по отношению к избирателям. Согласно этой статье «депутат обязан отчитываться перед избирателями о своей работе»... В печати уже были предложения дополнить эту статью словами о том, что депутат обязан отчитаться перед избирателями в выполнении наказов. Соглашаясь с этими предложениями, я считаю, что обязанности депутатов должны быть в указанной статье Конституции еще более уточнены. Должна быть определена строгая периодичность отчета перед избирателями, установленная для депутатов Советов различных уровней - от Верховного до сельских и поселковых.

Необходимо уточнить также вторую часть статьи 105, где говорится, что «депутат, не оправдавший доверия избирателей, может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке». Следует, на наш взгляд, четко определить в Конституции сам порядок отзыва депутатов. В связи с этим хочется указать на необходимость более широкой информации в печати в случае отзыва депутатов или дополнительных выборах в связи с выбытием депутата. Во всех случаях, избиратели, отдавшие голоса за депутата, должны быть полностью осведомлены о причинах, по которым им предстоит выбрать нового депутата. Строгая, установленная законом периодичность отчетов депутатов перед избирателями, точная информация в случае отзыва или выбытия депутата, несомненно, будут повышать ответственность депутатов и активность избирателей, являясь существенным моментом развития социалистической демократии, на что направлен весь дух проекта новой Конституции.

Второе предложение касается более последовательного проведения принципа социализма «От каждого по способностям, каждому - по труду», подтвержденного статьей 13. Взять, к примеру, порядок начисления пенсий.

Среди пенсионеров есть немало людей, ветеранов труда, имеющих стаж в 40 и 50 лет, т.е. отработавших по два срока, достаточных для получения пенсии. Но пенсию они получают наравне с людьми, проработавшими наполовину меньше, так как при установлении максимальной пенсии никаких надбавок за трудовой стаж не предусмотрено. Чтобы исправить это положение и вообще совершенствовать пенсионное обеспечение в соответствии с социалистическим принципом распределения по труду, предлагаю в статье 43 указать, что граждане обеспечиваются пенсиями в соответствии с трудовым стажем и трудовым вкладом пенсионера. Такое указание обяжет исполнительные органы решить вопрос, не допуская уравнительности в жизненно важным для многих трудящихся деле.

«Коммуна», 26.12.1977.

Меня также беспокоила проблема воспитания детей сотрудниками вузов - многие из них имели большие проблемы со своими детьми. Будучи на хорошем профессиональном счету в вузе, они зачастую оказывались при этом плохими родителями, их дети плохо учились, совершали правонарушения. Я выступил в институтской многотиражке с небольшой заметкой:

«Мне хочется обратить внимание на такой важный вопрос, как воспитание детей в семье. У членов нашего коллектива около пятисот сыновей и дочерей, можно сказать, целый молодежный батальон! Тем не менее, общественные организации не интересуются, как коммунисты относятся к своим родительским обязанностям.

У нас есть в коллективе женщины, которые, оставшись без мужей, в трудных условиях воспитали своих детей хорошими людьми. И в то же время нередки случаи, когда родители, ссылаясь на свою занятость, слишком мало внимания уделяют своим детям. А ведь дело не только во времени. Надо обладать хотя бы минимальной педагогической грамотностью, чтобы найти нужный подход к подростку, юноше, девушке. А между тем, мало кто знаком с «Книгой для родителей» А. С. Макаренко, с работами выдающегося советского педагога В.А. Сухомлинского, лишь немногие выписывают журнал «Семья и школа». И когда у детей появляются моральные болезни - лень, грубость, эгоизм, неуважение к старшим, лечить их гораздо сложнее, чем от болезней физических.

... Проблема воспитания детей является и проблемой «воспитания воспитателей».

Думаю, что вопросы воспитания детей в семье должны найти место в планах работы парткома и партбюро, в повестках дня собраний факультетов и подразделений института».

«За лесные кадры»
5.12.1978.

Перестройка открыла возможность активного участия всех граждан в политической жизни. В этот период я был уже давно на пенсии, но участвовал в обсуждении политических проблем довольно активно.

Вот некоторые предложения, которые я выдвинул при обсуждении Закона о выборах:

Необходимо четкое толкование

«.. Через несколько месяцев начнутся выборы народных депутатов РСФСР и депутатов местных Советов. В них должны быть учтены уроки прошедших выборов.

Думаю, что опубликованный проект Закона о выборах народных депутатов РСФСР идет по пути дальнейшего расширения демократии нашей избирательной системы и тем самым создает нужные условия для выборов тех достойных, кто действительно бы представлял интересы и запросы всех слоев трудящихся. Мне очень импонирует категорическое запрещение каких-либо прямых или косвенных ограничений избирательных прав граждан РСФСР

Вполне уместно указано в проекте, что не может быть установлено лишение или ограничение избирательного права в зависимости от времени проживания в данной местности. В список избирателей, согласно проекту, включаются все граждане РСФСР, достигшие 18 лет, постоянно или временно проживающие на территории данного избирательного участка. Антидемократические цензы так называемой оседлости, которые были приняты недавно Верховным Советом Эстонии, категорически отвергаются.

Весьма положительно то, что проект предусматривает сохранение и развитие конкурсной, альтернативной системы выборов, предусматривая, что к регистрации представляется не менее двух кандидатов. Уходят навсегда в прошлое системы голосования, при которых не было собственно выборов, так как в списках был один-единственный кандидат. Меньше возможностей стало у тех, кто хотел бы получить депутатский мандат, пользуясь своим служебным положением.

Ряд положений проекта должен быть, разумеется, уточнен, в отдельных моментах пересмотрен. Уверен, что Закон не должен допускать двойственного толкования каких-либо положений. Остановимся, к примеру, на одном вопросе.

Все мы знаем, что такое выборы депутата. А что такое отзыв депутата, когда и кем он производится, каков механизм самого отзыва? Я специально спрашивал об этом многих людей, и никто не мог дать вразумительного ответа. Не прояснен этот вопрос и в представленном проекте. Заметим, что не выяснен он и в союзном масштабе. В рассматриваемом проекте указывается, что вопросы, связанные с организацией отзыва депутатов, входят в полномочия Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов РСФСР.

Непонятная ситуация. Избирательная комиссия - орган временный, а отзыв депутатов, естественно, не ограничен временем. В Законе о выборах надо четко определить порядок отзыва депутатов, который может в любое время отозвать депутата, не оправдавшего доверия избирателей. В то же время установленный порядок должен предусматривать обеспечение устойчивости и стабильности корпуса депутатов. Право отзыва должно быть дано действительно народу - большинству избирателей данного округа, а не любой группе людей, среди которых могут быть и демагоги, и люди с экстремистскими и националистическими настроениями.

Значит, Закон должен четко определять - каким путем устанавливается желание большинства избирателей отозвать своего депутата? Будет ли проводиться для определения избирателей тайное или открытое голосование? Вопрос этот сложный. Опыта здесь пока нет, но откладывать его на какое-то будущее не следует. Ведь мы уже сегодня, наблюдая за действиями некоторых народных депутатов СССР; видим, что не все из них оправдывают наше доверие. Избирательная система не станет до конца демократической, если не будет решен важнейший вопрос о зависимости депутата от избирателей после совершившихся выборов.

Проведенная на твердой демократической основе избирательная кампания станет новым шагом в обновлении и упрочении нашего социалистического строя.

«Коммуна»,
25 августа 1989 г.

Всех нас очень волновала проблема сохранения СССР. Этот вопрос был вынесен на референдум, и в период подготовки к референдуму в «Коммуне» вышла моя статья «Почему я «за»?:

«17 марта наступает такой момент, когда каждый из нас будет делать историю. Очень важно при выборе решения не поддаваться сиюминутным настроениям, модным возгласам и популистским утверждениям.

Много горького и трагически ошибочного в отношениях между нациями было в прошлом. Грубо нарушался суверенитет союзных и автономных республик, свершались акты насилия над целыми народами.

Но решая вопрос о будущем Советской страны, нельзя исходить только из негативных сторон ее жизни. Ведь за время, прошедшее после образования нашего Союза в 1922 году, сделано очень немало и позитивного, одержаны исторические победы. Ранее отсталые нации развили свою культуру, в них образовался рабочий класс, выросла национальная интеллигенция. Образовали свою государственность народы, считавшиеся в царской России неспособными к самостоятельному государственному устройству. Страна из экономически отсталой превратилась в могучую индустриальную державу.

Сравнительно быстрому восстановлению народного хозяйства,

разрушенного войной, мы также обязаны совместному героическому труду советских наций, объединенных вместе. Об этих светлых и героических страницах истории Союза наций я не могу забыть, приближаясь к урне в день референдума. Мы опустим свой бюллетень с надеждой на будущее, на то, что наш Союз, очищенный от недостатков и упущений прошлого, обновленный Союз, как именуется он в предлагаемом бюллетене, Союз подлинно суверенных республик, явится надежной гарантией выхода из современного кризиса гарантией успеха - начатой в стране великой перестройки.

Распад СССР означал бы для всех республик резкое ухудшение их экономики вследствие разрыва десятилетиями сложившихся производственных связей, резкое ослабление и падение авторитета в международном плане. В самом деле, кто будет считаться с теми мелкими, маленькими республиками, на которые по замыслу сепаратистов разного рода распадется наша страна.

Причем линия разделения идет вразрез с основной тенденцией современных государств, идущих по пути интеграции. В Западной Европе, как известно, происходит тесное экономическое сближение стран. В 1992 году намечается уже уничтожение таможенных границ. Больно наблюдать в этих условиях, как возникают таможенные границы в тех советских республиках, где к власти пришли сепаратисты. По пути ли нам с этими ретроgrадами, тянущими советские республики назад, к раздробленности и обособлению.

Обособление советских республик друг от друга имело бы самые негативные последствия для тех миллионов, кто живет вне своих государственных образований. Страшно подумать, что творилось бы в стране, если бы дать волю сепаратистам, которые требуют по существу, создания территорий, «чистых» от некоренного населения. Таков, например, лозунг так называемого «конгресса граждан», на знаменах которого лозунг «Латвия - для латышей». Дай волю сепаратистам, в республиках начнется великое насильственное переселение народов. Люди, десятками лет трудившиеся в той или иной республике, будут изгоняться с мест, которые они законно считают своей родиной. Сравнительно небольшой, но уже достаточно горький опыт показывает неизбежность обострения национальных отношений там, где провозглашается отход от единого государства.

Остановлюсь еще на одном, сравнительно частном вопросе, затрагивающем, однако, интересы миллионов. Многонациональный состав населения большинства республик, естественно, ведет к возникновению смешанных в национальном отношении семей. Таких семей в стране около 15 миллионов. Сепаратисты, ратующие за отделение от Союза, крайне негативно относятся к смешанным бракам. В официальных документах этих групп (или фронтов, как они часто себя именуют) такие браки, возникающие на высоком человеческом чувстве любви, пренебрежительно называются механическим смешением наций.

Свое слово о будущем нашего государства мы произносим в сложных условиях кризиса и трудностей, переживаемых нашим обществом. Это слово должно быть ясным, определенным и однозначным. Словом отказа от темного и ошибочного, что было в нашей истории, но не словом отказа от благородного и ценного опыта долголетнего совместного труда более ста наций и народностей нашей страны. В единении - сила. Вот почему я за сохранение нашей федерации советских социалистических республик.

«Молодой коммунар»,
8 марта 1991.

Помню, какое противоречивое настроение было у наших людей, когда начались реформы и резко ухудшилась жизнь людей. Люди были растеряны. Начали осуждать реформы вообще, говорить, что они не нужны, напрасно все это затеяло наше руководство. В тот период я написал «Новогодние размышления» - «По-моему, свет в конце тоннеля виден...».

«Новый год - время размышлений, подведения итогов и надежд на будущее. Это в каждом народе, каждой семье, в каждом человеке. Попробуем и мы подвести некоторые итоги года, прожитого нашей страной. Подчеркиваем лишь, конечно, некоторые итоги, и добавим сразу - под девизом - не будем чересчур ругать прошедший год, хотя жилось в нем нелегко и даже труднее, чем в предыдущий 1990 год. Талонов в этом году стало больше, продуктов меньше, цены значительно возросли. Но при этом не надо забывать, что жили мы в прошедшем году в условиях сравнительно спокойной международной обстановки, дыхание холодной войны утихло, термоядерная опасность, грозящая уничтожением всего живого на Земле, отодвинулась. Все это - плодотворный результат перестройки нашей внешней политики. Мы перестали себя чувствовать стоящими перед нацеленным на нас дулом.

Вторая половина ознаменовалась двумя событиями, сыгравшими громадную роль в жизни страны. Август - разгром путча, имевшего целью возврат общества к тоталитарному режиму. Страна после победы над путчистами жила еще более демократичной жизнью, гласность, плюрализм, многопартийность, бесцензурная печать - все это, совершенно немыслимое в нашей стране на протяжении десятилетий стало у нас нормой, которую мы почти не замечаем. А мы прожили еще один год в условиях свободы и демократии!

И еще одно крупнейшее событие прямо исторического плана - образование в декабре 1991 года содружества независимых государств. Акт этот созрел, он отвечает запросам современной жизни республик. О его своевременности можно судить даже по темпам его реализации. В начале декабря он подписан тремя республиками, в том же месяце к нему присоединились другие республики. Между тем договор о Союзе

суверенных государств вынашивался более года и так и не был подписан. Не думаю, что проект Союза был намного хуже документов о Содружестве, но последний получил поддержку республик и является реальностью, с которой наивно было бы не считаться, мечтая о более совершенном документе.

Мне видятся в созданном Содружестве те же идеи, за которые народ голосовал на референдуме в март прошлого года. В акте о Содружестве сделан большой акцент на самостоятельности государств. Принципы Содружества подразумевают единство многих существенных сторон жизни государства, бывших членов Союза СССР - единство обороны, внешней политики, финансовой деятельности, многих аспектов экономической политики и т.д. Добавим, что жизнь, объективно и неизбежно будет подсказывать и реализовать новые формы сотрудничества государств, бывших единым целым на протяжении многого времени. Экономическая и политическая выгода будут властно толкать государства к все большему единству действий. Не административный центр, не какая-то внешняя сила будет координировать деятельность государств, а их собственные решения, объективная необходимость, которые сильнее бюрократической структуры, командовавшей Союзом в недавнем прошлом и развалившей государство.

В Создании Содружества суверенных государств видится нам свет в конце тоннеля, начало выхода из тупика, в котором мы сейчас находимся. Руководство России довольно ясно выразило, что видит к концу осени 1992 года после внедрения рыночных отношений, после либерализации цен улучшение состояния нашей экономики. Придется потерпеть, временное снижение жизненного уровня неизбежно, другого выхода нет. Разумеется, мы осознаем, что правительство примет все меры для возможной защиты интересов малообеспеченных слоев, учтет предложения, подобные тем, что выдвигают группы воронежских депутатов и воронежский облпрофсовет, такие предложения поступают из многих регионов. Однако некоторое снижение жизненного уровня, очевидно, неизбежно. Но это снижение должно и может быть гарантией последующего улучшения. Об этом говорил Б.Н.Ельцин. На такой ход событий можно надеяться».

1991 год.

Этот материал был направлен в «Коммуну», но так и не увидел свет.

В выборах в Думу в 1995 г. участвовало 42 партии и избирательных объединения, впервые публиковались избирательные платформы, и я послал в «Коммуну» свои соображения по поводу предстоящих выборов.

Не все «измы» устарели. Голосуйте за социализм!

«Итак, мы выбираем одну из сорока двух избирательных платформ. «Выбирай на вкус», - как говорил В. Маяковский, правда, по другому

поводу. В представленных платформах нелегко разобраться. Во всех этих «Домах», «Яблоках», «Вперед, Россия», много общего. Все говорят о благе народа, о необходимости выхода из кризиса, о приоритете национальных интересов и т.д. Нет ли, однако какого-нибудь отчетливого показателя, по которому можно судить о безусловной, безоговорочной справедливости данной платформы? Мне кажется, такой показатель есть. Это признание справедливости социализма как наиболее прогрессивного устройства общества

Социализм, при котором нет эксплуатации человека человеком, обеспечены определенные гарантии трудовому человеку - это альтернатива капиталистическому обществу с его властью капитала и резкой социальной дифференциацией. Правда, многие считают эти понятия - социализм и капитализм - устаревшими. На такой точке зрения стоял и стоит президент России Б.Н.Ельцин. В июне 1991 г. на собрании трудящихся Воронежского предприятия «Рудгормаш» ему был задан вопрос: «Борис Николаевич, ваша политическая линия: социализм, капитализм, или, может, что-то третье?» На этот ясный вопрос слушатели получили весьма смутный ответ: «Что касается всяких «измов», не будем наивны, в марксовом определении у нас никогда не было социализма и на Западе давно уже не капитализм» (см. «Коммуна», 1.06.91).

Конечно, никаких доказательств того, что на Западе давно нет капитализма, Б.Н.Ельцин не привел, да и привести не мог, так как таких доказательств нет.

Заметим, что также бездоказательно в этом выступлении перед трудящимися «Рудгормаша» Б.Ельцин ответил на вопрос «Когда начнется стабилизация экономики, а вместе с ней подъем жизненного уровня, скажите правду?». Будущий президент пообещал, что уже в первой половине следующего года (т.е. 1992 г.) «мы начнем выбираться наверх». Однако мы все прекрасно знаем, что ни в 1992, ни в 1995 мы выходить из кризиса еще не начали. Зато все «благодетельства» внедряемого капитализма мы ощущаем.

Разрушение социализма принесло уж неисчислимые беды народу России: резкое снижение жизненного уровня, падение производства, рост смертности, рост преступности и тому подобные негативные явления, о которых достаточно говорится в нашей печати. Выход из кризиса только в восстановлении социализма, разрушенного демократами. Конечно, речь идет об обновленном социализме, очищенном от тех ужасающих противоречий, которые привнесены в социализм волюнтаризмом и тиранией Сталина.

При восстановлении социализма надо не только вернуть народу утраченные блага, но и серьезнейшим образом поработать над определением новых путей социализма. Надо прямо сказать, что в странах социализма, в том числе и в СССР, не был достаточно разумно решен вопрос о демократии, часто нарушались права граждан, была крайне ограниченной политическая свобода.

В социалистических странах господствовали две монополии, которые вряд ли можно признать обязательными для социализма - монополия одной Коммунистической партии и монополия одного экономического уклада. Опыт прошедших десятилетий показывает, что такие монополии к добру не ведут. Вместе с тем, опыт показывает, что несмотря на сложившиеся противоречия, социализм дал трудящимся такие блага, которые никогда трудовому люду не принадлежали. Ведь реальностью были гарантия занятости в производств, бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, право на жилье.

При социализме на протяжении семидесяти лет не было сколько-нибудь серьезных межнациональных столкновений, складывалась новая историческая общность - советский народ. Противники социализма нанесли величайший ущерб народам союзных республик, разрушив могучий Советский Союз. Нам кажется, что отсюда следует несомненный вывод - путем выборов изменить политику правительства, взяв решительный курс на обновленный социализм. Реальная возможность для этого есть, если сплотятся в борьбе за изменение курса все левые партии. Поэтому - голосуйте за левые партии! Голосуйте за социализм!»

19.11.95

Это письмо тоже не было опубликовано «Коммуной», но то, что в нем изложено, я мог бы написать и сегодня.

Послесловие

Пенсия всегда располагает к размышлениям. А размышлениями всегда хочется поделиться с другими - такова уж природа человека. Какой смысл в моих размышлениях, если никто их не слышит, никто к ним не проявляет интерес, не возражает, наконец? А я, к тому же, бывший журналист, учитель, вузовский преподаватель, ученый - во всех этих ипостасях я выступал, рассказывал, доказывал, передавал знания, выдвигал научные идеи, высказывал свою точку зрения.

Мои воспоминания, размышления - это неотъемлемая часть моей жизни, и жизни немаленькой - мне уже 92 года. В моих статьях, публикациях, как научных, так и публицистических, я многое высказал из того, что думал в свое время. Но, во-первых, многое осталось неопубликованным, невысказанным, а во - вторых, многое из того, о чем я в свое время писал, что требовало, по моему убеждению, настоящего решения еще тогда, много лет назад, осталось, как ни странно, актуальным и сейчас.

Вот поэтому я и решил сегодня пересмотреть свои старые публикации и рукописи и посмотреть, что сейчас из того, о чем я писал, осталось актуальным для сегодняшнего дня. Признаюсь, это для меня не только воспоминание о моей молодости и зрелости, периоде моей активной

педагогической, научной и общественной работы, но и некоторое самоутешение - увидеть, что я действительно правильно тогда ставил те или иные вопросы, и что многое из давно написанного можно было бы опубликовать и сейчас, оно звучало бы вполне современно. Должен сказать, что этот вывод, к которому я пришел, перечитав написанное мною в разные годы, меня также удивил и несколько огорчил - проблемы остались, несмотря на все реформы и изменения в нашей жизни. Но нельзя не увидеть и положительные сдвиги - это тоже становится ясно после прочитанного: многое, слава богу, уже устарело. Но не буду подводить баланс устаревшего и актуального: пусть читатель сам решит, что в моих публикациях и идеях уже устарело, а что еще и сейчас актуально.

Вот такой необычной вышла третья часть моих воспоминаний - я размышляю в ней над тем, о чем уже размышлял когда-то в своих опубликованных и неопубликованных работах. Но я думаю, что и такой жанр воспоминаний будет интересен читателю - ведь он тоже повествует о прошлом, которое является составной частью нашей истории и личной жизни моего поколения.

Я оставил для этой части старое название «Диалектика прошлого», поскольку оно в полной мере подходит и для третьей части. Эта часть выходит уже в новом, 21-м веке - предыдущее две остались в старом, 20-м. Вот так мои воспоминания «растянулись» на два века - никак не мог этого предположить, как и вообще никогда не думал, что буду писать воспоминания. Но дело сделано, и я передаю свои воспоминания на суд читателей.

Я не был выдающейся личностью, известным общественным деятелем, мои воспоминания не носят государственного и в широком смысле слова исторического характера, но мне кажется, что они добавляют к истории моего времени такие штрихи, которые мог добавить только я, поскольку лично видел, лично участвовал, лично переживал те или иные события.

Абрам Осипович Стернин

Указатель основных публикаций

Данный указатель охватывает как период работы А.О. Стернина в Ярославском пединституте и на кафедре истории КПСС и философии Воронежского лесотехнического института (до выхода на пенсию в 1976 г.), так и последующий период. А.О. Стернин активно печатался и после ухода на пенсию, о чем говорят более 40 публикаций, которые вышли у него в этот период.

1947

1. Опыт изучения логики в средней школе // «Народное образование», 1947, № 6. - 0,5 п.л.

1948

2. О некоторых итогах преподавания логики в средней школе // «Советская педагогика», 1948, № 2.- 0,5 п.л.

1949

3. Учение М.И.Каринского о логических основах индукции и дедукции. Кандидатская диссертация. Рукопись. Защищена в 1949 г. - 10 п.л.

1951

4. Четыре года работы литературного кружка // Из опыта работы учителя литературы. Сб.стат. Учпедгиз, 1951. - 0,6 п.л.

1953

5. Научная работа студентов по логике // «Вестник высшей школы», 1953, № 9. - 0,3 п.л.

1954

6. Учение М.Каринского о дедукции // Ученые записки ЯГПИ. 1954, вып. 15 (25). - 2 п.л.

Отзыв: З.А.Каменский. Философские идеи русского просвещения. М, «Мысль», 1971, с.331.

7. О некоторых вопросах преподавания логики в средней школе // «Советская педагогика», 1954, № 3. - 0,75 п.л.

8. О категориях единичного, особенного, всеобщего // Ученые записки ЯГПИ, 1954, вып. 16 (26). - 1 п.л.

Рецензия: «Вопросы философии», 1955, № 3.

1955

9. Единичное, особенное, всеобщее // Категории материалистической диалектики. Колл. мон. М., Госполитиздат, 1956.- 2,5 п.л.

Переиздание: Москва, Госполитиздат, 1956 г. Издана в ГДР, КНР, Венгрии, Румынии, Чехословакии.

Рецензия: «Коммунист», 1957, № 9.

1957

10. Что такое коммунистическая мораль // «Северный рабочий», 10.7.57.
- Подвальная статья.

11. К проблеме преемственности в социалистическом обществе // Ученые записки ЯГПИ, 1957, вып. 23 (33). -2 п.л.

Отзыв: Э.А.Балер. Преемственность в развитии культуры. М., «Наука», 1969, с.60-61.

12. Великий опыт дружбы народов // Ученые записки ЯГПИ, 1957, вып. 27 (37). - 2 п.л. (В соавторстве с Е.П.Тарасовым).

1958

13. Из тьмы к свету // «Северный рабочий», 9 апреля 1958 г. -Подвальная статья.

14. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. Лекция по курсу исторического материализма. (На правах рукописи). Москва, Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ, 1958 г. - 2 п.л.

15. За конкретность анализа философских проблем // «Вопросы философии», 1958, № 9. - 0,4 п.л.

16. Свободен ли человек в своей деятельности // «Северный рабочий», 6.7.1958 г. - Подвальная статья.

17. Улучшить пропаганду философских знаний // «Северный рабочий», 17.9.1958. -Подвальная статья.

18. Заметки преподавателя о новой программе по философии // «Вопросы философии», 1958, № 9.- 0,4 п.л.

19. Свободен ли человек в своих действиях. Ярославское областное отделение общества по распространению политических и научных знаний, Ярославль, 1958 . -1 п.л.

1959

20. В.И.Ленин о религии // «Северный рабочий», 9.7.1959. - Подвальная статья.

21. Что такое социалистический гуманизм // «Северный рабочий», 15.11.1959. -Подвальная статья.

1960

22. В.И.Ленин о религии // «Ученые записки ЯГПИ», 1960, вып.45. - 0,6 п.л.

1961

23.Работать с каждым студентом // «Правда», 3.7.61. - 0,2 п.л. (В соавторстве с Г.А.Стрельченко).

1962

24. Важное направление в исследовании проблем диалектики // «Вопросы философии», 1962, №2. - 0,3 п.л. (В соавторстве).

25. О характере поступательного развития при социализме //Сборник докладов научной конференции Ярославского пединститута. Ярославль, 1962. - 0,6 п.л.

26. Коммунизм и религия несовместимы // «Северный рабочий», 24.3.1962. - Подвальная статья.

27. Характер поступательного развития при социализме // О диалектике развития советского социалистического общества". Колл. мон. М., Госполитиздат, 1962. - 2 п.л.

Рецензии: «Философские науки», 1963, № 3; «Вопросы философии», 1963, № 9.

28. За новые советские обряды и праздники // «Северный рабочий», 5.8.1962. -Подвальная статья.

1963

29.Ленинские заветы атеистам. Ярославль, Ярославское книжное издательство, 1963. - 1,8 п.л.

30. Марксистский атеизм - высшая форма атеизма // Основы научного атеизма. Пособие для студентов педагогических вузов и учителей средних школ. Ярославль, 1963. - 1 п.л.

31. Коммунизм и религия. // Основы научного атеизма. Пособие для студентов педагогических вузов и учителей средних школ. Ярославль, 1963. - 0,5 п.л.

1964

32. В помощь изучающим книгу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М, «Высшая школа», 1964. - 6 п.л.

Рецензия: «Блокнот агитатора», Воронеж, 1966, № 1.

1965

33. Ближе к жизни, к людям. Заметки об атеистической работе // «Коммуна», 3.7.1965.- 0, 15 п.л.

34. Некоторые советы атеистам // «Блокнот агитатора», 1965, № 11-12.- 0,2 п.л.

35. Ленинская критика религии («Отнять у бога небеса») // «Блокнот агитатора», 1965, № 17. - 0,3 п.л.

36. Ленинские идеи о религии. (К 60-летию опубликования статьи В.И.Ленина «Социализм и религия») // «Коммуна», 16.12.1965. - Подвальная статья.

1966

37. Как работать районным атеистическим секциям. Воронеж, Воронежская областная организация общества «Знание», 1966. - 1 п.л.

38. Как изучать работу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Воронеж, Воронежский областной дом политпросвещения, 1966. - 2 п.л.

39. В помощь изучающим «Материализм и эмпириокритицизм» (Деспрекартия луй В.И.Ленин «Материализм ши емпириокритичизм» на молдавском языке. Перевод с русского). Кишинев, «Картя молдавеняскэ», 1996. - 6 п.л.

1967

40. Растить кадры атеистов // «Коммуна», 17.5.1967. - 0,2 п.л. (В соавторстве)

41. О значении преемственности в развитии социалистического общества // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 50-летию советской власти. Воронеж, ВЛТИ, 1967. - 0,15 п.л.

42. Помощник атеистов // «Агитатор», М, 1967, № 19. - 0,1 п.л.

43. В помощь изучающим «Манифест коммунистической партии». Воронеж, ВЛТИ, 1967. - 3,5 п.л.

1968

44. Сто двадцать лет великого манифеста // «Коммуна», 29.2.1968. - Подвальная статья.

45. Сердцам сынов - огонь отцовский // «Блокнот агитатора», 1968, № 12. - 0,6 п.л.

1969

46. Великое произведение воинствующего материализма. К 60-летию со дня выхода в свет книги В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // «Коммуна», 13.5.1969. - Подвальная статья.

47. В.И.Ленин как ученый // «Политическая работа», 1969, № 10. - 0,35 п.л.

48. К вопросу о понятии преемственности в марксистской философии // Методологические вопросы современной науки. Воронеж, изд-во ВГУ, 1969. - 0,2 п.л.

49. Лектор отвечает на вопросы // «Вестник высшей школы», 1969, № 7. - 0,25 п.л.

1970

50. Необычные и замечательные деревья. Как их понимают наука и религия. Учебно-методическое пособие по курсам научного атеизма и лесоводства. Воронеж, ВЛТИ, 1970. - 2 п.л. (В соавторстве с М.М.Вересиным).

51. Об усилении атеистической пропаганды в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. Методическое письмо. Воронежская областная организация общества «Знание», Воронеж, 1970. 1500 экз. - 1 п.л. (В соавторстве).

52. В помощь изучающим книгу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Издание 2, дополненное. М., «Высшая школа», 1970. Тир. 40 тыс.экз. - 5,5 п.л.

53. Жизненная сила ленинских философских идей // «Коммуна», 21.8.1970. - Подвальная статья.

1971

54. Широкая программа социальных мероприятий // «Коммуна», 3.7. 1971. - 0,25 п.л.

55. Под ширмой религии. Реакционная сущность иеговизма // «Коммуна», 28.12.1971. - 0,5 п.л. (В соавторстве)

1972

56. Вскрывая механизм обучения // «Вестник высшей школы», 1972, № 7. - 0,15 п.л.

57. Нужная книга // Разум против религии. Воронеж, 1972. Тир.15 тыс.экз. - 0,2 п.л.

58. Значение марксистско-ленинской философии для науки и практики. Дом политического просвещения Воронежского обкома КПСС, Центрально-Черноземное отделение философского общества СССР. Тир.1000 экз. Воронеж, 1972. - 2,1 п.л.

1973

59. Атеизм и студенты // «Коммуна», 14.9. 1973, 0,5 п.л.

60. Общенациональная гордость советского человека // «Коммуна», 12.11.1973. - Подвальная статья.

1974

61. Сущность и социальные последствия научно-технической революции. Учебное пособие. Воронежский технологический институт, Воронеж, 1972. Тир.1000 экз.- 1,75 п.л. (В соавт. с Н.М.Гвоздевым, С.Н.Зигельбоймом).

1975

62. Факультативные курсы по научному атеизму и марксистско-ленинской этике // Из опыта коммунистического воспитания студентов. Сб.стат. Изд. ВГУ, 1975. 3000 экз. - 0,5 п.л.

63. Организация общественно-политической практики. // Из опыта коммунистического воспитания студентов. Сб.стат. Изд. ВГУ, 1975. 3000 экз. - 0,5 п.л.

1976

64. Записки старого атеиста (рецензия). // «Коммуна», 17.1.1976. - 0,5 п.л.

65. Сумей убедить // «Коммуна», 16.6.1976. - 0,3 п.л.

66. О книге В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // «Вопросы истории КПСС», 1976, № 6. - 1 п.л.

1977

67. Заметки земляка (Нататки земляка. На белорусском языке) // «Витебский рабочий2», 17.2.1977.- Подвальная статья.

68. О чем хлопочут адвентисты // «Коммуна», 2.4.1977. - 0,3 п.л.

69. Сила нашей демократии // «Коммуна», 26 июня 1977 г. - 0,3 п.л.

70. Нужна активная позиция // «Коммуна», 26.10.1977. - 0,3 п.л.

71. Со знанием дела (рецензия) // «Коммуна», 20.11.1977. - 0,3 п.л.

1978

72. Марксистско-ленинская философия -методология естественных и общественных наук //Методика чтения лекционного курса по философии. Уч.пос. М., «Высшая школа», 1978. 15000 экз. - 1 п.л.

73. Как изучать работу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Изд. 3. М., «Высшая школа», 1978. Тир.100000 экз. - 8 п.л.

1980

74. Борься по-ленински (в помощь пропагандисту атеизма) // «Молодой коммунар», 31.1.1980. - 0,3 п.л.

1981

75. Там, где мы живем // «Коммуна», 7.2.1981. - 0,25 п.л. (В соавторстве).

1983

76. Праздник имени твоего // «Коммуна», 16.7.1983. - 0,3 п.л.

77. Праздник имени твоего // «Политическая работа», 1983, № 16. - 0, 3 п.л.

78. Рецензия на книгу Ю.А.Афанасовой «Относительная самостоятельность эксплуататорского государства» // «Философские науки», 1983, № 4. - 0,3 п.л.

1984

79. Как изучать работу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Изд. 4. М., «Высшая школа», 1984. Тир. 150000. - 8 п.л.

80. Методические указания по курсу «Основы научного атеизма». Тема «Необычные и замечательные деревья, как их понимает наука и религия». Изд. 2. Воронеж, ВЛТИ, 1984. - 2 печ. л. (В соавторстве с М.М.Вересиным).

1985

81. Если есть ссылка на произведение. // «Коммуна», 23.7.1985. - Подвальная статья.

1986

82. Звезда и крест // «Подъем», 1986, № 6. - 1 п.л.

1987

83. Лабиринт // «Молодой коммунар», 20.1.1987.- 0,8 п.л. (В соавторстве с Ю.И.Шваревым)

84. Кто ищет истину // «Молодой коммунар», 3.8.1987. -Подвальная статья. (В соавторстве с Ю.И.Шваревым).

85. Символика вместо фактов // «Молодой коммунар», 16.5.1987. - Подвальная статья (В соавторстве с Ю.И.Шваревым).

86. Удача атеиста (рецензия). // «Коммуна», 5.9.1987. - 0,2 п.л.

87. Почему скучно на лекциях // «Коммуна», 13.9.1987. - 0,15 п.л.

1988

88. О религии и атеизме (рецензия) // «Коммуна», 6.7.1988. - 0,15 п.л.

89-92. О работе В.И.Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”. Изд. “Прогресс”, 1988. (На английском, французском, испанском, португальском языках). - 8 п.л.

1989

93. Великая книга. К 80-летию со дня выхода книги В.И.Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” // «Коммуна», 13.5.1989. -Подвальная статья.

94. В те годы глухие // «Коммуна», 10.6.1989. - 0, 3 п.л.

95. Необходимо четкое толкование // «Коммуна», 25.8. 1989. - 0, 2 п.л.

96. Не будьте одиноки в этом мире // «Молодой коммунар», 17.9.1989. - 0,15 п.л.

97. Атеисты должны переучиваться // «Журналист», 1989, № 11. - 0, 2 п.л.

1990

98. Маяковский в «Комсомолке» // «Коммуна», 21.7.1990.- 0,2 п.л.

99. Пастернак, каким я его видел. // «Коммуна», 4.8.1999. - 0,2 п.л.

100. Письмо от Эренбурга // «Коммуна», 18. 8. 1990 - 0,2 п.л.

1991

101. Почему я «за» // «Коммуна», 8.3.1991. - 0,1 п.л.

102. Кому быть президентом России? // «Коммуна», 6.6.1991. - 0, 1 п.л.

1992

103. В те годы дальние, глухие... // Из небытия. Сб.стат. Воронеж, 1992. - 0, 6 п.л.

1997

104. Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний. Воронеж, 1997. - 4,5 п.л.

1999

105. Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний. Часть 2. Воронеж, 1999.- 4 п.л.

106. Абрам Осипович Стернин. Основные публикации. Воронеж, 2009. 1 п.л.

2001

107. Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний. Часть 3. Воронеж, 2001.- 3,7 п.л.

Воспоминания об А.О. Стернине

Человек исторического оптимизма

Абрам Осипович Стернин, чье столетие мы отмечаем, принадлежит к тому поколению интеллигенции, на долю которого выпали все испытания XX века, но которое сумело выстоять в нем, сохранив чувство исторического оптимизма и обладая замечательным умением «настраивать на эту волну» молодое поколение.

Мне довелось много лет быть в товарищеских отношениях с Абрамом Осиповичем. Однако еще до личной встречи я был наслышан о нем как о знающем и умелом преподавателе философии, чьи занятия не просто приобщали студентов к знаниям, но и несли большой воспитательный заряд. И затем каждое наше общение с ним убеждало, что такой

энергичный, увлеченный делом и наукой человек не может быть равнодушным педагогом - так живо и заинтересованно обсуждал он вопросы текущей работы, проблемы образования, окружающей действительности.

Темой для одного из своих научных исследований А.О. Стернин избрал анализ очень сложной для восприятия работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и сумел, не примитивизируя ее содержания, раскрыть читателю главное, разъяснить, заинтересовать и побудить к самостоятельному осмыслению прочитанного. Книга А.И. Стернина получила высокую оценку специалистов, неоднократно переиздавалась и благодарно воспринималась многими поколениями студентов, аспирантов и соискателей, особенно так называемых «естественников» - физиков, математиков, биологов, химиков, инженеров, в программу подготовки которых изучение этого ленинского философского труда входило в свое время в обязательном порядке.

Привожу этот факт, как пример умения А.О. Стернина просто и убедительно говорить о сложном, не поучать читателя (особенно молодого), а приобщать его к логике научного размышления, освоению прочитанного.

А.О. Стернину было о чем рассказать другим: свой жизненный путь он представил в мемуарных очерках, поведал в них талантливо и интересно о времени, людях и о себе. Уверен, что к воспоминаниям много видевшего и много пережившего активного свидетеля прошлого века будут еще долгие годы обращаться читатели.

И еще одно в жизни А.О. Стернина обязательно следует отметить. Он сумел передать сыну и дочери свою любовь к науке, стремление к знаниям, трудолюбие и активное, ответственное и творческое отношение к делу. Далеко не каждый может гордиться тем, что его дети усвоили жизненный стиль родителей, а вот Абрам Осипович получил это право, получил трудом и талантом педагога и воспитателя, а потому продолжается в своих детях.

В.С.Листенгартен,
доцент, кандидат исторических наук,
Ученый секретарь Совета ректоров
вузов Воронежской области

Оставил о себе добрую память

Около сорока лет мы с Абрамом Осиповичем работали на одной кафедре в Воронежском лесотехническом институте. И чем больше я узнавал его, тем больше проникался уважением к нему как к неординарной личности. Наши отношения с Абрамом Осиповичем сравнительно быстро вышли за пределы служебных, и мы стали общаться и во время наших семейных торжеств.

Особенно запомнилось нам с моей женой Верой Сергеевной торжество в честь 50-летия первого и единственного брака Абрама Осиповича и Любови Михайловны. На их золотой свадьбе нам с Верой Сергеевной вручили красочно оформленные удостоверения «Друзей семьи Стерниных».

Помню, что, воспринимая нас как проверенных временем своих друзей, Абрам Осипович давал нам дружеские советы, как воспитать нашего сына таким же целеустремленным, не отвлекающимся на пустяки, не тратающим времени без цели, как его дети – Иосиф и Марина, уже имевшие большие успехи в учебе и науке.

В характере Абрама Осиповича была очень ценная черта – щедрость в передаче своего богатого жизненного и преподавательского опыта, глубоких знаний в различных областях науки и культуры.

Об этом знали в институте, и к нему за советами по самым разным жизненным ситуациям часто приходили советоваться преподаватели других кафедр. Я не раз оказывался свидетелем таких бесед и имел возможность еще раз убедиться в глубине советов и рекомендаций Абрама Осиповича, в которых он никогда никому не отказывал.

Абрам Осипович был примером поведения в обществе. Человек высокой культуры, всегда спокойный, в любой обстановке он не повышал голоса, не проявлял своих эмоций, чем вызывал всегда к себе доброе отношение.

Отмечу также, что на кафедрах общественных наук в нашем институте он был самым плодотворным в научной работе. Регулярно издавал книги по важнейшим проблемам философии. Излагал в них все то, во что искренне верил, и не изменял свои убеждения в связи с изменившимся положением в стране.

Абрам Осипович печатал и многочисленные методические пособия. Главным для него была просветительская работа, направленная на повышение интеллектуального и духовного уровня молодежи. Некоторые его книги переведены на иностранные языки – английский, немецкий, молдавский, китайский и другие.

У меня много подаренных им работ, сейчас они вместе с остальными наиболее ценными моими книгами переданы мной в «Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области» и хранятся там.

Он остался в моей памяти как человек мягкий в общении с людьми, с уважением относившийся к их личному мнению, но твердый в своих принципах жизни, убеждениях и практической деятельности. За ним не разу не замечено было попытки в какой-то мере приспособиться к изменившейся ситуации в стране, что очень хорошо видно в его публикациях последнего периода жизни, некоторые из которых представлены в этой книге.

После ухода из жизни Абрама Осиповича я особенно отчетливо понял, что даже в напряженной моей работе прошлых лет – заведующий кафедрой, одновременно заместитель секретаря парткома института,

множество других нагрузок, постоянный дефицит времени – это не должно было мешать нашим более частым и весьма полезным встречам с такой личностью, как Абрам Осипович.

А сейчас мы уже много лет поддерживаем теплые дружеские отношения с его детьми – Иосифом и Мариной.

Ю.Н. Строков,
профессор, доктор исторических наук,
заслуженный работник высшей школы РФ

Слово об учителе

Если бы меня спросили, кто твой идеал учителя, я бы ответила: «Абрам Осипович Стернин».

Я начинала заниматься философией на кафедре истории КПСС и философии в ЛТИ, где Абрам Осипович был ведущим ученым и, считаю, лучшим преподавателем нашего вуза, наставником молодых философов.

Для меня он был Учителем! Я прослушала у него весь учебный лекционный курс, посетила все семинарские занятия. До сих пор храню записи разбора моего семинарского занятия по теме «Категории диалектики». Я так боялась его посещения! Как будут отвечать студенты, смогу ли правильно оценить их, подвести итог занятия? И самое главное – что скажет Учитель. Сказал. Уловил и мое волнение, неопытность. Разбирал ход семинара так, как будто я все это знала, но еще не сумела реализовать.

И в жизни кафедральной Абрам Осипович был заводилой – всегда приветлив, в лирическом настроении, любил пошутить. С ним было легко работать. Любил и внедрял в техническую студенческую среду литературный язык, читал дополнительные лекции по культуре речи. Он был просветителем, исследователем, пропагандистом.

Для меня и моего мужа семья Абрама Осиповича – Любовь Михайловна, их дети Иосиф и Марина стала близкой. Счастье – повстречать в жизни таких людей!

Надежда Миронова,
зав. кабинетом философии ВЛТИ

Человек с доброй душой

Много лет у меня поддерживались товарищеские и, несмотря на разницу в возрасте, дружеские отношения с Абрамом Осиповичем Стерниным. Он вместе с Любовью Михайловной бывал у нас на даче возле Таврова. С его сыном Иосифом, сначала призывником, а после службы в армии – молодым ученым, пробовали рыбачить на резиновой лодке в водохранилище. Я не раз бывал у Стерниных на семейных вечерах и чаепитиях.

Познакомились мы после того, как мою дипломную работу о баптистах ученый Совет ВГУ рекомендовал к публикации. В 1963 году Воронежское книжное издательство выпустило мою брошюру. Это и привлекло ко мне внимание Абрама Осиповича. Он был тогда членом научно-методического Совета по атеизму при областном правлении общества «Знание». Позвонил, пригласил встретиться. Мы встретились. Он попросил подготовить для пропагандистов краткие сведения по истории не только баптизма, но и других религиозных сект на территории Воронежской области. Я такие сведения подготовил. В книжном издательстве рукопись не взяли, но общество «Знание» размножило ее на ротапринте и разослало по своим отделениям в районы области.

Отмечу, что Абрам Осипович, сам многоопытный лектор, постоянно приглядывался к методическим и речевым приемам других распространителей научных знаний, к их умению заинтересовать слушателей предложенной темой и стремился донести успешные примеры просветителей-ветеранов до их молодых коллег. В 60-х годах многие воронежцы охотно ходили на встречи с В.А. Беляковым, пропагандистом атеизма, который выступал с лекциями и беседами в городских парках, на заводах, в рабочих общежитиях, студенческих аудиториях. Он умел просто и доходчиво говорить, манерой общения с людьми привлекал к себе массы слушателей. Но когда в обществе «Знание» ему предложили написать о своем опыте пропагандиста, его письменные воспоминания получились протокольно-суховатыми, схематичными. Вот тогда Абрам Осипович и попросил меня помочь Василию Алексеевичу.

Мы сидели в квартире Белякова вечерами. Он рассказывал, я записывал. Результатом таких сидений стала книжка «Во имя разума» (Записки старого атеиста), выпущенная в 1970 г. Центрально-черноземным книжным издательством. Она пользовалась читательским спросом, поэтому в 1975 г. вышло и ее второе издание. Советы, размышления, воспоминания В.А. Белякова о различных житейских событиях, фактах, наблюдениях, публичных дискуссиях оказались полезными для многих молодых борцов с религиозными предрассудками и суевериями.

Я в те годы был кадровым офицером, служил в военкоматах Воронежа. Служебных и общественных нагрузок с избытком хватало и без поручений общества «Знание», но Абрам Осипович уже не отпускал меня из своих направляющих рук. Действовал он мягко, но настойчиво. «Втянул» меня в научно-методический Совет по атеизму, подсказывал темы для статей в «Коммуну» и «Молодой Коммунар», для выступлений по областному радио и телевидению.

Когда я уволился с военной службы, он постоянно привлекал меня к проведению семинаров и чтения лекций в районах области, а потом посоветовал не отказываться от преподавания истории религий и атеизма в Университете марксизма-ленинизма при обкоме КПСС. Словом, своими научными увлечениями и своими книгами, изданными в 1981-1988 годах в Воронеже и в Лениздате, я во многом обязан участию Абрама Осиповича.

Вспоминаются его убедительные высказывания на заседаниях НМС по атеизму и на семинарах пропагандистов; его советы, предложения, критические замечания всегда строились на прочном научном фундаменте и личном практическом опыте. Это был подлинный ученый – исследователь и одновременно опытный практик, опиравшийся в своей педагогической и просветительской работе на глубокие знания марксистско-ленинской философии.

Значительную часть своей многотрудной жизни Абрам Осипович посвятил распространению знаний о книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и разъяснению ее содержания доступным для читателя языком. Эта книга была написана в 1908 году, после подавления самодержавием революции 1905-1907 годов. Известно, что после крупных поражений и среди смелых, решительных организаторов борьбы за справедливое переустройство общественной жизни появляется растерянность, возникают сомнения в правильности вдохновлявших на борьбу идей и устремлений. В такое время особенно важно сохранять мировоззренческую стойкость в революционных рядах, нести в массы научные знания, учить соратников сопоставлять текущую жизнь, людские настроения с общими законами развития природы и общества. Не случайно философию называют наукой наук, указывающей пути к познанию мироустройства. Она влияет на формирование в обществе идей, нравственных норм и культурных ценностей. Поэтому Ленин и считал необходимым развенчать, опровергнуть субъективно-идеалистические взгляды зарубежных и российских примирителей науки с религией.

Начатые древними мыслителями и продолженные в последующие века философские дискуссии при крупных разломах общественной жизни обостряются. Это мы видим сегодня в нашей России. После отступлений добра перед злом, чести перед бесчестьем в стране пошел разброд в оценках прошлых и текущих событий, во взглядах на капитализм и социализм, в понятиях о материальном и духовном, в определениях жизненных целей разумного человека, его места в природе и обществе. Сколько мы слышим различных и часто противоречивых толкований о причинах и возможных последствиях одного только охватившего мир финансово-экономического кризиса! Как быгодились нынешним политикам, экономистам, социологам, правоведам главная философская работа В.И. Ленина и разъяснения к ней Абрама Осиповича! Многие в России могло бы измениться к лучшему...

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» читается нелегко, требует широких знаний и определенного мысленного напряжения. Усвоить ее материал помогает учебное пособие А.О. Стернина для студентов ВУЗов. Оно и названо: «Как изучать работу В.И.Ленина *Материализм и эмпириокритицизм*». Потребность этого пособия в учебных заведениях Советского Союза оказалась такой, что издательство «Высшая школа» выпустило 4 издания этой книжки тиражами по 100-150 тысяч экземпляров каждое, это пособие было переведено на несколько

иностранных языков.

К великому сожалению, сейчас труды Ленина выброшены из вузовских программ, не в каждой библиотеке сохранена и очень ценная работа Абрама Осиповича. С подавлением коммунистической идеологии содружеством всесильного доллара и церковного креста из народного сознания изгоняется и марксистско-ленинская философия.

Кто часто общался с Абрамом Осиповичем, тот видел, что он не только вдумчивый ученый, опытный педагог и активный распространитель научных знаний, но и человек с добрым сердцем и открытой душой. Он всегда был готов оказать помощь начинающему лектору, встретившему трудности в учебе студенту, подбодрить коллег при каких-то неудачах. Добрая память о достоинствах и делах Абрама Осиповича сохраняется у всех, кто знал его по работе и по обыденным житейским встречам.

Ю.И. Шварев,
член Союза писателей «Воинское содружество»,
подполковник в отставке.

Он прожил достойную жизнь

С А.О. Стерниным мы работали на кафедре философии в Воронежском лесотехническом институте свыше 20 лет. Он был старше многих из нас, мудрее, человек высоко образованный, хорошо знающий не только философию, но и литературу, языкознание, русский язык. Учебное пособие Абрама Осиповича «Как изучать книгу В.И. Ленина *Материализм и эмпириокритицизм*» было одной из лучших методических разработок этого философского произведения и переиздавалось с дополнениями несколько раз. Абрам Осипович был человеком порядочным в самом высоком понимании этого слова, честным, правдивым, имел твердые убеждения, умел их отстаивать. Он никогда не шел на сделку с совестью. Это знали преподаватели, это же знали и студенты. Был такой случай: один из студентов (Миша Гройсман) – лентяй, пришел к нему сдавать экзамен, но не смог ответить на билет. Тогда он намекнул Абраму Осиповичу, что он надеется найти с ним общий язык. Абрам Осипович его прогнал, подчеркнув, что общим языком для них будут высокие знания студента по предмету. Таким же принципиальным был Абрам Осипович и при рассмотрении вопросов, решаемых на кафедре.

Абрам Осипович был отличным семьянином. Он очень любил свою жену – Любовь Михайловну, говорил о ней всегда с глубоким уважением. Абрам Осипович сумел вырастить себе достойную смену – сына и дочку, дать им образование, гордился, что они защитили докторские диссертации, стали профессорами университета.

Отмечая столетие со дня рождения А.О. Стернина, хочется сказать, что

он прожил достойную жизнь и оставил у всех, кто с ним общался, самые теплые и хорошие воспоминания. Память о нем живет в его книгах, в сознании студентов, которым он преподавал, коллег, с которыми он работал, и, конечно, в делах его детей, которые передают молодежи все то лучшее, что было взято ими у отца.

И.С. Гошук
канд. философских наук, доцент

Человек высокой нравственности

Прежде всего, я хочу отметить мировоззренческую компоненту личности А.О. Стернина. Абрама Осиповича отмечало принципиальное отношение к миру и самому себе, четкая система этических ценностей.

Его мировоззрение было глубоким и содержательным. Основу мировоззрения Абрама Осиповича составляли глубокие философские и естественно-научные знания. Он всегда старался развить мировоззрение студентов до уровня научного, используя в лекциях и на практических занятиях новейшие научные данные, социальную ориентацию материала философии, тесную связь с проблемами и практикой жизни. Лекции Абрама Осиповича освещали историю становления и развития мировой и отечественной науки, содержали сведения по самым актуальным проблемам философии, аргументированную критику антинаучного мировоззрения.

Доцент А.О. Стернин помогал студентам выработать активную жизненную позицию. Являясь членом Научно-методического совета по атеизму областной организации общества «Знание», он тесно сотрудничал с преподавателями кафедр гуманитарных дисциплин, проводил большую воспитательную работу. Он был активным лектором общества «Знание», много ездил с лекциями по районам.

Абрам Осипович четко улавливал изменения в человеческой цивилизации конца XX века, говорил о международном сотрудничестве в области высшего образования и культуры, взаимообогащении и интеграции культур, праве каждой личности иметь собственный набор ценностей и идеалов, ориентированных на общечеловеческую нравственность.

...А теперь из личных воспоминаний. Абрама Осиповича я знаю с 1963 года, когда она стал работать вместе с моим мужем Николаем Ивановичем Мартыненко на кафедре истории КПСС и философии ЛТИ. Хочу отметить постоянную доброжелательность Абрама Осиповича и его внимание к людям. Они очень хорошо дружили с моим мужем, Абрам Осипович всегда интересовался здоровьем детей, их успехами в школе, не забывал никакой мелочи. Помню коллективные походы их кафедры в театры. Абрам Осипович бережно ведет под руку свою нарядную супругу, очень внимателен ко всем, остроумно обсуждает спектакль - сразу был виден

заядлый театрал.

Абрам Осипович был отзывчивым, внимательным, постоянно в хорошем настроении, очень эрудирован. У него была образная литературная речь, тонкий юмор.

После ухода на пенсию Абрам Осипович продолжал жить интересами науки, был в курсе всех кафедральных событий, помогал мудрым советом.

Каждое общение с этим замечательным человеком обогащало нравственно, вливало силы. Это был волевой, решительный и мудрый человек. «Людей надо ценить по их нравственным качествам» - завещал нам Абрам Осипович.

Л.М. Мартыненко,
ст. преп. фармацевтического факультета ВГУ.

Мой сокурсник Абрам Стернин

С Абрамом Осиповичем Стерниным я училась в Воронежском пединституте на факультете русского языка и литературы в 1937-1939 гг.

Абрам Стернин пришел учиться, когда занятия шли уже полным ходом. Он был старше многих студентов на 6-9 лет, но влился в студенческую семью легко и просто, быстро сдружился с ребятами.

Сразу чувствовалось, что это серьезный человек, пришедший за знаниями и доказавший всем своим товарищам, что он хочет взять все, что дает пединститут. Он относился к учебе с большим желанием, чем многие другие студенты. Он всегда посещал лекции, тщательно готовился ко всем практическим занятиям, а его выступления на семинарах и практических занятиях были шире тех рамок, которые предполагала программа пединститута. Часто посещал методический кабинет, отличаясь этим от многих студентов.

Абрам активно вел себя на лекциях, задавал вопросы преподавателям, иногда вступал в полемику с ними. Он был дружен со многими преподавателями. Часто в перерывах между занятиями его можно было видеть то с одним преподавателем, то с другим, они обсуждали что-то или спорили по каким-то вопросам. Он не пропускал факультативные занятия по логике, психологии и всеми нами любимые музыкальные занятия – концерты, которые в выходные дни проводил для желающих профессор Каплинский со своей женой-певицей.

У студентов Абрам считался авторитетом в смысле знаний, во всем же остальном его поведение ничем не отличалось от других студентов. Часто на перерывах ребята собирались у стола Абрама и пели свою любимую песню – «На рыбалке у реки тянут сети рыбаки..», а Абрам пел и отбивал такт пальцем по столу. Особенно дружно и громко звучал у нас припев и его последний звук «Йо!».

Не был Абрам равнодушным и к общественной жизни института. В стенгазету «За педагогические кадры» он часто писал статьи и заметки,

которые очень живо обсуждались в институте.

Особенный авторитет он приобрел у нас, сокурсников, когда у него появилась идея в честь 25-летия окончания института собрать всех бывших студентов нашего курса на общую встречу в Воронеже.

Как-то мне позвонили Абрам и Володя Баранов (Владимир Михайлович – известный воронежский радиожурналист) и сказали, что есть идея отметить 25-летие окончания института встречей в Воронеже всех выпускников нашего курса. Я, конечно, согласилась. Ребята проделали титаническую работу по поиску адресов наших товарищей. Были обнаружены и все погибшие на фронтах войны. Каждому из тех, кого удалось найти, было послано приглашение приехать на встречу в пединститут.

И вот этот день настал. Мы, бывшие студенты-воронежцы, организаторы встречи и преподаватели пединститута, ожидали приезжих в коридоре у входа в институт. Волновались – приедут ли и сколько? Они приехали – почти все, кого мы нашли! Из близких и далеких городов. Приехало более 20 человек – из Владимира, Брянска, Вильнюса, Ижевска, Урюпинска, Орла, Усмани, Ельца и др. городов. Это был незабываемый день! Всплеск эмоций, радость встречи, объятия, поцелуи, радость узнавания – все слилось в какой-то единый порыв души, момент счастья.

Когда первый порыв улегся, все пошли в актовый зал. Не помню, кто открыл собрание, но вторым взял слово Абрам. Он поблагодарил преподавательский состав, среди которых было много наших старых преподавателей – за их плодотворный труд, вспомнил добрым словом погибших на фронте наших товарищей, поблагодарил приезжих и предложил каждому из них рассказать о своей жизни за 25 лет. После этого каждый выходил на сцену и рассказывал о себе. Говорили и о том, что полезного дал институт и что было упущено.

Вечером был ресторан, а на следующий день – выезд на природу, где были стихи, анекдоты, купания, застолье на земле и общее решение проводить такие сборы через каждые 5 лет.

После встречи почте прибавилось работы – началась активная переписка всех со всеми. Письма сдружили нас еще больше, мы знали жизнь каждого, делились советами, в нужные моменты помогали и морально, и материально. Наша переписка и личное общение давало каждому чувство локтя. Одиночества никто не чувствовал.

Через пять лет состоялась новая встреча в пединституте, потом поездка по городу на автобусе – для не-воронежцев это было очень интересно. Вечером – театр и решение встречаться через три года.

С каждой встречей число приезжих постепенно уменьшалось – годы берут свое. Потом наши встречи стали проходить у меня дома или дома у Абрама. На последней нашей встрече присутствовали всего 4 человека из Воронежа, но это все равно был праздник.

Наши встречи, «автором и исполнителем» которых был Абрам, обогатили всех наших товарищей значимыми и радостными событиями и

остались памятными на всю жизнь

Абрам всегда был лидером. Все советы и оценки и жизненных, и учительских проблем, за которыми к нему обращались товарищи по работе и учебе, находили у него понимание и поддержку. Я признательна Абраму за дружбу, за то, что он учил нас коллективизму, товарищеским отношениям, учил с участием относиться к чужой беде. Он сделал жизнь каждого из нас интересной и значимой.

Кончаю воспоминания строчками стихотворения нашей сокурсницы Гали Ангеловой:

«...И большое спасибо, воронежцы,
что несете Вы бремя забот,
что трубите вы сбор, всколыхнули всех
и собрали на дружеский слет.
А ты, Абрам, наш старший товарищ,
в стремлении к цели ты всех превзошел,
Но мы очень рады, что ты не зазнался,
остался добр и открыт душой...»

Ираида Александровна Юмшанова,
сокурсница А.О. Стернина

Помню вашего отца

Добрый день, Маринка!

Пишу то, что вспомнила. Познакомились мы, когда мне было лет 5 или 6. Мы жили на даче, и наши дома были рядом. Тогда тебя, Маринка, еще не было и Абрам Осипович относился ко мне как к дочке. Всегда называл меня Риточка. Потом мы на дачу уже не ездили, но продолжали дружить семьями.

Мой папа и Абрам Осипович всегда находили общие темы для разговора. Абрам Осипович всегда живо интересовался и нашими с Мишей делами.

Когда пришла пора мне вступать в комсомол, надо было иметь рекомендацию двух комсомольцев или одного коммуниста. И я обратилась к Абраму Осиповичу. Он очень хорошо со мной поговорил и дал мне рекомендацию.

Потом ваша семья переехала в Воронеж. И, конечно, мы уже виделись редко, но регулярно перезванивались. После разговора с моей мамой, Абрам Осипович всегда просил дать трубку мне и интересовался моими делами. Когда я приезжала в Воронеж (у нас там живут родственники), всегда навещала вашу семью и Абрам Осипович всегда был рад меня видеть.

Однажды я приезжала в Воронеж с дочкой с Наташей. Ей тогда было 6 лет. Мы были у вас в гостях. Потом Абрам Осипович предложил пойти

погулять. Мы пошли, и вовремя прогулки он завел нас в детский магазин. Там он предложил Наташе выбрать какую-нибудь игрушку. Не помню, что именно она выбрала, но он ей ее купил. Наташа была очень довольна и долго об этом вспоминала.

Вот и все. Кстати, нашему папе в этом году тоже исполнилось бы 100 лет. В связи с этим мы с Мишей решили поменять ему памятник. Ведь старый стоит уже 46 лет.

Пока. Всех целую.

Рита Назимова,
выпускница Ярославского ГПИ,
Ярославль.

Мы жили по соседству

Семью Стерниных я знаю почти 40 лет. Сначала познакомилась со старшими членами семьи визуально, наблюдая за прогуливающейся возле соседнего дома немолодой парой. Потом произошло и официальное знакомство, когда их сын Иосиф и наша дочь Светлана поженились. Это произошло в 1975 г. И мы стали часто встречаться на семейных праздниках и торжествах, и, к сожалению, и на печальных событиях.

Их дом всегда был «полной чашей» для родных и близких. Не было проблем и с соседями, жили дружно и всегда находили общий язык. Соседи и сейчас вспоминают их добрым словом.

И Абрам Осипович, и Любовь Михайловна были гостеприимными, умели ценить дружбу и оказанную помощь. Оба были интеллигентными, и такими же воспитали своих детей, помнящих друзей их родителей.

Требовательный к себе и детям, Абрам Осипович как-то по-особенному обращался к Любви Михайловне, которая, имея высшее образование, посвятила всю свою жизнь семье – мужу и детям.

Абрам Осипович был главой семьи, это чувствовалось, но никогда не умалял достоинства жены в семье. И она во всем его поддерживала, была на его стороне. Отношения между ними были доверительными, они оба гармонично дополняли друг друга во всех вопросах. И даже внешне были чем-то похожи друг на друга – невысокие, полноватые. Оба ценили дружбу и помощь друзей и тем же отвечали им. Этому принципу учили и своих детей.

И теперь, когда уже нет их родителей, Иосиф и его сестра Марина, следуя заветам отца, бережно относятся к оставшимся в живых друзьям своих родителей, встречаются с ними, приглашают их к себе и всегда оказывают им необходимую помощь. Светлая память Абраму Осиповичу и Любви Михайловне за таких детей!

М.Б. Деревянко
учитель русского языка и литературы,
член Союза писателей «Воинское содружество»

Два сердца

Время, к сожалению, невосвратимо, нельзя его повернуть вспять. Невозможно вернуть события, которые греют твою душу, вернуть людей, без которых просто труднее живется, плохо дышится.

В последние годы много любимых мной людей, с кем было просто хорошо рядом, покинули нас, ушли «в безвозвратную даль». Ушли из жизни многие наши соратники, с которыми мы были рядом в течение лет сорока: Андрей Щербаков, академик, профессор и большой умница, но, главное, большой весельчак, оптимист, суперталантливый человек. Покинула нас его жена, Женечка, наша давняя и близкая подруга, нет больше Сашечки Валагина, «златоуста» земли русской, замечательного и умнейшего человека, Вадима Кулиничева, потрясающего журналиста и замечательного человека, его жены, Тамары Кулиничевой, Адика, нашего большого друга и умницы. Многих мы не досчитываемся в наших рядах.

Но самыми близкими были и остаются те, кто был всегда рядом с нами, кто воспринимал любую нашу победу или поражение, кто нас любил и любит любыми: грустными и печальными, сраженными своими неудачами или просто несостоявшимися, «в радости и горести» - это наши родители. Оставили нас Любовь Михайловна и Абрам Осипович, ушел из жизни мой папочка. Спасибо судьбе, что мамочка моя еще с нами. Мне так хочется вернуть ей то, что они вместе с папой отдали нам с моим братом. Пусть еще долгие годы она здравствует!

Все эти люди унесли с собой частичку сердца, и их место не может быть занято ни одним другим человеком в мире. Они неповторимы. Это люди, с которыми прошло наше детство, наша юность, наша зрелость. Именно общение с ними обогатило нас, сформировало, придавало силы, помогало преодолеть иногда неуверенность в собственных силах, иногда слабости характера. Неважно, когда с каждым из них мы встретились, в каком возрасте свела нас судьба.

Я, по жизни, как сейчас говорят, жизнерадостный человек. Мне трудно сходиться с пессимистами, с печальными, черствыми, неблагородными, неинтересными людьми. Мне всегда становилось скучно, и я старалась ретироваться.

И как же я была счастлива, когда встретила такого же жизнелюбивого, оптимистичного, радостного и улыбчивого человека, как Иосиф, мой будущий муж. Встреча была прекрасной, но когда Иосиф решил меня познакомить со своей семьей, я не ждала ничего необычного. Семья, как семья.

Но удивительна была атмосфера в их доме — добрая, теплая, завораживающая. Было тепло всегда: и в трудные минуты, когда семья собиралась вместе и вместе решала проблему каждого члена семьи, и в счастливые, когда пеклись прекрасные ватрушки или пироги и все обсуждалось за общим столом, **все сопереживалось**. Любые, даже самые небольшие проблемы, обсуждались, и принималось общее решение. Это

было приятно, так как я была новым членом семьи, но мои проблемы были общими, это было замечательно!

Когда я впервые познакомилась со свекром и со свекровью, мне все в них понравилось. Удивляло отношение свекра, Абрама Осиповича, к свекрови, Любови Михайловне. Вообще, мне очень не нравятся эти слова - свекор и свекровь. Что-то в этих названиях есть неприятное, веет каким-то холодком. Но в семье Стерниных я чувствовала себя их родным человеком. Меня приняли и поняли. За это я им всегда буду благодарна.

Что меня поразило со дня первой встречи с этой семьей – то, как трепетно относились друг к другу Любовь Михайловна и Абрам Осипович. Как, вставая из-за стола, Абрам Осипович благодарил супругу за приготовленный обед, нежно целуя ее руку. Так было всегда. Это было очень трогательно. Редко люди, дожив до преклонного возраста, сохраняют такое тепло и нежность по отношению друг к другу. И дальше, на протяжении многих лет, я видела те же добрые и теплые отношения между родителями Иосифа. Замечательные были люди!

Абрам Осипович запомнился мне строгой дисциплинированностью, когда дело касалось работы. Едва ли не самым большим преступлением считалось помешать ему работать. Мы старались не входить в комнату, где он работал. Работоспособность его, несмотря на возраст, была поразительна. Свободного времени у него не было. Все задачи на день были четко расписаны. Казалось, что для него ничего не существовало, кроме работы. Но он был замечательный глава семьи, удивительный муж и прекрасный отец.

В доме был четкий распорядок дня. Вставал Абрам Осипович в семь-восемь часов утра, делал зарядку, завтракал, обязательно мыл пол (каждый день) и затем садился за письменный стол. На столе все было упорядоченно до педантизма. Каждая вещь знала свое место.

Очень любил посидеть на балконе, где читал, раздумывал, и просто отдыхал. У них с Любовью Михайловной были свои любимые места для прогулок. Сначала они просто ходили в парк, расположенный прямо у Воронежского водохранилища, проводили там по несколько часов: читали, разговаривали, прогуливались. Когда это стало далековато для них, облюбовали небольшой скверик недалеко от дома, но далеко от людской толпы.

Любовь Михайловна и Абрам Осипович были очень трогательной парой. Меня удивляло такое искреннее внимание друг к другу, они выполняли любые малейшие пожелания друг друга. Такое отношение встречается очень редко.

У Абрама Осиповича было очень плохое зрение, по существу, он видел только одним глазом. Часто читал с помощью лупы, как, впрочем, и мои родители. И часто я видела, как Любовь Михайловна ему читала на ночь или просто днем, когда было настроение.

В доме часто слушали пластинки – очень нравились Абраму Осиповичу и Любови Михайловне старые пластинки. Иногда мы с Иосифом заводили

их и милая пара танцевала – просто для себя, вспоминая вечера их молодости, когда собирались хорошие компании их близких друзей и танцевали, всецело отдаваясь чарующий мелодии Рио-Риты.

Как это ни парадоксально, достаточно рациональный человек, Абрам Осипович очень любил музыку, поэзию. Мне он иногда читал Беранже по-французски, это в восемьдесят-то лет!

Абрам Осипович любил шутку, совместные застолья. Любил слушать и собирать анекдоты, подшучивать над другими. И над ним в семье подшучивали — ему это нравилось! Вообще он был очень веселый человек.

Его житейские советы были для всех очень важны. С ним можно было поговорить на всякие темы, поэтому к нему часто приходили соседи, советовались, как решить ту или иную жизненную проблему.

В семье Абрама Осиповича был культ семьи, культ знаний, культ любого любимого ими человека. Если семья принимала кого-то, она всецело погружалась в его проблемы, и они становились и проблемами всей семьи в целом. Родители Иосифа всегда дружили с друзьями своих детей. Они были посвящены во все тайны тайного этих людей и вместе переживали за них. Это дорогого стоит. И дети стали такими же. Эта традиция семьи продолжается и сейчас. Если возникают какие-то проблемы у друзей Марины или Иосифа, будьте уверены, будет приложено максимум усилий с их стороны, чтобы наиболее легким путем все они разрешились.

Откуда в ребятах все это? Почему в одной семье пробуют сделать то же самое и ничего не получается? Да потому, что семью делает и создает не один человек, а два. Два разных по темпераменту, по образу мыслей, но близких по духу человека, главное, на чем зиждется их семейное кредо – это не разрушение, а созидание. Главное, - это любовь к людям.

Я не могу говорить об Абраме Осиповиче, не говоря о Любви Михайловне. Именно она передала детям теплоту, терпимость и мягкость, которой в ней было с избытком. Абрам Осипович же дополнил эти прекрасные качества своим широчайшим кругозором, глубоким умом, своей неординарностью мышления, жизнелюбием, большим чувством юмора, и своей сверхдисциплинированностью во всем, особенно в работе, в делах. Два близких человека, которые понимают друг друга с полуслова, взаимная уступчивость во всем, беспредельная любовь к детям со стороны мамы и такая же любовь отца, но более строгая (кто-то же должен быть строгим!).

Трудно оторвать жизнь Абрама Осиповича от жизни Любви Михайловны, да это и не возможно. Да и зачем? Более пятидесяти лет, день за днем, в проблемах и в счастливых минутах, всегда вместе. Кто больше дал детям, людям, их окружающим? Все вместе. Один чуть больше сердца, другой - чуть больше рационализма и решимости, а вместе – два теплых сердца, умных, добрых и отзывчивых, без трепета перед трудностями, жаждущих дела, любящих людей и открытых для всех. Я

думаю, это прекрасный итог жизни, которая продолжается, пока лучики их сердец в детях, во всех, кто их знал, встречался с ними и любил!

Светлана Стернина,
невестка

О моем отце

Странная вещь жизнь. Идет очень быстро, но почему-то при этом воспоминания о молодости посещают все чаще. И все чаще я вспоминаю своих родителей, и, кажется, с годами все больше и больше люблю их.

Уже много лет нет нашего папы и нашей мамы. Мама умерла в 1998, папа – в 2001. Их фотографии стоят у нас с сестрой на видном месте – у нее в шкафу в квартире, где мы жили с нашими родителями, у меня на полке над мой рабочим столом.

Мы ходим на кладбище, где они лежат рядом, и где мы предусмотрели место и для себя. Мы рассказываем им о себе, о событиях в своей жизни. Обязательно говорим: «Мы живем дружно», они очень хотели, чтобы мы с сестрой ладили. А как же иначе?

Кладем им кусочки шоколадки – вся наша семья любила сладости, шоколадка была излюбленным лакомством.

И мы с сестрой всегда говорим друг другу, что они радовались бы за нас. Мы оба профессора, у нас интересная работа в университете, много друзей и учеников. Мы много пишем, печатаемся. Папа был бы рад, что я работаю на радио, стал членом союза журналистов – его журналистская закваска не пропала. Он любил журналистскую работу.

Папа был человек смелый, независимый. Его недруги открыто признавали это – прямо говорили ему: «Ваше большое положительное качество, Абрам Осипович – вы не боитесь начальства». Нам с сестрой это, в общем, тоже передалось.

Нам он говорил: «Я унижаться могу только для семьи».

Естественно, отца редко хвалило начальство – оно его всегда немного побаивалось, почти никогда не отмечали, редко чем-либо награждали. Он к этому относился по-философски и говорил нам: – «Отнять что-либо у человека обычно трудно, а вот не дать очень легко».

Когда его публично все-таки хвалили, он обычно очень смущался. Отец был очень скромным – на всех коллективных фотографиях он обязательно стоит сбоку или в последнем ряду, никогда – в центре.

Он был очень принципиальным, требовательным к себе и другим. Он работал очень много сам и заставлял так же работать окружающих его людей. Один из его друзей, проф. Н.В. Пилипенко из Москвы, говорил ему: «Не все могут работать так, как Вы, Абрам Осипович!».

Он был очень хорошим организатором – организовывал общественные мероприятия, конференции, повышение квалификации, кружки и тематические вечера, организовывал издание пособий и книг, массе людей

помогал печататься, двигаться в науке.

Папа в Воронеже преподавал в Лесотехническом институте философию. Наука сложная, для «лесников» – особенно. Но везде, где он работал (и в Ярославском пединституте, и в ЛТИ), он был требовательным преподавателем, заставлял всех студентов обязательно выучить необходимый минимум, никогда не ставил незаслуженных оценок.

Конечно, часто его просили «преодолеть принципиальность», поставить троечку двоечнику – «влюбился, болел, семейные проблемы, спортивные соревнования... войдите в положение». Часто начальство с такими просьбами обращалось – рядовые люди обычно знали о его принципиальности. Меня он учил: «Иногда так прижмут, чтобы ты поставил тройку, что не отвертеться. В таком случае надо поставить ее, в конце концов, но довести двоечника до слез, унижить его словесно: «Это позор – с такими знаниями пытаться учиться в вузе! Знаний – никаких! Элементарных вещей не понимаете! Стыдно! Это школьники знают! Нате вам вашу тройку, и чтобы на глаза мне больше не попадались! Вон отсюда!» – тогда хоть будет воспитательный эффект, двоечник запомнит, что получил положительную оценку незаслуженно».

Папа жил общественной работой, он без нее не мог с юности – был в первом пионерском отряде на Красной Пресне, в комсомоле, в армии. Он активно работал в обществе «Знание», читал много лекций для населения, входил в Воронеже в областное руководство общества «Знание».

Как-то приехала в Воронеж по линии общества «Знание» известная актриса Л. Хитяева, он вместе с ней выступал в каком-то трудовом коллективе. Познакомился с ней, а когда пришел домой – сказал: «Познакомился с Хитяевой. Очень красивая, но в философии разбирается слабо».

Отец очень любил студентов. И в Ярославле, и в Воронеже он всегда организовывал для них научные кружки, и к нему всегда в кружки охотно шли. Его «кружковцы», как он их называл, очень его любили, многие годы поддерживали с ним связь, писали ему письма, он гордился их успехами.

Многие годы с ним поддерживали связь члены кружка по логике, потом – кружка по атеизму из Ярославля; в Лесотехническом институте в Воронеже он вел философский кружок, и бывшие студенты до сих пор помнят эти кружки.

У него были верные друзья с детских и юношеских, особенно журналистских лет, со студенческих лет. Он был мотором и инициатором многих встреч «однокашников» – своих сокурсников по Воронежскому пединституту.

Он очень нежно и трогательно относился к маме – как, впрочем, и она к нему. Он сам придумал себе название «миоб» – «мещанин и обыватель». Ни тем, ни другим, он, конечно, не был, но этим названием он всегда подчеркивал, что для него главное – семья, он живет для семьи.

Мама была блондинка – для нашего отца это было очень важно: у него высший комплимент женщине был такой: «красивая женщина –

блондинка!».

Он всегда много писал, публиковался – писал легко, сказывалось его журналистское прошлое.

А вот докторскую не считал для себя возможным писать – считал, что у него нет достаточных знаний, чтобы претендовать на звание доктора наук, профессора. По знаниям, уму, начитанности, энциклопедическим знаниям, научной добросовестности, он, конечно, должен бы был стать доктором наук, его друзья – московские профессора-философы Н.В. Пилипенко, Г.М. Штракс, Б.Г. Сафронов его все время побуждали писать докторскую, но он считал, что он не достоин такого звания, что у него для этого нет необходимого научного уровня.

Он, например, считал себя недостаточно знающим для доктора наук иностранные языки. Многочисленные примеры гораздо менее умных и образованных людей, которые защищали докторские, его не убеждали – он говорил: «Ну, какие они доктора!». Сам он таким быть не хотел, а в своем научном уровне был не уверен. Он был больше преподаватель, лектор, методист, человек, умевший сложное изложить просто, и занимался этим с удовольствием.

Он никогда не шел на лекцию, заново не пересмотрев ее текст. Он никогда читал одну лекцию одинаково из года в год. Нам с сестрой он всегда говорил: «Надо хотя бы местами что-то в лекции переставить, примеры заменить, начать по-другому – иначе мне неинтересно». Хороший пример тем, кто десятилетиями читает студентам одно и то же по пожелтевшим бумажкам...

Он уделял очень много внимания нам, детям. Принцип воспитания у него был такой: «Лучшее воспитание – правильная жизнь родителей». Они с мамой показывали нам образец гармоничной, доброжелательной семейной жизни, где все интересуются всеми, все помогают всем и могут рассчитывать на помощь всех членов семьи. Он целенаправленно, не жалея времени, учил нас писать сочинения, писать статьи и заметки, читать художественную литературу, разбираться в политике, заниматься общественной работой. Обеспечил нам знание иностранных языков, что стало нашей профессией. Записывал нас в разные кружки, учил сестру музыке.

Мы, в общем, своих родителей не подводили. О нас папа говорил словами Дарвина, которого очень уважал: «Я счастлив тем, что мои дети ни в чем существенно меня не огорчали». Он очень гордился нашими успехами в учебе, в работе. Для него любой человек, который хвалил нас с сестрой или просто спрашивал про наши с сестрой дела, был, вне всякого сомнения, замечательный человек. Мама говорила: «Абраша, твое расположение очень легко завоевать – надо похвалить твоих детей».

Он учил нас общаться с людьми. Он учил меня всегда знать имена и отчества людей, с которыми приходится общаться. Он удивительно помнил фамилии, и обязательно имена и отчества тех, с кем знакомился и общался, мы всегда поражались этой его способности. И я не раз видел,

как это помогало ему в общении – люди, которых он называл по имени и отчеству, гораздо охотнее откликались на его просьбы.

Помню также, мы однажды гуляли во дворе и встретили пьяницу-электрика из нашего домоуправления. Отец попросил его прийти и починить нам розетку. Тот сказал – ладно, зайду вечером. Но папа еще долго ему объяснял, что розетка искрит, а туда надо включить настольную лампу, она ему очень нужна, поскольку он преподаватель и ему надо вечером готовиться к занятиям. А жена утюг включает именно в эту розетку, до других розеток шнур утюга не дотягивается – не ходить же нам теперь в мятых рубашках с сыном! А из-за искр жена боится включать утюг. Я-то могу включить лампу, ну поискрит немного, а жена боится. Ну что поделать – женщина! Электрик кивает, говорит, что придет, а папа опять ему повторяет про настольную лампу и «бестолковую» женщину. Я потом папе говорю: - Зачем ты так долго с ним разговаривал? Он же сказал, что придет. А папа отвечает: - С безответственными людьми надо разговаривать долго, иначе обязательно забудет, о чем его просили.

И электрик действительно не забыл, пришел.

Отец был очень нетребователен в пище, одежде. Он совсем не умел носить обновки, мама всегда горевала: «Ну почему на тебе ничего новое не смотрится!»

В 50-ые годы, в голодное ярославское время, мама рассказывала, что она часто делала капустную солянку – папа говорил, что ему нравится. И только в середине 50-ых гг., когда жизнь стала немного лучше и появилась другая пища, он признался маме, что терпеть солянку не может, а говорил, что любит, потому что ей больше нечем было кормить семью.

Почерк у него был ужасный, разбирали его только мы, члены семьи. Машинисткам это было истинное испытание. Но в Воронеже мы купили пишущую машинку – какое это было облегчение! Машинку было достать нелегко, они были только в комиссионных магазинах. И вот я притащил из комиссионки «Башкирию» с большой кареткой, поставил на стол. Пришел папа, сел и так затрещал на этой машинке, с такой скоростью, что я был просто поражен. А он говорит: «Тридцатые годы вспомнил, журналистские свои годы».

И еще наш отец был очень веселым и остроумным человеком. У нас всегда в семье было весело, он много шутил, придумывал смешные слова, веселые стихи. Это очень помогало во многих случаях жизни.

Когда он был в санатории, я приехал к нему и не нашел его в палате. Мне говорят: «Он в изоляторе». Я напугался, бегу туда. А его поместили туда за какое-то невинное расстройство здоровья – на всякий случай. Нам он не сообщал, чтобы не пугать нас. А мне сказал: «Обидно, конечно, но я называю это место «изолайтер», тогда смешнее и не так обидно, что меня сюда загнали».

Врач сказал ему как-то: «У вас проблемы с кишечником». А он нам говорит: «Надо же, открыл мне врач глаза. Да моим кишкам 90 лет, как они могут быть в порядке».

Когда ему сказали, что у него печень увеличена, он сначала расстроился, а потом нам говорит: «А что расстраиваться? Что значит увеличена? Сравнили одного, у кого маленькая, одного, у которого большая, и высчитали среднюю. Но ведь у каждого своя! И у меня своя. Так что не стоит из-за этого огорчаться!»

А одну злобную даму по фамилии Телия, которая препятствовала мне с защитой диссертации, он назвал «Стервателия»

В детстве он придумал нам «КГГ» – прогулку «куда глаза глядят», мы с удовольствием и сейчас этим сокращением пользуемся в своей речи.

Как-то он говорит: «А я загадку придумал: *Белые вагоны едят макароны*. Спрашиваем: - «А что это?». – «Как что? Зубы». – «А почему вагоны? – «А чтоб загадка была!»

А еще один раз он прочитал нам стихотворение:

Говорят, что старики впадают в детство.

Я старик, и я впадаю.

*В детстве я писал стихи –
и теперь я сочиняю.*

Он знал много веселых «хулиганских» песенок 20-30-ых гг., и с большим юмором и удовольствием их иногда исполнял.

Когда Брежнев призывал советских людей иметь «активную жизненную позицию», папа придумал для этого понятия сокращение «АЖП» и говорил: «У нашей семьи всегда была высокая АЖП»

Приведу по памяти некоторые папины шуточные высказывания, которые запомнились:

- Надо вставать, а то утро убежит.
- Надо принять дым (активированный уголь).
- Мы твою шоколадку сегодня рассмотрели (съели).
- Творога нет? Ну, ладно. Но булочка будет с маслом.
- Компот особенно полезен с белой булочкой.
- Продукты бывают разные. Например, печенье. Оно сыплется.
- *После ужина:* Очень хорошо выступил судак.
- Крокодельки вкусные в супе.
- Снимай с меня сарафан (*фартук*).
- Меня должна приготовить (одеть) и забрать Марина (*то есть он пойдет гулять с Мариной*)
- Под пальто я могу выглядеть вполне приличным человеком.
- *Показывает на свою седую голову:* Это мой пропуск!
- Мы попали в неудачу.
- Йоська – хорошее место для языкознания.
- В чужой остановке Марина выявляет себя устойчивым элементом.
- Если кто-то придет из милиции – скажите, что папа хорошо моет посуду.
- Зачем новое пальто купили? А со старым что будем делать?

- Мы всегда пишем так: заявление, а копию в прокуратуру.
- *Дает сыну шоколадку, чтобы вместе съесть:* - По-моему, это решение справедливое: Маринка в Америке, а мы здесь.
- Телегу заказал? (*такси*)
- Как? Семь часов? А было шесть, я видел!
- День убавлялся. А мы с мамой начали следить, он стал прибавляться.
- Я начинаю спать.

Таким мы его и помним – умным, любящим нас и веселым человеком. Светлая память тебе, дорогой папа!

О маме

Вспоминая нашего отца, нельзя не вспомнить и нашу маму, с которой они прожили вместе более 50 лет.

Наша мама, Любовь Михайловна, в девичестве Кухаркина, была у нас в семье незаметно главной. Мы о ней как-то меньше помним – именно потому, что она была скромной, незаметной, она была фоном нашей семьи. Она всегда держалась в тени папы, всю свою жизнь строила для него и для нас.

Она была действительно очень скромным человеком. Наши соседи по дому говорили о ней: - «Могла бы одеваться, муж доцент, но всегда ходит очень скромно».

Она имела экономическое образование – инженер-экономист. В войну работала на подмосковном военном заводе, награждена медалями за оборону Москвы, за победу в Отечественной войне.

А в 1946 г. вышла замуж за нашего папу и целиком посвятила свою жизнь нам – нашему отцу и нам, детям. Как мы ей за это благодарны!

В маминой семье тоже всегда жили скромно, наша замечательная бабушка Антонина Семеновна научила маму поддерживать дом в условиях скромного достатка. Мама рассказывала, что еще в школе ей завидовали – «Кухаркина умеет одеваться, всегда хорошо одета! А я сама пришью на старое платье новый воротничок – и вся обновка! А все завидуют!».

Денег у нас в семье всегда было в обрез – работал один папа, но благодаря маме мы никогда не испытывали ни в чем нужду, и всегда денег на все хватало. Как ей это удавалось? Мы и сейчас восхищаемся этим и не понимаем.

Она была образцовой мамой – умела вести хозяйство экономно, но эффективно. У нас не было ситуации, чтобы дома ничего не было из еды – всегда было и чем угостить внезапно пришедших наших друзей. Они часто приходили, знали эту нашу семейную особенность.

Спрашиваем: - Мама, откуда? Она отвечает: - Из холодильника.

Мама очень вкусно готовила, ее научила бабушка. Очень хорошо пекла

пироги, особые «скрытые ватрушки». Я брал их с собой в университет, так меня сокурсники спрашивали: «Твоя заботливая мама случайно не положила тебе пирожка или ватрушки?»

Я был единственный парень в группе, но студенческие междусобойчики проходили чаще всего на нашей квартире, а не у кого-нибудь из девчонок. Мама всех кормила.

Ездил на рынок. Удалось купить кусочек мяса – с гордостью говорила: «Он там завалился, его не видели, а я углядела и попросила именно его».

Никогда не говорила – «я у плиты провела всю свою жизнь», «я только кухню в жизни и знала» и под., наоборот, говорила, что прожила счастливую жизнь. Меня ласково называла «мой первенец».

Не любила парикмахерские, делала скромную прическу сама, а стричь себя просила меня – я говорил, «мама, я же не умею», а она говорила – «а ты только подровняй».

Она не любила «балакать» с соседями, никогда не ходила по двору, чтобы поговорить с соседями, но, глядя из окна во двор, все знала про всех – кто в отпуске, кто болеет, кто уезжал, кто приехал.

Всегда во всем поддерживала нашего папу. Очень заботилась о его здоровье – регулярно отправляла его на курорт, лечила, а сама всегда была здорова и ни в каких курортах не нуждалась. У папы было слабое здоровье, и то, что он прожил до 92 лет – заслуга, прежде всего, нашей дорогой мамы.

Тяжелые предвоенные и военные годы научили маму экономности и бережливости, которую мы, дети другого поколения, часто не понимали. Она практически ничего из вещей не выбрасывала, все сохраняла, копила. Когда она умерла, мы нашли в «домашних закромах» много сахара, подсолнечного масла, круп – в тяжелые перестроечные годы, во время талонной системы она тоже все запасала по военной привычке. Очень много было варенья, макарон.

Всегда оставляла обрезочки тканей, распоротые вещи – «может, понадобится».

Всю одежду чинила сама, все зашивала, подшивала, штопала.

И еще всегда будила нас утром, в то время, которое мы попросим – а сама всегда вставала рано, без будильника. Как ей это удавалось?

Иосиф Стернин,
сын

Мой папуса

Наш папа был просто замечательный! Умный, заботливый, любящий, веселый и остроумный. Прекрасный лектор и педагог, умелый организатор и воспитатель. Он все делал для нашей семьи, для нас, своих детей. Папа активно занимался наукой, преподавал в вузе, работал в обществе «Знание», читал лекции на предприятиях, вел разнообразную общественную работу. И при этом всегда находил время на общение с

семьей и детьми.

С самого раннего детства мы знали, что в выходные обязательно будем гулять с папой, причем по отдельности – в воскресенье он ходил гулять с братом, в субботу – со мной, или наоборот. Мы гуляли по несколько часов, при этом папа все время со мной разговаривал – удивляюсь, как только он находил темы для общения с маленьким ребенком. Я очень любила такие прогулки, мы называли их по папиной инициативе «КГГ» - это расшифровалось так: *куда глаза глядят*. И мы, действительно, выходили из дома и шли в любую сторону – куда в тот день глядели наши глаза. В процессе прогулки обязательно перекусывали либо тем, что давала нам с собой мама, либо пили кофе с булочкой с изюмом, которые покупали в кафе. Таков был ритуал.

Часто у нас были дни, когда мы всей семьей ходили куда-нибудь на целый день – это были настоящие семейные праздники, папа при этом отвечал за организацию данного мероприятия, а мама – за хозяйственное сопровождение (еду, одежду).

На всю жизнь я запомнила март 1961 года – у папы была стажировка в Москве, и он взял меня с собой. Мы жили у бабушки в Подмосковье, во второй половине дня папа занимался научной работой, а в первой мы с ним строили снежную крепость. За две недели мы построили огромную крепость с башнями и даже водрузили на ней флажок, за которым бабушка специально ездила в «Детский мир».

Наши детские дела были для папы всегда очень важны. Какой-то год в Ярославле нельзя было достать елку, и папа с братом принесли ее пешком по льду через Волгу. Когда мне должно было исполниться 10 лет, родители обещали подарить мне на день рождения большую куклу – последнюю. В Воронеже достать такую по тем временам было проблематично, и папа купил мне ее в Москве. Он там был перед моим днем рождения ограниченное время, у него было много дел, но он запланировал покупку для меня куклы и купил ее.

Сколько я помню родителей – они всегда работали: мама обеспечивала семейный быт, который всегда был образцово налажен при достаточно скромном семейном бюджете (мама была экономистом по образованию и папа всегда шутил, что очень выгодно иметь в семье своего экономиста), а сам папа большей частью вспоминается мне с ручкой или книгой, либо с тем и другим. Говоря современным языком, его можно назвать трудоголиком. Когда мы выезжали летом на дачу под Ярославлем и устраивали там «зеленые» дни, уходя всей семьей на целый день в лес, у папы обязательно был в лесу пенек на полянке, где он занимался – мы называли это место «зеленый кабинет». Папа занимался научной работой и писал статьи до самого преклонного возраста. Будучи на пенсии, он выпустил очередное издание своей книги «В помощь изучающим работу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», написал целый ряд других работ, ярко демонстрируя тот факт, что научный работник не может просто уйти на пенсию.

Всю жизнь папа занимался общественной работой. Он был в первом пионерском отряде в Москве, работал вожатым, а, работая учителем в школе, организовывал литературные кружки, которые были известны далеко за пределами школы и города. В вузе он также всегда вел студенческие кружки по своему предмету. Когда в 1968 году мы, наконец, получили отдельную квартиру в новом доме, который был построен Министерством образования для работников вузов, папу избрали председателем домсовета. Он умело наладил работу, регулярно проводил собрания ответственных по подъездам, организовал озеленение дворовой территории. Те деревья, которые сейчас окружают наш дом, обязаны своим появлением организаторским усилиям нашего папы.

К счастью, и я, и брат переняли у папы организаторские способности и любовь к общественной работе – мы многое можем организовать и сделать, и в этом заслуга нашего отца.

Во всех ответственных моментах нашей жизни папа был рядом с нами. Они с мамой выбрали нам школу с углубленным изучением английского языка и тем самым определили нашу судьбу. Когда мы переехали в Воронеж и выяснилось, что школа, в которую пошел брат, намного слабее по преподаванию английского, чем та, в которой мы учились в Ярославле, да к тому же, в год окончания школы Иосифом должно было быть два выпуска школьников – 10 и 11 классы одновременно, папа узнал о существовании заочной школы, которую можно было закончить экстерном, и перевел брата туда.

После окончания университета Иосиф поступил в заочную аспирантуру в Институт языкознания Академии Наук. Отсрочка от армии ему не полагалась, и папа приложил максимум усилий, чтобы брат мог спокойно написать диссертацию. Ходил в военкомат и говорил: «Ну дайте ему возможность защитить диссертацию! Он обязательно пойдет служить, но дайте ему возможность защититься!» Когда Иосик защитился (за 2,5 года вместо четырех, положенных в заочной аспирантуре), в военкомате почему-то решили еще на полгода отложить его призыв. И папа пошел к военному просить, чтобы взяли в этом году, не откладывали больше. Рассказывал, как военком поразился: «Все ходят, просят не брать. А вы просите взять в армию!» И на следующий же день Иосик уже поехал служить.

Со мной папа много занимался. В детстве он учил меня читать, и именно с ним я прочитала свою первую книгу про маляров. Когда я была в 7-м классе, он в лесу давал мне уроки логики. Я до сих пор помню определение понятия, которое мы выучили в лесу и, когда мне приходится объяснять его студентам, всегда мысленно говорю спасибо своему папе. Папа готовил меня и в университет – мы занимались с ним русским языком, литературой и историей. Эти наши занятия мне очень много дали.

Когда в 1973 году я оформлялась на поездку по туристической путевке в Англию (это по тем временам была целая эпопея), папа принимал во всем непосредственное участие: уговорил глазного врача не отводить меня

по причине моего косоглазия, готовил меня к прохождению всех многочисленных комиссий, ездил со мной на такси платить за путевку.

Когда я после окончания университета поехала работать по распределению в среднюю школу г. Павловска, папа ездил со мной посмотреть место моей будущей работы, купил мне будильник, сказав «Папа тебя будет там будить» (этот папин подарок жив у меня до сих пор). Папа приезжал ко мне в Павловск, ходил на мои уроки, давал мне советы. После моего возвращения папа помог мне устроиться на работу, а когда, уже после защиты кандидатской диссертации я не могла перейти на преподавательскую работу из-за пресловутой «борьбы с родственниками», которая развернулась тогда в университете (а у меня там уже работал брат), принял самое деятельное участие в моем трудоустройстве.

Мы с братом научились у нашего папы ответственному отношению к любому делу, за которое мы беремся. Будучи пятиклассницей, я по поручению папы ездила к нему в лесотехнический институт или Дом политпросвещения с различными поручениями – отвозила и забирала для него статьи, документы, отчеты. Передавая со мной материалы для своего коллеги В.Н. Урывского, папа назвал меня в сопроводительной записке «ответственным человеком», и это была для меня лучшая похвала.

Папа имел хорошие журналистские способности – с детства печатался в журналах и газетах, в молодости работал корреспондентом ряда Центральных газет, в Ярославле был редактором институтской многотиражки. Мы с братом тоже много пишем и печатаемся. В свое время оба много писали для газеты «Воронежский университет», сейчас Иосиф ведет еженедельную радиопередачу «Территория слова», стал членом союза журналистов, лауреатом областной премии по журналистике, я уже много лет выпускаю студенческую газету на английском языке, являюсь редактором Бюллетеня Национального Объединения преподавателей английского языка России. Все это благодаря нашему папе, который был первым нашим учителем и редактором на журналистском поприще. Отец научил меня и редактировать чужие тексты – первый мой путь по редактированию сборника «Организация приема в вузы» мы прошли с ним совместно.

Именно папа подвиг меня на написание докторской. Он очень гордился, что у него сын профессор, и хотел, чтобы я тоже стала профессором. Когда я начала писать диссертацию, он написал на листочке бумаги «Тише, докторская!» и прикрепил ее на дверь моей комнаты.

Отец навсегда остался для нас с братом жизненным примером. Он никогда не шел на сделки с совестью, всегда проявлял принципиальность и решительно боролся с несправедливостью. В то же время всегда был оптимистом и очень веселым и добрым человеком. Он был родом из бедной еврейской семьи и всего в жизни добился сам, сам себя сделал, как и его любимый герой Рахметов. Нам повезло больше – нас сделал наш папа.

Марина Стернина, дочь

Напутствие
На смерть А.О. Стернина

М.С. Лобач

Оружия, злата, богатого платья
Никто на тот свет не возьмет.
Всею жизнью своей неизменно мы платим
За свой неизбежный уход

А, может быть, ПРАВО НА ВХОД?!..

Пред этой чертой между жизнью и ЧЕМ-ТО
Робеет невольно любой.
Лети же, душа - перерезана лента,
Вселенная перед тобой.

1.11.2001

Фотовоспоминания

В этом разделе книги публикуются фотографии, относящиеся к разным периодам жизни А.О.Стернина и его семьи с краткими комментариями, поясняющими ту или иную ситуацию, отраженную на снимке.

Датировка некоторых фотографий носит приблизительный характер.

Семья А.Стернина. Начало 20-ых гг., Витебск. В центре мать и отец, А.Стернин в верхнем ряду второй слева, между старшим братом и старшей сестрой.

1929 г., Москва. А.Стернину 20 лет.

Воронеж, 1937 г.

Корреспондент газеты «Пищевая индустрия» по Центральному Черноземью и одновременно - студент Воронежского пединститута.

1937г.

Со старшей сестрой Бейлей.

3 июня 1946 г., подмосковный г. Люберцы.
 А.Стернин, учитель русского языка, крайний справа.
 Через месяц – свадьба с Любой Кухаркиной.

1949 г., Москва.
 Сыну Иосифу 1 год.

1954, Ярославль.
Молодой доцент Ярославского ГПИ

1 января 1957 г., Ярославль.
С дочкой Мариной (2,5 года).

1957, Ярославль.
Вся семья в полном составе. Марине 3 года, Иосифу 9 лет.

1962, Ярославль
Читает с дочерью книгу.

1973, Воронеж.
С коллегами по кафедре истории КПСС и философии ВЛТИ.
А.Стернин второй справа в верхнем ряду.

1977, Воронеж.
Встреча сокурсников в Воронеже – выпуск ВГПИ 1941 г.
А.Стернин третий справа в верхнем ряду.

1981, Воронеж.
С женой Любовью Михайловной.

6 июля 1996 г., Воронеж
«Золотая свадьба» А.О.Стернина и Л.М.Стерниных.

На этом снимке некоторые авторы публикуемых в этой книге воспоминаний об А.О.Стернине: М.Б.Деревянко (вторая слева в первом ряду). Н.А.Миронова (третья слева в первом ряду), Ю.Н.Строков (крайний справа в верхнем ряду), С.Г.Стернина (третья справа в верхнем ряду).

1997, Воронеж.
Л.М.Стернина

Август 1999, Воронеж
С сыном и дочерью.

1999, Воронеж
Папа знакомится с купленным компьютером.

13 июля 1999, 90-летие
Вышла вторая часть воспоминаний «Диалектика прошлого».

Сокурсники В.М.Баранов и И.А.Юмшанова
на 90-летию А.О.Стернина (1999) смотрят его воспоминания.

167

2001

Помним нашего папу таким.

Содержание

От составителей	3
Диалектика прошлого. Воспоминания. Ч.1. 1997	4
Диалектика прошлого. Воспоминания. Ч.2. 1999	56
Диалектика прошлого. Воспоминания. Ч.3. 2001	90
Абрам Осипович Стернин. Указатель основных публикаций	121
 Воспоминания об А.О.Стернине	
В.С. Листенгартен. Человек исторического оптимизма	131
Ю.Н. Строков. Оставил о себе добрую память	132
Н.А. Миронова. Слово об учителе	134
Ю.И. Шварев. Человек с доброй душой	134
И.С. Гошук. Он прожил достойную жизнь	137
Л.М. Мартыненко. Человек высокой нравственности	138
И.А. Юмшанова. Мой сокурсник Абрам Стернин	139
М.И. Назимова. Помню вашего отца	141
М.Я. Деревянко. Мы жили по соседству	142
С.Г. Стернина. Два сердца	143
И.А. Стернин. О моем отце	146
И.А. Стернин. О маме	151
М.А. Стернина. Мой папуся	152
М.С. Лобач. Напутствие	156
 Фотовоспоминания	 157